

INSPIRIA

ДЖОАННА КУЙНН

ТЕАТР
КИТОВОГО
УСА

INSPIRIA

Novel. Актуальное историческое

Джоанна Куинн

Театр китового уса

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Куинн Д.

Театр китового уса / Д. Куинн — «Эксмо», 2022 — (Novel.
Актуальное историческое)

ISBN 978-5-04-183749-5

**ВЫБОР КНИЖНОГО КЛУБА КОРОЛЕВЫ-КОНСОРТА
ВЕЛИКОБРИТАНИИ.** Уютный роман взросления в духе произведений
Диккенса, Лемони Сникет и «Я захватываю замок». Однажды штормовой
ночью 1928 года на берег Британского Канала выбрасывает огромного кита.
По закону тело животного принадлежит королю, но у двенадцатилетней
Кристабель другие планы. Вместе с братом, сестрой и несколькими
домочадцами она организует театр в гигантском остове кита. Там она
может скрыться от никчемных приемных родителей и их бестолковых
воспитательных затей. Но Кристабель даже не подозревает, какую роль
сыграет в ее жизни этот детский импровизированный театр, когда через
десять лет она и ее младший брат окажутся в самом сердце оккупированной
нацистами Франции в качестве тайных агентов британской короны.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-183749-5

© Куинн Д., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Акт первый	6
Последний день года	6
Следующим утром	11
Блудный брат	16
Кружение	20
Призывы	25
Сперва примулы	29
Под кроватями	32
Спящая женщина	34
Кристабель и истории	37
Ожидание и желание	39
Рождественская охота	42
Его	48
Они не пускают его	50
После	51
Овощ	52
Напрочь	56
Штуки	59
Охотничья луна	61
Дневник Моды Киткат	65
Акт второй	66
Падение кита	66
Прибытие бога Посейдона	74
Добро пожаловать в Чилкомб	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Джоанна Куинн Театр китового уса

Joanna Quinn The Whalebone Theatre

© Joanna Quinn, 2022

© Обаленская И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

В оформлении переплета использованы иллюстрации: © sicegame, Design Projects / Shutterstock.com

* * *

Нэнси и Эби

*Этим ревущим валам нет дела до королей!
Уильям Шекспир, «Буря»¹*

¹ Перевод М. Донского.

Акт первый 1919–1920

Последний день года

31 декабря 1919

Дорсет

Кристабель поднимает палку. Та удобно ложится в руку. Она в саду, ждет с остальными домашними, когда отец привезет ее новую мать. Слуги, одетые в форму, согревают озябшие пальцы дыханием. Грачи без энтузиазма каркают с деревьев, окружающих дом. На дворе последний день декабря, остаток года. День клонится к закату, а по двору, превратившемуся в болото из грязи и старого снега, топает в высоких кожаных сапожках трехлетняя Кристабель – маленький страж в застегнутом на латунные пуговицы зимнем пальто с мечом-палкой в руке.

Она размахивает палкой из стороны в сторону, наслаждаясь свистом – *шух, ш-шух*, как ложкой подбирает кусок грязного снега и подносит ко рту. Снег на языке такой же холодный, как цветы изморози на окне ее чердака, но менее цепкий. Вкус разочаровывающе никакой. Где-то слишком далеко, чтобы волноваться об этом, няня зовет ее по имени. Кристабель отмахивается от звука, единожды моргнув. На окраине сада она замечает жеманящиеся подснежники. *Ш-шух, шух*.

Отец Кристабель Джаспер Сигрейв и его свежеиспеченная жена в это мгновение едут в запряженном лошаадьми экипаже по подъездной дорожке к родовому гнезду Джаспера, Чилкомбу – многокрышному, многотрубному, укутанному плющом поместью с неуклюжей атмосферой усталого величия. Его силуэт – множество просевших треугольников и пучки высоких труб; так он ежился на нависающем над океаном лесистом утесе четыре столетия, шурясь освинцованными окнами против морских ветров и исторического прогресса, всем своим видом выражая постепенный упадок.

Прислуга Чилкомба уверяет, что сегодня особенный день, но Кристабель находит его скучным. Слишком много ожидания. Слишком много опрятности. О таком дне не расскажешь достойную историю. Кристабель любит истории с мушкетонами и собаками, а не с женами и ожиданием. *Ш-шух*. Собирая последние подснежники, она слышит костяной хруст гравия под колесами.

Ее отец первым выбирается из экипажа – круглый и довольный, как выскочившая из стручка фасолина. Затем появляется нога в застегнутом на пуговицы сапожке, а следом – бархатная шляпа, из-под приподнятых полей которой ее хозяйка взирает на дом. Кристабель изучает обрамленное бакенбардами лицо отца. Он тоже смотрит вверх, на молодую женщину в шляпе, которая, все еще замерев на ступеньке экипажа, кажется много выше его.

Кристабель топает к ним по снегу. Она почти у цели, когда ее с шипением хватает няня:

– Что это у тебя в руках? Где твои перчатки?

Джаспер оборачивается.

– Почему ребенок весь в грязи?

Ребенок в грязи не обращает на отца внимания. Он ей не интересен. Сердитый, рассерженный человек. Вместо этого она приближается к новой матери, протягивая пригоршню грязи и лепестков подснежника. Но новая мать умеет принимать неуклюжие подарки – она в конце концов согласилась на бурное предложение Джаспера Сигрейва, круглого вдовца с хромотой и неусмиримой бородой.

– Для меня, – говорит новая мать, и в словах ее нет тени вопроса. – Как свежо.

Она спускается из экипажа и улыбается, а рука ее плывет по воздуху, пока не устраивается на голове Кристabelle, будто та для этого и предназначена. Помимо бархатной шляпы, новая мать укутана в шерстяной костюм для путешествий и норковую накидку.

Джаспер поворачивается к прислуге и объявляет:

– Позвольте представить мою новую жену, миссис Розалинду Сигрейв.

Раздаются аплодисменты.

Кристabelle кажется странным, что новую мать зовут Сигрейв, как и ее. Она смотрит на грязь в своей руке, а затем переворачивает ее, позволяя комку шлепнуться на сапоги новой матери, чтобы посмотреть, что случится.

Розалинда отходит от угрюмой девочки. Дитя без матери, напоминает она себе, растет без женского воспитания. Она размышляет мельком, что стоило бы привезти лент для спутанных черных волос или черепаховый гребень, но тут к ней подходит Джаспер и ведет к дверям.

– Наконец привез тебя сюда, – говорит он. – Чилкомб не в лучшем состоянии. Раньше у входа были роскошные кованые ворота.

Пересекая порог, он говорит о сегодняшнем праздновании. Жители деревни рады ее прибытию, за домом возвели шатер, к вечеру запекут свинью, и все будут кружками с элем провозглашать тосты за их брак. Затем он подмигивает, пыжась в твидовом костюме, а она гадает, что он имеет в виду этим прикрытием одного глаза, этой постановочной гримасой.

Розалинда Сигрейв, урожденная Эллиот, двадцати трех лет, описанная в апрельском выпуске «Татлера» за 1914 год как «собранный лондонская дебютантка», проходит сквозь каменную прихожую Чилкомба в отделанную деревянными панелями комнату, что возносится вверх, как средневековый рыцарский зал. Это полая воронка, тускло освещенная дрожащим пламенем свечей в латунных настенных рожках, а в воздухе стоит затхлость пустой часовни, затерянной в стороне от дороги.

Странное чувство – входить в чужой дом, зная, что в нем твое будущее. Розалинда оглядывается, пытаясь осмотреть его до того, как он заметит ее. В задней части зала камин: большой, каменный и незажженный. Над ним висят скрещенные мечи. Мебели немного, и та, вопреки надеждам, не кажется ей привлекательной. Резной дубовый сундук с железными скобами. Доспехи с копьем в металлической руке. Напольные часы, линияющая рождественская ель и рояль, украшенный вазой с лилиями.

Она знает, что рояль – свадебный подарок от мужа, но он стоит в стороне, под чучелом оленьей головы. Со стен вокруг топорщатся головы других животных – львов и антилоп со стеклянными глазами, свисают гобелены с профилями людей, размахивающих стрелами. Синий на гобеленах выцветает последним, и когда-то бодрые изображения битв превратились в траурные подводные сцены.

Справа от камина изогнутая деревянная лестница ведет на верхние этажи дома, тогда как по обе стороны от нее истертые персидские ковры ведут сквозь арки в темные комнаты, которые ведут к другим проходам в темные комнаты, и так далее, до бесконечности. Она делает шаг вперед, и каблук сапога задевает за ковер. На время приемов ковры придется убирать, думает она.

Джаспер появляется рядом. Он разговаривает с дворецким.

– Скажи-ка, Блайз, мой заблудший братец приехал? Не удостоил нас своим появлением на свадьбе.

Дворецкий едва заметно качает головой, потому что так Чилкомбом и управляют – жестами настолько знакомыми и истершимися, что они стали отсутствием жестов – ощущением, что чего-то не хватает, отпечатком окаменелости, оставшейся на камне.

Джаспер фыркает, обращается к жене:

– Горничные проводят тебя в твою комнату.

Розалинду ведут по лестнице мимо вереницы картин мужчин в воротниках, ради запечатления на портретах замерших во время охоты и уместивших утянутые в чулки ноги на еще теплые тела кабанов.

Кристабель следит из угла. Она устроилась за деревянной стойкой для зонтов в виде индийского мальчика – его протянутые руки образуют кольцо, в котором оставляют зонты, стеки и трости отца. Она ждет, когда новая мать пропадет из виду, а затем бежит к задней лестнице, спрятанной от глаз за основной. Та ведет вниз, в царство слуг: кухню, судомойку, кладовки и подвалы. Здесь, в корнях дома, она может спрятаться и изучить свои новые сокровища: палку и полумесяцы грязи под ногтями.

В этот день под лестницей шумно, а выложенная плиткой кухня кипит. Слуги радуются вечерним празднованиям, переживают о свадебном приеме, делятся слухами о новой жене. Кристабель заползает под кухонный стол и прислушивается. Вспышками молний сознание освещают интересные вещи: любимые слова вроде «лошади» или «пудинга»; голоса, которые она узнает среди гама.

Ее внимание привлекает Моды Киткат, самая молодая горничная:

– Возможно, у мисс Кристабель скоро появится братик.

Кристабель не видела, чтобы из экипажа выходил братик, но, возможно, он придет позже. Она будет ему очень рада. Играть и драться.

Она радуется и горничной Моды Киткат. Они обе спят на чердаке и вместе учат буквы. Кристабель часто просит Моды написать имена знакомых ей людей на конденсате чердачных окон, и Моды слушается, со скрипом выводя пальцем слова – М-О-Д-И, С-О-Б-А-К-А, Н-Я-Н-Я, П-О-В-А-Р-И-Х-А, чтобы Кристабель могла собственным пальчиком повторить их путь или стереть, если они ей не нравятся. Иногда по ночам, если Кристабель видит сон из тех, что заставляют кричать, Моды приходит навестить ее, гладит по голове и говорит: ш-ш-ш, малышка, ш-ш-ш, не плачь.

В кухне Повариха говорит:

– Наследник поместья, а? Будем надеяться, у Джаспера Сигрейва еще остался порох.

Следует взрыв смеха. Мужской голос кричит:

– Если у него не выйдет, я возьмусь попробовать!

Еще смех, грохот, что-то падает. Рев слуг от этого непонятого диалога грохочущей волной накрывает Кристабель. Она решает писать буквы палкой, обводит круг в муке на выложенном каменными плитами полу, круг за кругом. О. О. О. О. Ей редко удается провести время вдали от докучливой няни, поэтому нельзя его терять. О. О. О.

О значит «ох». О значит «охнетКристабельчтотыопятьнатворила».

Наверху на первом этаже Розалинда сидит у туалетного столика в своей новой спальне – хотя ее едва ли можно назвать новой, настолько все в ней кажется древним. Это комната с агрессивно-скрипучими полами и хрупкой мебелью из красного дерева, освещенная закопченными масляными лампами: коллекция предметов, что не выносят прикосновений. Она слышит доносящийся откуда-то смех и чувствует, как на плечи опускается напряжение. За спиной стоит горничная, расчесывая чернильно-темные волосы Розалинды, а другая распаковывает

ее чемоданы, аккуратно достает нижнее белье, сложенное в надушенные атласные подушечки. Розалинда чувствует, как ее изучают, оценивают. Она жалеет, что не может сама распаковать собственный багаж.

Розалинда ловит свое отражение в зеркале туалетного столика, берет себя в руки. У нее бойкое лицо любимого ребенка. Широкие глаза, вздернутый нос. К ним прилагается самовыученная привычка складывать руки под подбородком, будто ее обрадовали неожиданными подарками. Так она сейчас и делает.

Она справилась, несмотря ни на что; она должна в это верить. В Лондоне ходили неприятные слухи. Намеки на неразумные связи. Предположения, что она испортила свои шансы, переборщив с ухажерами. Но все те мужчины позади. Один за другим все очаровательные мальчишки, с которыми она танцевала, гуляла и ужинала, пропали. Сперва это было ужасно, затем стало привычно – что было хуже, чем ужасно, но не так утомительно. Через некоторое время это стало обыденностью. Махая, они уезжали на поездах и сходили в землю в местах с чуждыми именами, что со временем стали привычными: Ипр, Аррас, Сомма.

Годы войны стали болезненно монотонным временем, которое Розалинда провела, сидя в жестком кресле, пытаясь закончить вышивку, пока мать озвучивала имена подходящих молодых людей, которых «Таймс» помещал в списки погибших или пропавших без вести. В газетах писали о «лишних женщинах» – миллионах старых дев, которые никогда не выйдут замуж из-за недостатка подходящих мужей. Розалинда вырезала из журналов изображения молодых жен из общества и клеивала в альбом счастливых беглянок. Она боялась, что превратится в затянутый в черное реликт, как собственная мать-вдова: одинокая женщина, суестьющаяся над чашечками и маленькими собачками с обезьяньими мордочками, попавшая в ловушку корзиночек с вязанием и капризных скамеечек для ног.

Даже когда кончилась Великая война, праздновать было не с кем. Те немногие приемлемые мужчины, что все-таки вернулись домой, проводили приемы, обмениваясь рассказами о битвах с крепкими девушками, что тоже носили форму, пока Розалинда подпирала стену с пустой карточкой для танцев. Так что встреча с Джаспером Сигрейвом, вдовцом, ищущим молодую жену, которая родит ему сына и наследника, будто открыла ей маленький проход, через который она могла проползти в наполненный апельсиновым светом день свадьбы, где ее будет ждать собственный дом.

И вот она здесь. Она добралась. Зимняя свадьба – не идеальная, но все же свадьба. Несмотря на назальные проблемы жениха. Несмотря на то, что он настоял на тряской поездке в экипаже. Несмотря на то, что вид за окном дребезжащего экипажа дергался вперед и назад, будто задник держали неумелые работники сцены. Несмотря на скребущее, сжимающее сердце чувство. Все это можно исправить.

Розалинда поднимает новые бриллиантовые серьги к ушам. Она следит, как одна из горничных выкладывает ее шифоновый пеньюар цвета слоновой кости, аккуратно расправляя его на кровати со столбиками, поверх высокого матраса, как в сказке о принцессе на горошине. За темнеющим окном трещит костер, переговариваются прибывающие жители деревни, и разносится насыщенный, жженный запах запекающегося мяса.

Кристабель стоит в саду у костра, не отрывая глаз от молочного поросенка на вертеле, зависшего над пламенем с красным яблоком во рту. В правой руке она держит палку. Левая в кармане пальто – пальцы перебирают найденные под лестницей новые сокровища: обрывок газеты и огрызок карандаша. Ее будто успокаивает возможность касаться этих мелочей.

Ей слышно, как няня носится по дому в ее поисках, рассерженный нянькин голос проносится над головой, как лай собачьей своры. Кристабель знает, что будет дальше. Ее отведут наверх в комнату и оставят без ужина в наказание за исчезновение. Свечу задуют, а дверь

запрут. Чердак покроеся тенями и бесконечными углами: изменчивая чернота, расчерченная медленно двигающимся прожектором лунного света – огромным глазом без век.

Кристабель проводит большим пальцем взад-вперед по шершавой коре палки, как будет делать потом, лежа на узкой кровати – будто оборачивая то время, когда ей не разрешено больше возиться. Совсем маленькой она возилась, и няня одевала ее в курточку с рукавами, которые завязывались на спине, чтобы она не могла выбраться из постели. Больше она возиться не собирается.

Под подушкой она прячет разные палки, несколько камней с лицами и старую открытку с собакой короля, которую нашла под ковром и назвала Собакой. Она может выложить их в ряд, накормить ужином, заставить разыграть представление и уложить в кровать. Она может защитить их и погладить по головам, если им приснятся кричащие сны, удостовериться, что они не сойдут на холодный деревянный пол.

Она садится на корточки возле клочка укрытой снегом земли и палкой пишет буквы. Е. Е. Е. Она слышит, как няня говорит:

– Бога ради, вот она. Возится в снегу, вся запачкалась.

Кристабель нравится слово «снег». Она шепчет его себе под нос, затем продолжает свою работу, свой ежедневный труд: обводит буквы, создает слова, обретает имена.

С-Н-Е.

– Мы виделись вчера, мэм. Вы можете не помнить. Я Бетти Бемроуз. Я буду вашей личной горничной. – Розалинда опускает глаза и обнаруживает, что горничная, удивительное дело, положила ладонь поверх ее. – Возможно, мне стоит набрать ванну, мэм? Вы кажетесь выжатой.

Розалинда изучает озабоченное лицо Бетти под белым чепчиком. Оно круглое и веснушчатое, а тяжесть ее руки удивительно успокаивает.

Бетти продолжает:

– Есть масла для ванной, мэм. Кажется, вы привезли их с собой. Они вас мигом на ноги поставят.

– Розовое, – говорит Розалинда. – Розовое масло.

– Замечательно.

– Мне подарил его дорогой друг. Он был офицером. Погиб во Франции.

– Там много погибло, – говорит Бетти, направляясь к ванной комнате. – Муж моей сестры был убит в Галлиполи. Его так и не нашли. Я заранее велела принести для вас горячую воду, мэм, так что надо только добавить масло.

– У моего друга – у него были веснушки, как у тебя.

– Не может быть!

– Он был очарователен.

Бетти снова появляется в дверях ванной комнаты.

– Пока вы принимаете ванну, я сменю белье на кровати. И добавлю угля в камин. Мы зажигаем камин наверху, только когда в комнатах живут, поэтому они не сразу разгораются.

– Он однажды пригласил меня в «Уолдорф». Ты слышала о нем?

– Не думаю, мэм.

– Туда ходят прямо-таки все.

Бетти подходит к кровати и аккуратно откидывает покрывало.

– Позвольте помочь вам, мэм.

Розалинда хватается за руки девушки и позволяет отвести себя в соседнюю комнату, где перед слабо разожженным камином ждет чугунная сидячая ванна, на дне которой плещется тонкий слой пахнущей розами воды.

Сидя на ступеньке у двери в кухню, Кристабель крепко сжимает в кулаке палку и пишет в пыли. Б-Р-А-Т-И. Б-А-Т-И-К.

– Попробуй еще раз, – говорит Моды Киткат, проходя мимо с корзиной грязного постельного белья. – У тебя ведь почти получается.

Новая миссис Джаспер Сигрейв, омытая и помазанная, покидает свою комнату и спускается вниз. Она не знает, чего от нее ожидают. Ее муж уехал, а она не представляет, как вызнать, когда он вернется. От матери прибыло письмо с напоминанием о важности установления авторитета перед прислугой, и Розалинда боится, что вопросы о нахождении мужа не улучшат ее образ в глазах домашних.

Тем не менее она принимает несколько руководящих решений по ряду вопросов: сосиски отвратительны и подходят только собакам; необходимо установить современную ванну; рождественскую ель необходимо выбросить вместе с лилиями (мать всегда говорила, что лилии напоминают ей о крайне очевидных женщинах). Также: нужно срочно купить граммофон, а угрюмой дочери ее мужа необходима французская гувернантка. «Ты, – пишет мать Розалинды с наклоном вперед, – новая метла в доме! Твердая и уверенная!»

Несмотря на инструкции матери, Розалинда с трудом отдает приказы слугам-мужчинам, многие из которых, как и дворецкий Блайз, по возрасту годятся ей в отцы. Однако она молодая жена, и должна быть такой. Разве не читала она в «Леди», что «мужчины против воли подда-

ются чарам невинной инженеру»? «Будь элегантной, – продолжал журнал, – и немного избалованной, но не скучающей».

Розалинда опирается на рояль рядом с фотографией своего нового мужа. Ей нравится фраза «новый муж», она кажется волнующей, будто подарочная коробка, шуршащая оберточной бумагой. Ей нравится использовать эту фразу, пусть даже она избегает смотреть на фотографию. *Новый муж. Элегантная, не скучающая.*

Проходит день. Проходят другие, очень похожие дни.

Розалинда подписывается на журналы и вырезает картинки с предметами, необходимыми ей в новой жизни, – шляпами, мебелью, людьми – или помечает их в списке. Рядом с ее спальней небольшая комната, будуар, в котором есть все, необходимое хозяйке дома: декоративный столик, за которым можно пить чай, письменный стол с откидной крышкой, нож для писем с ручкой из слоновой кости. Розалинда сидит за столом и перебирает журналы как шахтер в поисках золота.

С помощью экономки миссис Хардкасл она заказывает самое необходимое – шелковые наволочки, кремы для рук – и принимается ждать. Если встать на галерее лестницы второго этажа, можно смотреть вниз, на холл прихожей, известной как Дубовый зал, чтобы сразу увидеть, не доставили ли что-нибудь. Она обнаруживает, что после фразы «Я решила немного прогуляться» топчущиеся рядом слуги обычно пропадают. Но если они продолжают топтаться, ей тогда приходится действительно отправляться на небольшую прогулку.

Чилкомб имеет скромные размеры, всего девять спален, но строили и достраивали его таким непостижимым образом, что добраться до каждой части непросто. Жители и прислуга вынуждены пускаться в длинные путешествия по извилистым коридорам с изменяющейся кривизной, уклончивым, как палуба корабля. Часто встречаются неожиданные ступени, внезапные площадки. Окна узкие как бойницы, а каменные стены под пальцами сочатся влагой.

Розалинда выходила бы на улицу, но мир снаружи кажется неприступным. В Лондоне природа была причесана в парки. В сумерках фонарики длинными жердями зажигали фонари, стоящие вдоль дорожек, оживляя золотые кружки по всему городу. Но в Дорсете темнота опускается так плотно, что будто падаешь в угольный подвал. Нет музыкальных подмостков или статуй. Только мрачные леса и несколько акров поместной земли, служащей домом только древним деревьям с изгородями вокруг стволов, будто каждое из них – последнее в своем роду. Один засохший дуб настолько одряхлел, что ветви ему удерживают металлические подпорки. «Почему бы не позволить ему умереть?» – размышляет Розалинда. Он крайне уродлив; користая оболочка самого себя, распятая, как человек, прикованный к стене в подземелье.

Позади дома находится двор, огражденный кирпичными хозяйственными постройками: прачечной, сараями и конюшней. К ним примыкает кухонный садик, за которым следит бродящий туда-сюда с тачкой садовник. Иногда с ручек дверей свисают мертвые фазаны или зайцы. Слуги тихо переговариваются со смехом. Розалинда смотрит из окна площадки второго этажа, стараясь оставаться незамеченной.

В миле от дома расположена деревня, Чилкомб-Мелл, но, когда Розалинда и Джаспер ехали с железнодорожной станции и проезжали мимо нее, она заметила только несколько домиков с соломенными крышами, пару магазинов, церковь и паб. Деревня показалась ей полузаброшенной; здания сгрудились в долине, будто съехали с ее склонов во время лавины. За деревней параллельно береговой линии бежит гребень плоскогорья – его крутой склон беспорядочно венчают деревья и доисторические курганы. Он известен как Хребет и служит преградой от остального мира. Кто же ее здесь найдет?

Во время ухаживания Джаспер сказал ей, что Хребет считают тем самым холмом, на который великий старый герцог Йоркский водил строем свои десять тысяч солдат².

– Боже правый, и зачем он это делал? – спросила она, зная, что не такого отклика он ждал. Его ухаживание главным образом состояло из подношения исторических фактов, схожего с тем, как кот приносит хозяину мертвых мышей, несмотря на непостижимое отсутствие успеха. Даже в начале их отношений была неловкость: ощущение натянутых улыбок и маленьких неприятных жестов отчуждения.

Однажды утром раздается стук в дверь ее будуара, и Розалинда спешит ответить, ожидая увидеть Бетти с последним приобретением. Вместо этого на пороге стоит полный мужчина с бородой в твидовых брюках-гольф. Розалинда сильно удивлена, ведь она уже умудрилась совершенно отделить физическую сущность Джаспера Сигрейва от фразы «новый муж».

– Слышал, ты занялась покупками, – говорит Джаспер.

– Немного. Боже, зачем ты стучал? Разве мужу нужно стучать?

– Могу без этого, если тебе удобно.

– Это просто кажется... – Розалинда понимает, что не так представляла себе воссоединение мужа и жены. Разве не должен он влететь в комнату, объявляя, что ужасно по ней скучал? Не должен принести безделушки в подарок? Разве это не улучшит ситуацию, и значительно?

– После обеда выгуляю Женевьеву, – говорит Джаспер. – Полагаю, ты не захочешь присоединиться?

– Это лошадь? Разве не идет дождь?

– Несильный. Неважно. Увидимся за ужином.

– Я никогда не умела обращаться с лошадьми... – и тут она заминается, не зная, как обратиться к нему, – Джаспер. Дорогой.

Джаспер тянет себя за бороду, а затем наклоняется, чтобы колюче чмокнуть ее в щеку.

– Неважно, – повторяет он и направляется вниз.

Она призывает Бетти, чтобы та набрала ей ванну перед ужином. Бетти щебечет, выкладывая шелковое вечернее платье цвета нильской воды – длинное, тонко плиссированное, с бисером по боковым швам, – за что Розалинда благодарна. Это помогает ей успокоить разум, взбудораженный появлением Джаспера. Она расслабляется в душистой воде и наслаждается болтовней Бетти на фоне: обручение сестры, планы на день рождения.

– Твой день рождения – сколько тебе исполнится лет, Бетти?

– Двадцать три, мэм.

– Мы одного возраста.

– Хотела бы я быть одного размера, мэм. Вы в этом платье будете красивы, как картинка.

Розалинда опускает взгляд на собственные белые руки.

– Нам, возможно, придется ушить платье, Бетти.

– Вас снова мутит от еды, мэм? Какая жалость. Полагаю, вы скучаете по жизни в Лондоне. Я знаю, что матушка часто пишет вам.

Розалинда подозревает, что ее мать не одобрила бы такие личные разговоры с прислугой. Она представляет, как та склоняется над письменным бюро, строча: *«Роль жены в подчинении мужу! В бытии подмогой, вдохновением и советчиком!»*

– Мама пишет мне каждый день, – говорит она. – Я единственный ребенок.

– Она, должно быть, очень гордится, что вы столько добились, – говорит Бетти.

² «Великий старый герцог Йоркский» – английская детская считалка. О, великий старый герцог Йоркский, У него было десять тысяч солдат; Он повел их строем на вершину холма, И он повел их строем вниз опять.

Роль жены, думает Розалинда. В подчинении. Элегантная. Не скучающая. Она крутит эти слова в голове во время молчаливого ужина в темной красной столовой и ожидания в спальне после, и даже потом, когда смотрит на полог и ловит взгляд кривого лица, что следит за исполнением роли жены. И есть в этом что-то, что позволяет ей отстраниться от происходящего, от неопишуемого вторжения, от рубашки, которую он никогда не снимает и которая комком собирается меж их телами, будто он пытается ее задушить, и хотя какая-то часть ее разума борется, отказывается и противится, она и мускулом не шевелит, не плачет, она просто остается лежать, обеими руками цепляясь за простыни, смотря мимо него.

Как ей в это поверить? Что каждую ночь ее подвергают подобному насилию, а люди вокруг крепко спят в своих постелях, радуясь происходящему.

А маленький пальчик на чердаке обводит Б-Р-А-Т-И-К, Б-Р-А-Т-И-К, Б-Р-А-Т-И-К.

Блудный брат

Февраль 1920

Первым признаком возвращения в Чилкомб давно отсутствующего Уиллоуби Сигрейва, младшего и единственного брата Джаспера, становится далекое *тыр-тыр-тыр*. Кристабель, пересекающая лужайку со своей свеженазначенной французской гувернанткой, останавливается и вслушивается. Это совершенно новый звук, и он достигает ее ушей из дали в полные двадцать веков; в поместье он никогда не раздавался. Чтобы сконцентрироваться, Кристабель бросает мертвую улитку, которую несла в руках. Французская гувернантка также замирает.

– *Mon Dieu, petite Cristabel. Ç'est une automobile!*

– *Oui, Madame, ç'est vrai*³.

Это действительно автомобиль.

Когда он приближается, звук становится отчетливей, превращается в быстро тархтящее *дрн-дрн-дрн-дрн*. Для некоторых мужчин, чистящих конюшни за домом, этот звук до мороза по коже похож на немецкие пулеметы. Но для Моды Киткат и Бетти Бемроуз, служанок, которые путаются в собственных ногах, только бы первыми поспеть к двери, это звук гламура и бегства, выходных и свободы, Лондона и Брайтона, Суонейджа и Уэймута. Это звук будущего. Это Уиллоуби Сигрейв.

Бетти и Моды – страстные поклонницы Уиллоуби. На пару они делают все, чтобы получить письма, которые он посылает Кристабель, племяннице военного времени, которую никогда не видел из-за своей военной службы в Египте. Бетти научил читать отец, управляющий пабом в деревне, поэтому она может вслух зачитывать письма Уиллоуби Моды и Кристабель. И что это за письма! Они полны смертоносных скорпионов, пустынных лун и бродячих племен – и все описаны размашистым почерком Уиллоуби, с взлетающими вверх черточками и изысканными заглавными буквами, и голос его в них одновременно заговорщический и драматичный (*Помни мои слова, малютка Кристабель – это было Приключение Наивысшего сорта!*).

Его письма всегда начинаются с «*Моя дорогая юная Леди*», а затем бросаются в продолжение эскапады из предыдущего письма, отчего его корреспонденция превращается в нескончаемый рассказ о безрассудной храбрости (*Ты, без сомнения, помнишь, что я спрыгнул с раздражительного верблюда, чтобы Мухаммад не счел меня ненадежным трусом, и мы вместе побрели за сануситами по дюнам. Люди мои отправились следом, истощенные, но полные упорства!*). По окончании каждого письма Кристабель требует: «Снова. Снова», и служанки подчиняются.

Отчего Уиллоуби по-прежнему носится галопом по пустыне, тогда как все остальные вернулись домой с войны, им не совсем ясно, но они видели его фотографию в кремовой форме, которую Джаспер убрал в ящик, – и он на ней такой же привлекательный, как звезды кино из журналов Розалинды. Двадцатитрехлетняя Бетти наслаждается приключениями Уиллоуби так же, как и сплетнями о золотой молодежи и их лондонских вечеринках. Но четырнадцатилетней Моды Уиллоуби овладевает. Когда Бетти читает вслух его письма, лицо Моды заливают яркая краска.

Моды, самая юная кухонная горничная и компаньонка Кристабель на чердаке, – сирота со склонностью к накалу страстей. Однажды она заперла мальчика-посыльного в прачечной за то, что дразнил ее за лохматые волосы. Ходят слухи, что она из семьи контрабандистов. Ходят слухи, что мальчик-посыльный нашел в корзинке своего велосипеда обезглавленную крысу.

³ – Боже мой, малышка Кристабель. Это автомобиль! – Да, мадам, так и есть.

Моди вцепилась в руку Бетти и спешит к входной двери, пока автомобиль с Уиллоуби и грудой потрепанного багажа рычит на подъездной дорожке. Нельзя пропустить его первое появление. Ведь это Уиллоуби и обещал: всем своим существом он является представлением.

Шума столько, что Джаспер, завтракающий в столовой, замирает над почками и спрашивает:

– Началось вторжение?

Розалинда на дальнем конце стола опускает чашку и подносит ладонь к горлу. Снаружи доносится грохот захлопнутой двери машины, а затем какофония всех гнездящихся в окрестных деревьях грачей, одновременно взлетающих в небо.

Дворецкий Блайз отвешивает аккуратный полупоклон и собирается было разыскать источник шума, но источник шума уже явился сам – широким шагом заходит в комнату с запачканным грязью лицом и парой автомобильных очков, сидящих поверх курчавых медных волос. Каким-то образом столовая оказывается набита людьми, которых там мгновение назад не было, целая толпа теснится за Уиллоуби, включая Бетти и Моды, экономку миссис Хардкасл, новую французскую гувернантку и Кристabelle с палкой в руке.

– Что ж, – говорит Уиллоуби теплым успокаивающим тоном с ноткой смеха. – Привет всем.

Аудитория хихикает и неровным строем отвечает, один голос поверх другого – нервные участники.

Кристabelle расталкивает зевак и мрачно поднимает палку. Уиллоуби глубоко кланяется, будто принц из пантомимы, и говорит:

– Ты, должно быть, Кристabelle. Я узнаю в тебе черты матери. Какая честь – наконец с тобой познакомиться. – Затем он обращается к Джасперу и Розалинде, все еще сидящим за столом, – хотя в Лондоне до меня донесся слух, что мой брат стремится расширить свою семью – отчего бы и нет?

Розалинда краснеет. Джаспер открывает рот, но не успевает подать свою реплику, потому что Уиллоуби уже развернулся к зрителям.

– Бетти Бемроуз, я скучал по тебе. Как недоставало мне твоих умелых рук в пустыне. Во всем Египте никто не может так ловко заштопать носок. Я был в обносках и несчастен.

– Мистер Уиллоуби, – отвечает Бетти, подпрыгивая на месте, одновременно и польщенная, и в ужасе от стыда.

Тон Уиллоуби так гладко меняется, что сложно определить, играет ли он в романтическом фильме, комедии Шекспира или фарсе Вест-энда, а оттого непонятно, стоит ли оскорбляться его словам. Большинство предпочитает оказать ему кредит доверия, поскольку тянущаяся кверху складка у одного уголка губ намекает на удовольствие, что он получает от двусмысленности и всех кредитов всего доверия, что когда-либо были ему оказаны, – и на щедрую готовность принять еще больше.

Джаспер фыркает.

– Судя по этому ужасному грохоту, ты купил какое-то нелепое средство передвижения.

– Я тоже рад тебя видеть, братец, – говорит Уиллоуби. – У меня действительно появилось нелепое средство передвижения. Возможно, я могу тебя в нем прокатить?

– Мог сообщить нам, когда прибудешь. Дал бы время забить откормленного теленка, – говорит Джаспер, вытягивая салфетку из-за воротника.

– Испортить такой прекрасный сюрприз? Боже, нет, – говорит Уиллоуби, улыбаясь тем временем французской гувернантке. – Я полагаю, эта юная леди сможет насладиться нелепым средством передвижения.

– Месье Уиллоуби...

– Я представляю вас гонщицей, мадемуазель. В кожаных перчатках. Несетесь во все тридцать. – Он стаскивает очки с головы и бросает в ее сторону. – Примерьте-ка.

– Мистер Уиллоуби, вы, без сомнения, желаете принять ванну, – говорит миссис Хардкасл, но Уиллоуби уже подцепил гувернантку под локоть и ведет ее на выход из Дубового зала.

– Быстрая поездочка. Только чтобы попробовать.

Лицо Моды, следящей за их исчезновением, полно обожания, как у пустынной луны.

Когда Розалинда подходит к окну столовой, то в тусклом свете февральского утра видит, как Уиллоуби, французская гувернантка в очках для автомобильной езды, экономка без тени улыбки на лице и ребенок с палкой сидят в огромном автомобиле с открытым верхом, который медленно тащится по подъездной дорожке, время от времени заезжая на край лужайки. За всем этим необычным действием наблюдает Джаспер – то ли улыбающийся, то ли нет, – вместе с Бетти, Моды и сборищем других слуг. На глазах у Розалинды автомобиль начинает набирать скорость, расшвыривая гравий, французская пассажирка визжит, а Уиллоуби кричит через плечо:

– Мы вернемся к обеду!

Розалинда слышит, как Джаспер заходит в дом и возвращается в свой кабинет в задней его части. Она заходит в гостиную, но не может успокоиться – мешают слуги, бродящие из комнаты в комнату, от окна к окну, будто стайка птичек, запертых в доме. В итоге она просто складывает руки, закрывает глаза и принимается ждать. Ожидание дается ей все лучше.

Компания возвращается в Чилкомб три часа спустя, они покрыты пылью и измазаны клубничным джемом. Кристabelle спит, так и вцепившись в свою палку, и ее несет на руках миссис Хардкасл. Розалинда выходит в Дубовый зал встретить их.

– Боже правый, – говорит она, – кто-нибудь, отнесите ребенка наверх и хорошенько отмойте. Я едва могу на нее смотреть.

В своем голосе она слышит мать, и это ее успокаивает. Разлад, внесенный появлением Уиллоуби, позволил ей войти в роль, до сих пор ускользавшую, – хозяйки дома. Она выпрямляет спину, когда взлохмаченные ветром автомобилисты топают мимо. У французской гувернантки за ухо воткнута розовая гвоздика. Замыкающий процессию Уиллоуби задерживается в дверях с автомобильной шапочкой в руках, горестно оглаживая усы.

– Почему бы вам не зайти? – спрашивает Розалинда.

– Боюсь, я произвел ужасное первое впечатление.

– Определенно необычно, когда гости увозят на прогулку половину дома.

– Нет. Неприемлемо, – говорит он.

– О чем только подумали деревенские. Когда вы так носились.

– Вас волнует, что они думают?

Розалинда хмурится.

– Конечно.

Он пожимает плечами.

– Полагаю, их это развлекло. Мы остановились у паба, чтобы они хорошенько рассмотрели машину.

– Вы пошли в паб в деревне?

– Пошли. Вы против?

– Нет. Да, – говорит Розалинда. – Я хочу сказать, что могла бы не быть против. Если бы меня спросили.

– На это я и надеялся. Начнем заново? На этот раз все как должно. После того, как я приму ванну. Я буду до скрипа чист и настолько приличен, что вы меня не узнаете. – Он улыбается, и его улыбка ослепляет, как вспышка фотографа.

– Это звучит... приемлемо, – говорит Розалинда.

– Вот вы умничка. Я знал, что вы окажетесь такой.

– Вот как? И откуда же?

Но он уже проскользнул мимо и взлетел по лестнице, перепрыгивая ступени и вытаскивая рубашку из брюк.

– Бетти, ты набрала мне горячей воды?

Розалинда остается ждать у дверей с неотвеченными вопросами и пригоршней заготовленных реплик.

Кружение

Март 1920

Чилкомб меняется с прибытием Уиллоуби. Даже не открывая глаз, Кристabelle чувствует в воздухе искру. Она тихонько выбирается из кровати в тот же темный час, что и Моды, до того, как проснется кто-либо еще, но когда Моды отправляется в помывочную, чтобы приступить к утренним обязанностям, Кристabelle на цыпочках спускается в кухню и выходит на улицу, к автомобилю Уиллоуби.

Моды однажды сказала ей, что единственное достоинство ужасно ранних подъемов заключается в том, что прошлый день уже кончился, а новый еще не начался, и в этот промежуток весь дом принадлежит ей. Кристabelle чувствует это, когда выходит под высокое иссиня-черное небо. Тишину нарушает только курлычущий крик дрозда, дорожка серебристых стежков во тьме. Этот бездыханный, тенистый мир полон возможностей. Чего бы она ни коснулась – станет ее.

Автомобиль припаркован у конюшни и укрыт брезентом, под который нетрудно заползти. Вздернув подол ночной рубашки, Кристabelle забирается на водительское сиденье и принимается изучать руль, приборную доску из полированного дерева и спрятанные за стеклом циферблаты, так и просящие постучать по ним пальцем. Она крутит руль из стороны в сторону.

– Держитесь за шляпы, дамы.

Иногда она оглядывается на заднее сиденье, где получила от дяди Уиллоуби тарталетку с джемом, которую есть пришлось пальцами, без тарелки и салфетки, пока он форсировал лужи, заставляя всех визжать.

– Только тебе, – сказал он тогда, – делиться запрещено.

– Я не делюсь, – ответила она, и он так задорно рассмеялся, что она не стала объяснять, что ей ничего не дают, поэтому и делиться нет возможности. Ей понравился его смех. Это был неодолимый звук, пушечным ядром несущийся сквозь обычный ход вещей. Кристabelle встает на колени на кожаном сиденье и тянется к резиновой груше латунного автомобильного гудка.

Розалинда просыпается рано, разбуженная громким звуком с улицы. Уиллоуби ведь не мог уже уехать? С его появлением дом охватило какое-то возбуждение, подготовительная живость, будто в начале каникул, – но вместе с тем и страх, что он может внезапно уехать.

Она велит Бетти быстро одеть ее, чтобы спуститься к завтраку как можно раньше, но оказывается первой. Уиллоуби и Джаспер появляются часом позже, требуя огромное количество еды. Розалинде редко удается поесть за завтраком и сказать что-то, кроме дежурных банальностей, но она следит, как братья под суровым взглядом портретов предков переругиваются, поглощая все, что оказывается перед ними.

Джаспер кормится просто и без изысков, с решительностью человека, который давно перестал наслаждаться кулинарией, тогда как Уиллоуби ест как вычурный художник – с широкими мазками мармелада по хрусткому тосту, наливая молоко в чашку из кувшина, поднятого так высоко, что жидкость превращается в единый тонкий поток, слизывая масло с пальцев и одновременно подзывая Блайза, чтобы принес еще бекона.

– Невестка Розалинда, нынешняя миссис Сигрейв, – говорит Уиллоуби, забирая себе на тарелку последние яйца. – Какие у вас планы на ближайшие недели?

– Уиллоуби, – рычит Джаспер из глубин своей обсыпанной кеджери⁴ бороды.

⁴ Блюдо британской кухни из нарезанной отварной рыбы (традиционно – копченой пикши), отварного риса, петрушки,

– Ну... – говорит Розалинда.

– Я уезжаю в Брайтон на несколько дней, поэтому вам не придется меня кормить, а заодно вы сэкономите на свечах. Поражен, что вы все еще держите оборону против электрического освещения, Джаспер. В моей комнате темно, как в могиле.

– Масляные лампы идеально справляются, – отвечает Джаспер. – Я не позволю развесить по моей земле неприглядные кабели.

– Чем вы займетесь в Брайтоне, Уиллоуби? – спрашивает Розалинда. – Я там бывала.

– Собираюсь встретиться кое с кем насчет авиационного приключения.

Джаспер вздыхает.

– Прояви благоразумие, Уиллоуби. Наши семейные средства не бездонная яма. Сколько раз я говорил, что в колониях достаточно мест для бывших военных. В прошлом месяце я в клубе столкнулся с твоим другом Перри Дрейком – он едет на Цейлон держать местных в узде.

– Перри послужит Империи, я в этом уверен. Но я не хочу этим заниматься. Отец и мать оставили мне денег, чтобы я делал с ними, что пожелаю.

– Ты не можешь разбазарить свое наследство на глупости, – говорит Джаспер.

– И почему же? – говорит Уиллоуби. – Ты разве не читаешь газеты? Большие поместья распродают. Почему бы не потратить наши пенни на что-то приятное, пока мы не потеряли все остальное? Когда ты в последний раз покупал что-то, кроме лошадей? Откуда это крючкотворное упорство, что все должно делаться как делалось всегда?

– Я купил рояль. Для Розалинды. Для жены.

– И кто-нибудь на нем играет?

– Есть обязанности...

– Будущее настигнет тебя, братец, хочешь ты этого или нет, – говорит Уиллоуби. – К слову о Перри, раз уж ты напомнил, – он в армии встретил парня, который стал бы неплохим земельным агентом для Чилкомба. Его зовут Брюэр. Практичного сорта и с цепким взглядом по части сведения баланса. Скоро тебе кто-то такой понадобится.

Но Джаспер продолжает путь по разговорной дорожке, на которую ступил до упоминания земельных агентов.

– Есть обязанности. Есть люди, которые на нас полагаются.

Уиллоуби поворачивается к Розалинде.

– Позвольте рассказать о моих авиационных приключениях, миссис Сигрейв. Одна газета предлагает непристойную сумму денег первому авиатору, что совершит беспосадочный перелет из Нью-Йорка в Париж.

– Разве это не опасно? – спрашивает Розалинда.

– Можно лишиться шляпы. Но там, наверху, от восхищения голова кружится, когда смотришь на облака под тобой. Белая перина, тянущаяся к самому горизонту.

– Пустые глупости, – говорит Джаспер.

– Я никогда не была в аэроплане, – говорит его жена.

– Я прилечу сюда. Приземлюсь на лужайку, – обещает Уиллоуби.

– Ничего подобного ты не сотворишь, – говорит Джаспер.

– Кристабель была бы рада, – отвечает Уиллоуби.

– Тебе не стоит поддерживать любовь к авиации у впечатлительной девочки.

– А с этим уже может быть поздно бороться, Джаспер. Я заказал ей игрушечный аэроплан и, знаешь ли, нашел один из тех деревянных мечей, которыми мы играли в детстве и которые спрятали в конюшне, – его я ей тоже почистил.

– Бога ради, Уиллоуби, это был мой меч, – говорит Джаспер.

– Невозможно посадить аэроплан на лужайке, так ведь? – спрашивает Розалинда.

Уиллоуби улыбается.

– Это вызов?

– Я не позволю тебе фазаном носиться по моей лужайке, – говорит Джаспер.

– Скорее уж орлом.

– Я не позволю провоцировать меня за собственным столом, ты слышишь? – рявкает Джаспер, вырывая салфетку из-за воротника.

– Все слышал, братец.

Джаспер с топотом вылетает из комнаты, хлопая дверью. Столовое убранство вздрагивает: тонкий серебристый звон приборов по посуде. Уиллоуби тянется через стол и подтаскивает тарелку брата к себе.

Из зала доносится крик: «Ребенок весь дом завалил своими дурацкими ветками!», ответный возглас Кристабель: «Отходим к баррикадам!», а затем топот маленьких ножек, взбегающих по лестнице.

Розалинда ждет, пока стол не успокоится.

– Уиллоуби, нам же не придется продавать Чилкомб? Джаспер говорит, что он был в семье Сигрейвов многие поколения.

– Вы теперь тоже Сигрейв. Что думаете?

– Я никогда не знаю, что думать.

– Вам надо завести сына, тогда начнете звучать увереннее. Двоих, в идеале. Наследника и еще одного про запас. Нет нужды краснеть, дорогая сестра.

– Разве вам все равно, что случится?

– Миссис Сигрейв, я запасной. Ничто здесь не принадлежит мне, на что ни взгляни. –

Уиллоуби обводит комнату широким жестом и возвращается к обедкам Джаспера.

Дворецкий Блайз заходит в столовую, поправляя белые перчатки.

– Вам требуется что-нибудь еще, сэр?

– Определенно нет, – говорит Уиллоуби. – Пусть кто-нибудь подгонит мою машину ко входу.

– Уже уезжаете? – говорит Розалинда, но Уиллоуби исчезает, прихватив с собой тост Джаспера.

Завтрак, на котором присутствуют оба брата Сигрейв, часто заканчивался именно так – воровством еды, брошенными на пол салфетками, драматическими исходами и нынешней миссис Сигрейв, оставленной в одиночестве за столом и разглядывающей сахарницу за неимением лучшего занятия. Когда Уиллоуби уходит, она чувствует, что упустила свой шанс. Ей ужасно хочется показать ему, что и она знакома с большим миром, в курсе последних новостей общества. Она жалеет, что не знает, как завладеть его интересом, как замедлить его яркую карусель так, чтобы и самой вспрыгнуть на нее.

Чем больше Розалинда за ним наблюдает, тем больше замечает, что правила поведения будто бы не касаются Уиллоуби. К приемам пищи он спускается как попало; его носовые платки из египетского шелка и окрашены в яркие цвета. Он никогда не присоединяется к домашним, когда все они совершают послушные броски в церковь Чилкомб-Мелл воскресными утрами, но Розалинда замечала, что он дружески общается с деревенскими мужчинами. Джаспер однажды сделал ему за это выговор, и Уиллоуби ответил, что сражался бок о бок с такими мужчинами и не собирается теперь смотреть на них сверху вниз.

Отдохнув после обеда, Розалинда часто открывает шторы спальни, чтобы увидеть, как высокая фигура Уиллоуби исчезает за деревьями на границе лужайки. Кристабель вприпрыжку бежит рядом, сжимая в руке деревянный меч. Бетти говорит, что они спускаются на пляж и Уиллоуби учит племянницу ловить крабов. Она гадает, кто это разрешил. Она гадает, чем занимается нанятая ею французская гувернантка.

Она чувствует, что у жизни Уиллоуби нет границ. Она так заманчиво свободна в противовес ее собственной, так искусно беззаботна. Жизнь Розалинды, сперва с матерью-вдовой и теперь с Джаспером, кажется бесконечной чередой воскресений: все строго по часам и строго регламентировано, бесконечные дни скучных обедов и хороших манер. Как волнующе узнать, что эта отчетность вещей – ножей для рыбы, скатертей, тем для разговоров – настолько же произвольна, как и решение назвать один из дней недели воскресеньем и относиться к нему по-особенному. Если воскресенье – воскресенье только оттого, что мы зовем его воскресеньем, почему бы не звать его пятницей?

Однажды утром она сталкивается в Дубовом зале с Уиллоуби. Он идет на улицу, она блуждает по дому. Он кивает на список у нее в руке.

– Что-то важное, миссис Сигрейв?

Розалинда опускает на список глаза.

– О. Ерунда.

Уиллоуби хмурит брови.

– Это список покупок? Я сегодня еду в Лондон.

– Нет, это список магазинов, которые я хотела бы посетить. Когда поеду в Лондон.

Он берет список из ее руки.

– Вам нужно что-то из этих магазинов?

– Не узнаю, пока не окажусь там. Я не знаю, что у них есть, потому что лишь читала о них. В журналах. Это новые магазины, и я хочу посмотреть, что они продают. Тогда выберу. Возможно, шляпу. Или браслет. Что-то уникальное. У меня очень специфический вкус.

Эти девять предложений – самая длинная реплика из тех, что она говорила ему.

– Это точно. – Он кидает взгляд на список, возвращает его и покидает дом с прощальным взмахом руки.

Два дня спустя Бетти приносит Розалинде посылку.

– Пришла вам со второй почтой, мэм.

Внутри Розалинда находит обвязанную лентой подарочную коробку из шляпного магазина, что был наверху ее списка. В ней иллюстрированный цветной каталог с описанием всех продаваемых ими видов шляп вместе с запиской размашистым почерком: «Миссис Сигрейв и ее Очень Специфическому Вкусу. У.». Она мурлычет в ее руках.

Розалинда бродит по галерее, бездумно касаясь горла, следя за пыльными колоннами света, что падают сквозь высокие окна в зал, где тикают напольные часы. В будуаре она вырезает картинки из журналов, пускает их в полет к полу. Она листает свой каталог, по кругу и снова. Каталог. Записка. Каталог. Записка. Ее круг подходит к концу.

Это превращается в привычку. Перед отъездом в Лондон Уиллоуби навещает Розалинду и спрашивает, не нужно ли ему зайти в один из ее магазинов.

Уиллоуби – умелец в искусстве оказывать женщинам внимание, но это развлечение ему нравится в основном из-за точности заявок Розалинды – «Цветочный аромат от солидного французского дома, но не туалетную воду; либо парфюмированную, либо ничего», – очень неожиданных для застенчивой молодой жены брата.

Нравятся ему и церемониальные возвращения в Чилкомб: он вносит гору коробок и смотрит, как Розалинда изучает их содержимое, внимательно и собранно, будто ювелир. Ее принятие или отказ окончательны и бесповоротны. Только тогда она принимает решения, не обращаясь к Джасперу, и он находит это завораживающим.

Иногда он сам выбирает что-нибудь, примеряя свой вкус к ее. Он говорит, что сделал это по совету менеджера магазина, и ждет ее реакции. Его веселит, что его выбор всегда отвергают

– Уиллоуби подозревает, что предложи он эти вещи в подарок, она бы уверяла его в своей приязни.

Единственное его тайное приобретение – новый женский аромат «Мицуко» от «Герлен» – проходит досмотр. Она роняет каплю на запястье, принюхивается, затем морщит нос.

– Ужасно тяжелый. – Но, когда он готовится закупорить элегантную квадратную бутылку пробкой в форме стеклянного сердца, она забирает ее. – Нет, оставлю. Нельзя сказать, что он вульгарный.

Когда он уходит, то видит, что она полностью поглощена ароматом, нанесенным на ее запястье.

Эти мгновения время от времени всплывают в его голове. Ее радость от прибытия покупок, ее восторг от распаковки. Сиреневые вены на ее запястьях. Тени под ее глазами. Как она смотрела, не отрываясь. Будто на что-то большее, чем содержимое подарочных коробок: она словно видела в миниатюре весь мир; глаз ботаника, приложенный к микроскопу.

* * *

Однажды Уиллоуби сталкивается на галерее с Кристabelle, когда несет стопку коробок ее мачехе.

Кристabelle взмахивает своим деревянным мечом и говорит:

– Остановись, незнакомец. Я жду брата. Он там?

– Боюсь, нет, – отвечает Уиллоуби. – Палаш, кстати, держат двумя руками.

– Скоро он прибудет. Моды рассказала мне, что делают жены.

– Милая девочка, не слушай глупой болтовни горничной.

– Моды не глупая. Почему ты не заведешь жену?

– Не смог пока найти незанятой. Кроме того, непростая это работа. И дорогая. Предпочитаю тратить свои деньги на авто.

– Когда у меня будет авто?

– Когда перестанешь хмуриться на своего любимого дядю. Отправимся кататься завтра, как насчет этого? Можешь взять с собой эту французскую гувернантку. Мне нравится ее компания.

– Ее я взять не могу.

– Отчего же?

– Новая мать уволила гувернантку.

– *Quel dommage*⁵.

– Моды говорит, новой матери не нравятся те, кто милее ее.

– Моды совсем не глупая, вот как? И что это за яростная гримаса?

– Я не милая. Но новой матери я все равно не нравлюсь. Но мне на это плевать.

– Вот и правильно. Милые девушки зачастую поразительно скучны. Запомни, обе ладони на рукояти. Вес на задней ноге. Так-то лучше.

⁵ Какая жалость (*фр.*).

Призывы

Март 1920

Веймут полон песка. Зябкий восточный ветер дует по широко раскинувшейся бухте, разносит белые барашки по волнам и раздувает мелкий песок с пляжа, налетающий на отели береговой линии, позаброшенные после нескольких лет уменьшившегося в военное время спроса. Ряд пустых лиц, шурящихся на крейсерно-серое море. Джасперу город кажется заброшенным, как последний форпост.

Он прогуливается по набережной, широкой дорожке, изгибающейся вдоль пляжа. В прошлом веке по ней совершали променады члены королевской семьи, но сейчас здесь только раненые анзаки – солдаты из Австралии и Новой Зеландии, расквартированные в Дорсете на лечение, – которых катят в укрытых пледами инвалидных колясках с аккуратно подколотыми пустыми рукавами и подогнутыми штанинами. Джасперу кажется жестокой насмешкой судьбы, что эти храбрецы, привыкшие к лазурным морям Южного океана, оказались на невзрачном Южном побережье Англии, подле самого вялого океанского рукопожатия.

Немногие туристы раннего сезона, затесавшиеся среди оставшихся анзаков, цепляются в этот ветреный день за шляпы, а внизу, на пляже, бродят дети с порозовевшими от холода руками и ногами. Пара старомодных купальных машин стоят пустые у кромки воды. Знак «Скоро вернусь» прислонен к полосатой палатке с кукольным шоу о Панче и Джуди.

На дальней оконечности набережной терраса с гостевыми домами из красного кирпича примыкает к городской гавани. Над крышами видны корабельные мачты, будто ряд распятий. У двери предпоследнего здания стоит деревянная доска, сообщающая, что это обиталище «МАДАМ КАМИЛЛЫ, ТАИНСТВЕННОЙ ЯСНОВИДЯЩЕЙ советницы КОРОЛЕЙ И КОРОЛЕВ, ГАДАЛКИ – ОНА ВИДИТ ВСЕ! ОНА ЗНАЕТ ВСЕ!» Ниже мелом изображен один глаз.

Отряхивая бороду от песка, Джаспер стучит в дверь. Юный мальчик впускает его и указывает на темную лестницу. У мадам Камиллы узкая комната на первом этаже. Что-то красное и газовое накрывает обычную лампу, укутывая помещение красноватым, потусторонним сиянием. Мадам Камилла, возложив ладони на стеклянный шар, сидит за обитым сукном карточным столом у окна, выходящего на гавань. Джаспер предполагает, что это, должно быть, хрустальный шар, но с таким же успехом это может быть и выловленный из гавани корабельный буй.

Он садится напротив нее и кладет три монеты на стол. Взгляд мадам Камиллы прыгает к нему – быстро, как язык у ящерицы. У нее узкое лицо, неопрятные волосы укрыты шарфом с бахромой.

– Ты пришел за кем-то, кого потерял, – говорит она с незнакомым акцентом. Возможно, ирландский. Или притворно-ирландский.

Джаспер вздрагивает от бесцеремонности ее обращения.

– Да. Моя жена. Моя первая жена, Аннабель. Я услышал от одной из своих служанок, что вы связывались с ее покойным супругом, и...

– Аннабель. Сильная женщина. Сильные не всегда хотят, чтобы с ними связывались. С трудом сами готовы принять это, понимаешь ли. – Мадам Камилла гладит стеклянный шар.

– Понимаю. – Он не уверен в этом.

– У тебя есть вещь, что еще помнит ее прикосновение? Что-то, что она всегда держала при себе?

Я, думает он. Я все еще помню ее прикосновение. Он хмурится, затем лезет в карман, за бухгалтерской книжечкой Аннабель, где каждая страница заполнена мелким санскритом карандашных цифр. Мадам Камилла берет записную книжку, закрывает глаза, глубоко вдыхает через нос. Снаружи колесный пароход медно гудит, отправляясь в море.

– Я слышу голоса, – говорит мадам Камилла.

Джаспер шепчет:

– Она здесь? Могу я поговорить с ней? Я хотел объяснить про Розалинду. Чувство долга вынудило...

– Боевая леди.

– Она сердится на меня?

Мадам Камилла хмурится.

– Она сбита с толку. Все ищет что-то. Она не потеряла ничего дорогого ей? Драгоценности? Ключи?

– Ничего не приходит в голову.

– Может быть что-то совершенно неожиданное – незакрытое окно, – это их ужасно беспокоит.

– Я всегда слежу, чтобы окна были закрыты. Теперь я могу с ней поговорить?

– Она зовет, бедняжка.

– Бога ради, почему вы просто не можете сказать ей, что я пришел? Или хотя бы доказать мне, что эта женщина действительно моя Аннабель.

Мадам Камилла приоткрывает глаза.

– Я не занимаюсь доказательствами, мистер. Выдаю то, что они дают мне.

– Просто смешно! – Джаспер выдыхает, брызгая сквозь усы слюной.

Ее глаза теперь нацелены на него, крошечные, умные как у лисы.

– Тогда, наверное, это все.

– И это я получаю за свои деньги? – говорит Джаспер, замечая вдруг, что деньги, которые он положил на стол, оттуда уже исчезли.

– По заказу это не работает, – отвечает она до бешенства безразлично.

Из коридора раздается низкий мужской кашель.

Джаспер встает и в бешенстве выбегает из комнаты мимо пустившего его мальчика, к которому присоединился крупный мужчина с огромными руками в жилете и подтяжках, слезает по лестнице, врывается в дневной свет, и внезапный удар ослепительной приморской жизни вызывает дурноту: австралийцы без конечностей, нестройный рев органа в саду, назальные крики дерущегося с женой мистера Панча. *Тыщ, тыщ, тыщ. Вот как это делается.*

Джаспер спешит по набережной. Его лицо раз за разом искажает что-то вроде агонии. Как глупо было поверить, что он сможет поговорить с Аннабель. Абсолютно идиотская идея – отправиться к этой мошеннице-цыганке. Он находит платок. Громко сморкается. Падает на деревянную лавку. Смотрит на залив.

Его до глубины души тошнит от Дорсета. Каждое утро, читая газету, он разыскивает объявления о продаже земли в Камберленде, на севере Англии, где они с Аннабель провели медовый месяц. С Розалиндой он в медовый месяц не отправился. Не видел в этом смысла.

В Камберленде, куда ни глянь, везде наткнешься взглядом на монументальный пейзаж того рода, что заставляет удариться в религию или рисование акварелью. Но Джаспер застрял на крошащемся нижнем крае Англии, с бесконечными претензиями недовольных арендаторов и слуг, которые хотят от него все больше, тогда как дать он может только меньше. Он думает о бухгалтерской книжке в кармане, где аккуратные цифры Аннабель переходят в его собственные хаотичные каракули, размеченные знаками вопроса.

Растущие налоги вынудили его продать две фермы под аренду, и за последнюю он цепляется только из обещания оставить аренду по довоенным ценам. Собственная семья скорее мешает, чем помогает. У Розалинды до слез в глазах дорогой вкус, и хоть она и должна унаследовать приличную сумму со смертью матери, вышеупомянутая мать отказывается откинуть ноги. Уиллоуби же прожигает собственное содержание с ужасающей скоростью. Каждый раз, когда мистер Билл Брюэр, его новый земельный агент, показывает расходные книги, Джаспер видит – впервые в жизни – дыры, долги, вакансии. Только на прошлой неделе его последний оставшийся садовник ушел работать в отель в Торки.

Из изначальных слуг Джаспера остались лишь немногие. Едва ли пригоршня вернулась с войны, а из них большинство что-то оставили на поле боя – если не ногу или руку, так то, что контролирует эмоции. Джасперу знакомо пугливое выражение в их глазах – как у лошади после грозы: логика тут была бесполезна. Они придут в себя или со временем, или никогда.

В попытке подвести баланс он продал несколько семейных портретов. Он почувствовал укол грусти, когда выносили двоюродную бабушку Сильвию, но затем это чувство затихло, будто ее серьезное лицо следило за ним из окна удаляющегося поезда. Пока портреты висели в Чилкомбе, они были частичкой утешительного постоянства, но, обретя цену, будто потеряли что-то. Поезд с двоюродной бабушкой Сильвией скрылся за поворотом, дым из его трубы поднялся в небо и смешался с облаками.

Джаспер снова сморкается – траурный рев горна. Море такое же серое, ветер все еще холодный. Где-то у крошащейся береговой линии стоит его дом. Древний дом с женой, которую он не любит, ребенком, которого не знает, как любить, – и пустым местом там, где была его любовь.

Иногда, просыпаясь среди ночи, Кристабель кричит: «Я тут!», будто отвечая на вопрос о том, где прячется, но никто в доме не спрашивал, никто в доме ее не звал. Из своей спальни на другом конце подкрышья Моды слышит, как Кристабель кричит раз, два, бормочет, а потом ничего, только тишина детей, спрятанных высоко на темном чердаке, слушающих, ждущих.

Каждое утро после завтрака Розалинда идет к своему письменному столу сочинять очаровательные пригласительные письма в надежде начать жизнь, которую представляла, принося брачные клятвы. Каждое посланное сообщение она представляет отважным почтовым голубем, перелетающим великую стену Хребта. В каждом письме есть завлекательное упоминание *брата Джаспера Уиллоуби – героя войны!* – и, складывая его в конверт, она испытывает странное удовольствие, будто бы она запечатывает Уиллоуби в свои будущие планы. *Приезжайте!* – Пишет она. – *Обязательно!*

Но ответы на свои призывы она получает редко.

Однажды вечером за ужином она говорит:

– Джаспер, возможно, нам стоит задуматься о лондонском доме на время Сезона?

– Я остаюсь в клубе, если мне нужно заночевать, – отвечает он.

– Но что мы будем делать, когда твоя дочь выйдет в свет? Тогда он пригодится.

Джаспер кашляет.

– Это случится не скоро. – Он отодвигает стул и покидает комнату.

Оставшись в одиночестве за длинным столом, Розалинда чувствует поспешное приближение слуг и с готовностью надевает улыбку.

– Все в порядке, мэм?

– В идеальном. Спасибо.

Позднее, лежа в своей новой ванне, Розалинда спрашивает Бетти:

– Ребенок, дочка Джаспера, сколько ей?

Веснушчатое лицо Бетти появляется в дверях.

– Только исполнилось четыре, мэм. Ее день рождения был на прошлой неделе, если точно.

– Она растет нормально, ты не знаешь?

– Кажется, да, мэм. Говорят, она сообразительная девочка. Уже выучилась писать. Она ужасно забавная, Кристабель. На днях...

– Не могла бы ты принести полотенце, Бетти?

– Сию минуту, мэм.

Розалинда мягко плещется, наслаждаясь своей новой ванной, пока Бетти не возвращается с полотенцем, а затем поднимает себя из плена воды, возвращаясь к земной тяжести.

У туалетного столика она от нечего делать перебирает содержимое шкатулки с драгоценностями, пока Бетти расчесывает ее волосы.

– Бетти, а Кристабель похожа на свою мать? Я не видела ее фотографий.

Бетти морщит лицо.

– Сложно сказать, мэм. Миссис Аннабель, благослови Господь ее душу, обладала, что называется, выразительными чертами.

– А, – говорит Розалинда, встречаясь взглядом со своим отражением в зеркале. Ободрение собственного лица. Его тонких черт. Его уверенности.

Бетти говорит:

– Я расшила красное платье, как вы и просили, мэм. Было туговато в талии, не так ли? Приятно видеть, что к вам вернулся аппетит.

Сперва примулы

Апрель 1920

Розалинде все объяснила Бетти. Прагматичная Бетти с многочисленными сестрами и накопленными знаниями о происходящем в загадочных, предательских женских внутренностях.

Розалинда оценивающе оглядывала собственное тело, всплывшее в ароматизированной розами ванне подобно Офелии.

– Мне пора завязывать с жирными десертами, Бетти. У меня растет живот.

Бетти перестала складывать полотенца.

– Ну, мэм. Я все собиралась сказать. У моей старшей сестры там все растет, когда она в положении.

– В каком положении?

– В деликатном, мэм. Когда ожидает ребенка. – Бетти не отрывала глаз от полотенца в руках. – Простите мою бесцеремонность, мэм, но вы... вы не заметили никаких изменений в... ваш ежемесячный гость недавно посещал вас?

Розалинда ничего не сказала. Она услышала слово «ребенок», а затем ее уши будто закрылись, как у выдры, и голос Бетти превратился в неразборчивое *бур-бур-бур*. Она старалась не шевелиться. В ней что-то было. В нее что-то вложили. Как посмели они так вторгнуться в нее.

Бетти посмотрела на нее.

– Мэм?

– Сегодня я не присоединюсь к мужу за ужином, – услышала Розалинда собственный голос и поразились его любезности. – Не могла бы ты сообщить миссис Хардкасл? Это все.

Розалинда оставалась в ванне с ножками-лапами, пока не остыла вода, из которой бледным архипелагом выступали только ее колени, груди и лицо. Лежа в покрытой пленкой воде, держась на ее поверхности, она зависла над остальным домом. Она вслушивалась в непрекращающиеся вечерние дела: шаги слуг на лестнице; тиканье напольных часов; доносящийся снаружи занудный клекот петуха. Все шло как должно. Как всегда.

Когда она чуть погрузилась в воду, так, чтобы уши закрывала вода, она услышала совсем близко биение собственного сердца. Лежа там, покрытая мурашками и дрожащая, Розалинда впервые за всю свою взрослую жизнь пожелала увидеть мать – но потом вспомнила, что та за человек, и пожелала вместо этого другую мать. Возможно, такую, как у Бетти, – которая вместе с мужем управляла бы пабом, имела склонность перебарщивать с джином, но к которой можно было бы обратиться со своими бедами. Но как же глупо думать о таком. Твоя мать останется твоей матерью, нравится тебе это или нет. Выбирать нельзя. Будь у нее джинолюбивая мать, работавшая в деревенском пабе, где бы она оказалась теперь? Уж точно не в ванне с ножками-лапами. Точно не владелицей чистого розового масла для ванны. И Розалинда следила, как свет на стене ванной медленно перетекает из золотого в персиковый и серый.

Следующим утром в ее спальню зашел доктор.

Розалинда предположила, что Бетти сообщила миссис Хардкасл о новой выпуклости на ее теле, и эта информация была передана как доктору, так и Джасперу, потому что на подносе с завтраком лежал маленький букетик примул. Это доставило ей облегчение, потому что она не представляла, как сама расскажет Джасперу. Итак, сперва примулы, а потом доктор – и все до того еще, как она встала с постели. Теперь она стала носителем возможного сына и

наследника Сигрейвов, и ее муж был готов дарить ей цветы и позволять незнакомцам посещать ее спальню для осмотров.

Его звали доктор Гарольд Ратледж. Друг Джаспера. Пузатый и румяный, как пивная кружка. Розалинда не отрывала взгляда от полога над кроватью, пока он ошупывал ее живот, наклоняясь так низко, что она чувствовала вчерашнее бренди в его дыхании.

– Все, кажется, на высоте. Достаточно отдыха, никаких поездок верхом, но обычные супружеские отношения могут продолжиться, – сказал доктор Ратледж, а затем засмеялся удивительно триумфально. – Старый добрый Джаспер, – добавил он, отводя в сторону вырез ее ночной рубашки, чтобы прижать к груди холодный стетоскоп.

Розалинда задумалась, что он слышит через свой металлический инструмент. Ей представился глухой шелест камыша. Она чувствовала переполняющее ее отчаяние, оно утихло только тогда, когда она сосредоточила внимание на дальнем углу полога.

Доктор отвел стетоскоп и запахнул ее ночную рубашку с непринужденностью человека, переворачивающего страницу газеты.

– Великолепно, великолепно, – сказал он.

Все казались ужасно довольными, и, хотя Розалинда не рассказала ни единой душе, ни от кого не укрылось ее положение. Деревенские дети приходили с букетами. Мальчишка мясника прибыл с куском мяса. Даже викарий церкви в Чилкомб-Мелл доброжелательно улыбнулся ей с кафедры, говоря о плодovitости. Будто все только этого и ждали.

Она припомнила, как дружелюбно ее приветствовали в день прибытия. Руки, готовые помочь, открывали двери, несли сумки, предлагали чай. Они гладили ее одежду, наливали ей вино, и она чувствовала себя едва ли не членом королевской семьи, кем-то важным. Но она им была совершенно не важна, не так ли? Им было нужно это.

Розалинда удалилась в свою спальню, ссылаясь на нервное напряжение и принимая только Бетти, миссис Хардкасл или Уиллоуби, если он привозил ей что-то из Лондона. Джаспер, на удивление уступчивый, отступил, бормоча:

– Как пожелаешь.

Время от времени доктор Ратледж заходил осмотреть ее растущий живот. Он посоветовал ей начать курить, уверяя, что женщины в положении склонны к истерии.

– Мозг лишен питательных веществ. Попробуйте парочку каждый день после еды, и все с вами будет в порядке.

Сигареты (предоставленные Джаспером) в серебряном портсигаре с гравировкой в виде ее инициалов (предоставленном Уиллоуби) были омерзительны, но она терпела. Ей почти нравилось, как от них кружилась голова. Она представляла себя со стильным мундштуком на вечеринке в Белгравии. Ей больше не нравилось смотреть на свое тело. Она предпочитала ту версию себя, для которой заказывала одежду: светская хозяйка с талией в двадцать один дюйм.

Глубоко в ее животе росло чуждое создание. Она изо всех сил игнорировала его, но ее мучили жара и усталость, превращая в раздувшийся сосуд. По ночам, даже с широко раскрытыми окнами, она вертелась в собственном поту. Ее тело создавало жар, как плавильная печь. Каждое утро она просыпалась без сил, с кислым металлическим привкусом во рту, будто всю ночь сосала монеты.

Конечно, они и не подумали рассказать Кристabelle. Такая мысль даже не пришла им в голову. Она осталась вне их сознания, как и большинство вопросов, касающихся Кристabelle. Подобные мысли не имели большой ценности. И, как часто бывает, подобные позабытые вопросы были подняты слугами.

Однажды вечером Моды Киткат заглянула в чердачную спальню Кристabelle и сказала:

– У тебя будет братик или сестричка, тебе рассказали?

Кристабель подняла глаза с кровати, где коллекция камешков с лицами выстраивала себе дом под ее подушкой, чтобы защититься от разорительных атак открытки с собакой по имени Собака.

– Тот самый братик?

– Возможно.

Камушки с лицами высыпали из-под подушечного убежища со смесью радости и облегчения, и открытка с собакой по имени Собака была опрокинута, как великая стена.

Моди посмотрела на это своим удивительно неподвижным взглядом и продолжила:

– Бетти говорит, если это не мальчик, они продолжают стараться, пока не получится.

– А где братик живет сейчас? – спросила Кристабель.

– В животе миссис Сигрейв. Она поэтому так растолстела.

Кристабель потянулась под кровать, чтобы из своей горстки палок достать несколько для маленького праздничного костра. Она осторожно прислонила палки друг к другу, а затем сказала:

– Я не жила в ее животе.

– Не жила.

– Я жила здесь. В этом месте. Это мое место.

– Точно.

– Братик тоже будет здесь жить. Со мной. Я буду за ним присматривать. – Она посмотрела на Моди, и та кивнула, а затем ушла по чердачному коридору.

Кристабель положила открытку с собакой по имени Собака на костер и выложила камешки с лицами вокруг. Сегодня будет большой праздничный ужин. Открытку с собакой по имени Собака зажарят с красным яблоком во рту. Будет свежий снег. И таргалетки с джемом. Всем дадут добавки. И никто не пойдет спать.

Под кроватями

Под кроватью Кристабель

Перья, палки, овечья шерсть, череп чайки, высохший комочек клея, одна большая клешня лобстера.

Три улитки в банке.

Окопная зажигалка.

Деревянный меч.

Игрушечный аэроплан.

Изображения солдат, иногда с собаками, верблюдами или медведями, с подписями: «ДЕРЖИТЕСЬ РАДИ АНГЛИИ», «БРАТЬЯ, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ», «ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ» и «ИХ ВЫКОРМИЛА МЕДВЕДИЦА».

Списки имен, некоторые из которых вычеркнуты.

Одна ириска, полусъеденная и снова завернутая в обертку.

Под кроватью Моды

Четыре письма Уиллоуби для Кристабель.

Старый кусочек мыла, найденный в гостевой комнате.

Книга об охоте на диких зверей Африки, взятая из кабинета.

Карманный нож.

Кусочки мела, найденные на Хребте.

Доска, на которой учатся писать буквы.

Дневник.

Карандаш.

Под кроватью Розалинды

Обувные коробки со следующим содержимым:

Приглашения и танцевальные карточки с приемов, проходивших в июне и июле 1914-го.

Салфетка, взятая в кафе «Рояль», Лондон, в ранние часы 17 июля 1914-го.

Шесть билетов в театр.

Два билета в кино.

Венок из ромашек, высушенный.

Тридцать семь иллюстраций свадебных нарядов, вырезанных из журналов между 1913-м и 1918-м.

Сто пятьдесят две вырезки из журналов с изображениями различных предметов, в том числе: граммофонов «Виктрола», кремов от морщин с черепашью жиром, иллюстраций правильного этикета за ужином, орнаментов индейцев сиу, электрических ламп для чтения, молотков для игры в крокет, турецких сигарет, камфарных кремов для похудения, дорогих чулок, чайных чашек «Королевского Вустера» и бодрящих тоников для восстановления естественной живости тела и разума после большого напряжения.

Статья, озаглавленная: «Какой брак оказывается лучшим?», вырезанная из «Еженедельного журнала для женщин» за февраль 1919-го, где подчеркнуты следующие строки:

Он страшится современных девишек с мнением и маслом для губ. Он хочет жену с одной-двумя мыслями в голове и дом.

Любимой женщине нет нужды в амбициях.

Мужчина может вести себя достойно – но женщина должна!

Без страстной любви.

Магнетическая искра.

Фотографии, вырезанные из разных женских журналов, с подписями:

Волна прогресса, что оставляет женщину с правом голоса в руке, но едва той одеждой, что у нее на плечах, должна отхлынуть и вернуть ее к женственности.

Бесплатная вкладная иллюстрация Флоренс Ла Бади, незатухающей звезды кинокорпорации «Танхаузер»

На парижские модные парады в гигантском самолете из Кройдона!

Статьи под заголовками:

«Новейшие способы обогреть дом»

«Ноша любящей жены»

«Истории из жизни: На распутье!»

Объявление: *Корсет для материнства: все новейшие модели, дарующие владелице Вполне Обычный Облик – физический, как и душевный комфорт. Простежка, отделка лентой, боковая утяжка позволяет регулировать размер.*

Спящая женщина

Август 1920

Одним летним вечером Уиллоуби говорит:

– Раньше это была комната моей матери. Тогда она выглядела совсем по-другому.

– Вот как? – Розалинда поднимает глаза от образцов ткани. Седьмой месяц беременности. Она лежит в постели в цветастой ночной рубашке и постельном жакете.

Длинное тело Уиллоуби раскинулось на хрупком стуле возле ее туалетного столика. Бетти в ванной комнате, чистит новую раковину. На полу стоит подарочная коробочка с наполовину снятой крышечкой, что-то шелковое и бледно-зеленое выглядывает из одного угла.

– Мама предпочитала траурный стиль интерьера, – говорит он. – Закрытые от заразы окна. Закрытые шторы, чтобы защитить мебель. Я вынужден был сидеть возле ее постели в сумерках, пока она читала Библию.

– Моя мать считает допустимыми книгами только Библию и пособия по этикету, – отвечает Розалинда. – По ее мнению, женщине не подобает чтение. Она говорила мне, что я не должна пристраститься к литературе.

– Вам нравятся журналы, – говорит Уиллоуби, оглаживая усы.

– Картинки мне нравятся больше статей.

– Мне тоже.

– Я, конечно, благодарна матери, – говорит Розалинда после паузы.

– А я нет. Я рядом с ней дышать не мог. Я говорю о своей матери, конечно. – Уиллоуби ерошит волосы, оглаживает комнату. – Теперь мне здесь больше нравится. Даже с этими обоями в цветочек.

Розалинда моргает.

– Дамасская роза. Из «Хейнс» в Паддингтоне. Рада, что вы одобряете. Вы ведь одобряете? Уиллоуби смеется, низко и плотно.

– Одобряю. Обитательница комнаты тоже намного лучше. Хоть нам редко доводится увидеться за ее пределами.

– Я надеюсь вскоре встать на ноги, но доктор Ратледж уверяет, что мне необходим отдых, – говорит Розалинда. – Но не могу сказать, что это неприятно. У этого всего усыпляющий эффект. Я лежу в постели и представляю приемы, которые буду проводить осенью и на Рождество. Лежу и рисую себе вечеринки, что я буду на них надевать, как я буду их организовывать. После этого я закрываю глаза и ни о чем не думаю. Просто перестаю на какое-то время, а мир продолжает крутиться, будто меня в нем и нет. Разве не странно. – За время речи ее руки потеряли покой, пальцы запутались в волосах.

Уиллоуби ерзает.

– Я буду ждать этих выдуманных приемов.

В ванной Бетти отворачивает краны на новой раковине. Трубы с громогласным клапаном кашляют.

Уиллоуби встает, улыбаясь с чуть опущенными уголками губ.

– Мне не стоит вам докучать.

Розалинда смотрит, как он уходит.

Уиллоуби продолжает навещать Розалинду в последние недели ее беременности, доставляя купленные по ее просьбе в различных бутиках Мейфэра вещи. Осмотрев их, Розалинда часто засыпает. Уиллоуби приходит в голову, что он никогда ранее не наблюдал спящих жен-

щин в таких обстоятельствах. Обычно, когда женщина спит, он и сам спит. Или собирает одежду с пола на пути к выходу. Он остается на стуле возле туалетного столика и тихо говорит Бетти:

– Я посижу тут немного, вдруг она проснется. Может, принесешь ей свежих цветов?

Ему нравится изучать лицо Розалинды, во сне становящееся будто детским, одновременно невинным и яростным. Иногда она хмурится, словно сосредотачиваясь, иногда уголки губ раз за разом чуть тянет улыбка, будто она одного за другим приветствует гостей. Иногда, что удивительней всего, он видит шевеление ребенка в ее животе – ее ночную рубашку на мгновение приподнимает крошечная нога или кулачок.

Однажды он тихонько прикрыл за собой дверь, покинув Розалинду, когда его заметила миссис Хардкасл и смерила суровым взглядом.

– Миссис Сигрейв нуждается в отдыхе, мистер Уиллоуби.

– Чем она и занята, – ответил он, невинно поднимая руки.

Он, конечно, не может не замечать ее тело под ночной рубашкой – все еще стройное, несмотря на выступающий живот. Спящая женщина не следит за разошедшимися пуговицами или тем, как покрывала очерчивают ноги.

Но есть что-то еще – ему это нравится, потому что совершенно непохоже на любое другое времяпрепровождение с женщиной. Он из таких мужчин, для которых двери и ночные рубашки распахиваются с легкостью. Мир для Уиллоуби полностью доступен, все его блага лежат повсюду, как военная добыча, ожидая, когда он ее захватит. Но его разговоры с Розалиндой скованы ограничениями и приличиями. Они кажутся пристойными, учтивыми, успокаивающими. Вручение подарков в тихой комнате. Развязывание лент на коробке. Ничего больше.

За вуалью век Розалинда бродит во тьме. Она заметила одну занятную вещь. Присутствие Уиллоуби она ярче всего чувствует с закрытыми глазами. Она чувствует, что он где-то во тьме вместе с ней, и они плавают вокруг друг друга, как воздушные шары. Чувствует, что, пройдя вперед, прорвется сквозь тьму, наткнется на него, раскинувшегося в кресле возле туалетного столика, покачивающего ногой взад-вперед как маятником, ждущего в комнате, так сильно похожей на эту.

Все чаще ей не удается заснуть, когда он в комнате с ней, хотя она старательно пытается. Она сосредотачивается на черноте за глазами и приказывает ей пропустить ее, концентрируясь на ограничении движений, контролируя дыхание. Иногда ее уносит в дремоту и затем обратно, в дремоту и обратно, будто привязанную к пирсу лодку в прилив.

Снаружи горит лето. Прорывающийся сквозь цветастые шторы солнечный свет окрашивает комнату в теплый розовый, как внутренности ракушки или же телесное сияние мира, каким видит его ребенок, прижавший пальцы к глазам.

Однажды в последнюю неделю августа Розалинда лежит на своей высокой кровати, элегантно раскинувшись в маскараде сна. Уиллоуби отправил Бетти на кухню за графином воды. Вдруг Розалинда слышит, как скрипит его стул. Он движется. И с замершим в горле дыханием она понимает, что он знает: она не спит. Его мягкий голос раздается прямо возле ее уха:

– Не двигайтесь.

Она слышит скрежет стула по паркету, затем то, как он садится рядом с ней. Она не шевелится, не в силах признаться в своей шараде даже после его слов. Тьма за ее глазами съежилась в ничто. Она существует только в своем горле, в краешках ноздрей. Она могла бы существовать в этом едином мгновенье вечность – затем стул скрежет еще раз, и она слышит, как он выходит из комнаты.

Он возвращается на следующий день. Приказ Бетти. Стук возле кровати.

Он приходит несколько дней спустя. Бетти уходит. Стул еще ближе.

Он снова приходит, и это первый день сентября, а он кладет ладонь на ее тело, туда, где начинается выпуклость живота. Он оставляет ее там на мгновение, будто за чем-то следит, а затем растягивает пальцы, будто пианист тянет октаву, так что большой палец касается нижней стороны груди. Они замирают так на какое-то время, пока он не убирает руку. Но мгновением позже она возвращается, ложится на ее бок, переходит к запястью, талии, горлу.

Розалинда, придавленная тяжестью живота и с закрытыми глазами, не в курсе его движений, пока он не касается мимолетно ее тела. Она будто стала огромным горным хребтом, а его руки – крошечными, легкими прикосновениями исследователей со схемами и компасами, медленно продвигающимися по дремлющей земле и спутывающими ее веревками.

(Но где же Джаспер? Он в конюшнях, на скачках, на аукционе, в церкви, в единственном приличном ресторане Шерборна, в джентльменском клубе в Марилебоне: он в любом месте, что вдали от жены, которая с недели на неделю должна родить. Он существует в тонкой складке обычных мест обитания, которые дарят ему роскошь не смотреть ни вверх, ни вниз, ни по бокам, а только вперед, чаще всего – сквозь дно стакана с бренди, потому что на что-либо еще он смотреть не в силах.)

Когда отходят воды, когда Уиллоуби над ней в ее безвоздушной спальне теплым сентябрьским днем, кажется, будто Розалинда расплавилась – из плоти превратилась в жидкость и оставила собственное тело позади.

Кристабель и истории

Август 1920

Кристабель нужно многое подготовить к прибытию брата. Моды говорит, что дети надоедливы и она бы их оставляла на лужайке, чтоб грачи им выклевали глаза, но Кристабель кажется, это оттого, что у Моды нет братьев. Сестер тоже, но главное – братьев.

Брат, если верить прочитанным Кристабель книжкам, – это отважный парень, полный жизни и решимости, готовый к приключениям. Дядя Уиллоуби – брат, и он любит приключения намного сильнее ее отца. Брату Кристабель понадобится деревянный меч, как у нее, а еще она сложила в люльку некоторые свои камушки с лицами, чтобы составили ему компанию, потому что в ветреные ночи на чердаке завывает так, что испугается и самый отважный брат.

Она также планирует рассказывать брату истории. Ее нынешние подопечные – камушки и открытка по имени Собака – всегда жаждут историй. Она читает им ненужные газеты или письма дяди Уиллоуби. Иногда ей даже удается украсть книгу из кабинета отца. Ей запрещено заходить в кабинет или трогать книги, но, если комната остается без присмотра, она проскальзывает внутрь и заталкивает книгу себе под платье. Но только одну за раз, и вскоре возвращает, чтобы полки не зияли подозрительными промежутками.

В кабинете хранится коллекция греческих мифов, «Илиада» и «Одиссея» в кожаных переплетах, книга о контрабандистах под названием «Лунный флот», и самое лучшее – ряд приключенческих рассказов кого-то по имени Дж. А. Генти, с названиями вроде «На кончике штыка» и «Храбрый из храбрых». Судя по авторским предисловиям, они основаны на реальных эпизодах славной истории Англии. Именно из этих книг она и узнала об отношениях братьев.

Книги Генти – в тряпичном переплете, на обложках – золоченые названия и иллюстрации в виде перекрещенных винтовок или рыцарей на турнирах. На форзаце каждая аккуратно подписана одним и тем же беглым почерком – Дж. Сигрейв, эск., – и многие страницы хранят отпечатки сальных пальцев. Когда Кристабель впервые открыла «Бросок на Хартум», на колени со страниц высыпался целый дождь старых крошек. Они оказались съедобными.

Кристабель понравилась каждая из этих книг, и каждую она постаралась запомнить, но ей хотелось бы подарить брату что-то новое, не украденное. Его историю.

– У вас есть какие-нибудь истории? – спрашивает она французскую гувернантку, которая закатывает глаза и говорит:

– *Non.*

– У тебя есть истории, Бетти?

– Что мне до историй? – отвечает Бетти, на коленях черня решетку камина на чердаке.

– Ты читаешь истории в журналах новой матери.

– Это романы, мисс Кристабель. Они не подходят таким, как вы.

– Почему? Что там?

Бетти тяжело откидывается на пятки. Ее лицо покраснело и вспотело.

– Они о свадьбах и всяком таком.

Кристабель хмурится. Истории о свадьбах брату не понравятся. Ему, как и ей, они наверняка покажутся скучными, так что она решает наилучшим образом использовать то, что уже имеется. Она может прочитать ему письмо от дяди Уиллоуби о том, как он нашел скорпиона в своем сапоге в Константинополе, а после репортаж в найденной ею газете о повешении человека в Онтарио, который не умирал часами, а закончить сможет рассказом Генти о том, как

англичанин повел отряд крестьян к победе над запятнанными кровью сынами Франции. После этого она может повторить их в обратном порядке.

– Моди, а история всегда должна идти с начала в конец? Можно наоборот?

– Как пожелаешь, мисс Кристабель, – говорит Моди, осторожно натачивая карандаш карманным ножом. – В дневнике я иногда возвращаюсь и читаю немного с прошлого года, и никакой разницы. Все ведет к одному. Приятно иногда нагряться к себе...

Дневник Моди Киткат

25 декабря 1918

мороз

церковь

рождественский пудинг

помню когда поцеловала Чарли в последнем стойле слева после церкви в тот раз и как он дрожал

– ...и увидеть, что ты все еще там. Но когда читаешь, знаешь больше, чем знала тогда. Поэтому чувствуешь себя умной. Умнее, чем эта Бетти Бемроуз, вот уж точно.

– А что в твоём дневнике, Моди?

– Ничего такого.

– Можно мне посмотреть?

Моди качает головой.

– Никогда. А то мне придется перерезать тебе горло во сне.

– Этим самым ножом?

– Им самым.

Моди в каком-то смысле отличная учительница, и Кристабель ужасно благодарна внять ее совету насчет историй. Вперед или назад, разницы никакой.

Ожидание и желание

25 августа 1890 Тридцать лет назад

Впервые за несколько месяцев родители одарили его хоть взглядом, а Джаспер все портил. Костюмчик моряка стискивал его шестнадцатилетнюю пухлость, а сам он старался не уронить малыша-брата в душной фотостудии в Дорчестере, пока мужчина, спрятанный под черной тканью, вглядывался сквозь линзу деревянного аппарата и кричал на Джаспера, если тот слишком явно дышал. Каждый раз, когда кричал фотограф, кричал и отец Джаспера, мать вздыхала, и вздыхал ассистент фотографа. По комнате носилось эхо криков и вздохов. И все по его вине.

Но его родители – Роберт и Элизабет – не могли заставить себя отругать его как следует. Они были слишком увлечены восхищением девятимесячным Уиллоуби в пышном крестильном платье. Этим они занимались и по пути домой – сюсюкали как идиоты над младенцем, пока тряслись в запряженном лошаадьми экипаже. Джаспер прижимал лоб к дрожащему стеклу окна и смотрел на тянущееся небо. Величавые облака, проходящие над заливными лугами за городом, казались плотными, обитаемыми. Огромные белые облака. Огромные белые мифы.

Малыш Уиллоуби был чудом. Все так думали. На протяжении почти всей жизни Джаспера его мать Элизабет была беременна, но после Джаспера каждый ребенок Сигрейвов умирал, обычно сразу же. Другие дотягивали до наречения тяжеловесными родовыми именами, которые они уносили с собой в крипту Сигрейвов в деревенской церкви, где их маленькие гробы выстроились на полке будто посылки в ожидании отправки.

Не пристало раздувать историю, но это казалось бедствием – эта повторяющаяся упаковка крошечных тел, это умолчание, эта тишина. Чилкомб был немым местом закрытых дверей, где горничные с покрасневшими глазами прижимали платки к ртам. По окончании каждого приема пищи Элизабет без единого звука клала приборы четко по центру тарелки из костяного фарфора.

Один из лакеев сказал Джасперу, что дети получают, потому что «женатые делают то же, что коровы с быками». Джаспер это видел: фыркающий бык дергается на корове, корова смотрит вдаль, фаталистично жуя жвачку. Его тело узнавало такое действие как возможное, но он не мог представить своих родителей за этим занятием, потому что казалось, что они едва в курсе существования друг друга.

Мать носила черные платья, что спадали от подбородка к полу, и плавала по дому медленным призраком, тогда как отец существовал где-то за стенами дома, носясь по Империи. Если Роберт и возвращался, то бурно и ненадолго; он носился по дому вихрем сброшенных сапог и выкрикнутых слугам приказов, будто сосредоточенное торнадо: впечатляющие последствия, но без настоящего контакта. Порой единственным признаком возвращения отца домой было появление в Дубовом зале нового чучела.

Метод производства детей казался невероятным, но их смерть – неизбежной. Джаспер был единственным выжившим: всепобеждающим и чудовищным. Лежа в своей постели ночью, он порой слышал плач ребенка и превращал эти звуки в крики побежденных арабов Хартума. Он представлял, как ведет разные британские полки, как быстро приходит всенародная слава, как гордый отец хлопает его по спине. Когда крики наконец прекращались, в дрожащем воздухе повисала тишина, тягучая и выжидающая.

Затем родился Уиллоуби. Джаспер едва заметил его появление, ожидая, что младенец отправится за предшественниками, но Уиллоуби, с рыжими волосами и изогнутыми луком

губами, не умер. И однажды Элизабет неожиданно уронила посреди завтрака приборы и попросила принести ей ребенка из детской. Джаспер, который в чердачной классной повторял с учителем латинские глаголы, услышал топот ног, а затем – как мимо несут Уиллоуби, будто юного махараджу на параде слонов.

На следующий день случилось нечто еще более удивительное. В классной комнате появилась его мать. Прежде она здесь не бывала. Раньше классная комната была всего лишь названием места, что существовало где-то над ней, так же далеко, как небеса.

– Одна из горничных предположила, что Уиллоуби хочет игрушку, – сказала Элизабет.

Появилась горничная с двумя оловянными солдатиками Джаспера.

– Эти подойдут, мэм?

– Идеально, – сказала его мать, и захватнический отряд удалился, оставив Джаспера с одними только *amo, amas, amat, amamus, amatis, amant*.

С тех пор в доме будто бы начался какой-то праздник, присоединиться к которому Джасперу не разрешали. По пути на ежедневную прогулку с учителем вдоль побережья он видел собирающихся в гостиной гостей, прибывших посмотреть на чудо-ребенка – и мать с Уиллоуби на руках и лицом, напряженным от тревожной надежды. Такое выражение Джаспер видел у Кухарки каждый раз, когда она создавала новое блюдо для его родителей.

(Джаспер частенько прятался в углу кухни, пока Кухарка ждала новостей о том, как приняли плоды ее трудов, потому что, заметив его, она подмигивала и говорила: «А вы-то съедите все, что я вам дам, мастер Джаспер», после чего одаривала чем-нибудь вкусеньким: кусочком сыра или быстро обтертым о фартук яблоком. Это было правдой. Джаспер съел бы все, что Кухарка ни дала бы ему, в основном потому, что она была одной из немногих, кто разговаривал с ним без принуждения. Кроме того, что-то это в нем удовлетворяло – принять еду и съесть, неважно какую. Он был заброшен и капризен, капризен и заброшен. Сложно сказать, что брало верх.)

– Не спи, Джаспер, – говорил его учитель, поторапливая его, и Джаспер всю прогулку бил траву своим деревянным мечом.

По вечерам, когда настаивал час Джасперу поприветствовать родителей перед их ужином, он, пригладив волосы слюной, спускался по лестнице и начинал слоняться по залу, пока не получал разрешения зайти в столовую; порой он видел их лишь мельком, потому что ему не позволялось по-рыбьи пучить на них глаза. Стены были выкрашены кроваво-красным, чтобы подсветить мясо, подаваемое на фамильных сервизах, над освещенными свечами родителями нависали длинные тени. В углах тайком ждали слуги, стремясь услужить, так же как и столовая ждала каждый день Джаспера, ждала, чтобы посчитать его недостойным.

Однажды вечером Роберт, начинавший беседы где-то с середины, сказал:

– Настало время тебе узнать что-то помимо латыни, мальчик. Тебе надо будет показать Уиллоуби пример. Поедешь завтра со мной.

При упоминании Уиллоуби Элизабет улыбнулась обеденному столу, будто разглядывая собственное отражение в пруду. Джаспер оглядел портреты на стенах. Портреты Сигрейвов с алебастровой кожей, тех времен, когда и мужчины, и женщины носили локоны. Казалось, все они прижимали одну ладонь к груди, чуть отставив один палец, будто пытаясь незаметно на что-то указать: на роскошные ткани, в которые были одеты, возможно, или фальшивый классический пейзаж позади – *Смотри! Среди деревьев! Маленький храм с куполом!* – или даже на тревожно высокий лоб человека на соседнем портрете. В дальнем конце комнаты висела фотография угрюмого Джаспера в моряцком костюме с Уиллоуби в крестильном платье на руках.

– Этот твой деревянный меч, – сказал Роберт. – Это детская игрушка. Отдай его брату. Можешь быть свободен.

Джаспер поднялся к себе и забрался в постель, где достал спрятанное под подушкой печенье и взялся за книгу о короле Артуре. Затем он отложил их. Нужно меньше читать. Меньше есть. Нужно забыть о мечтах. Джаспер уставился в потолок.

Следующим утром – точнее даже все следующие утра всех следующих лет, всю молодость, все свои двадцатые и тридцатые годы – Джаспер мрачно следовал за отцом из дома, чтобы узнать о своих обязанностях в качестве наследника, пока оставшийся внутри младший брат с легкостью расцветал. Уиллоуби выучился ходить за один день; Джаспер украл виски из отцовского буфета, отправился поздней ночью плавать в море, поскользнулся на камнях и так неудачно сломал ногу, что на всю жизнь охромел. Уиллоуби резвился повсюду с его любимым деревянным мечом; Джаспер ковылял, без оружия, в ожидании, пока умрет отец, чтобы он смог проявить себя.

Хромота не помогала. Джаспер чувствовал неловкость, посещая фермеров-арендаторов. Он предпочитал объезжать их на лошади. Верховом он оказывался на достаточном расстоянии от населения, чтобы достичь доброжелательности. Пешком, переваливаясь с ноги на ногу, он был неуклюж, как цирковой медведь. Он подмечал острые глаза работников поместья, их ухмылки, когда он неловкими рывками, будто двигая шифоньер, пробирался по неровным полям.

Его социальная жизнь была схожим образом ограничена. Он очень хотел быть благородным английским джентльменом, но не мог танцевать, поскольку его слабая лодыжка не могла удерживать его. Он сидел у стенки на балах, представляя ужасные кончины молодых холостяков, которые могли вальсировать. Его стихи не покидали карманов. Он утешал себя мыслью, что благородный Гектор никогда, черт подери, не вальсировал. По ночам, если он за ужином съедал слишком много (а так обычно и случалось), он слышал во сне, как пускает газы, будто беспомощно ускользающий воздух был своего рода продолжением его жалких попыток завести разговор и нерешительно поделиться поверхностными остротами.

Иногда, следуя за своим все еще вполне живым отцом, Джаспер придумывал, как изменит жизнь в Чилкомбе, если возьмет его в свои руки. На самом деле, размах идей отца не оставлял места его идеям. Растущая викторианская уверенность Роберта Сигрейва доминировала над будущим, как планируемая им огромная буковая аллея. Роберту не суждено было увидеть, как вырастут эти деревья, но он не сомневался, что через сотни лет другие Сигрейвы будут вышагивать под ними.

Забавно, что жизнь отца Джаспера служила препятствием для его собственной. Порой – ноябрьскими вечерами, к примеру, когда низкое солнце блестело над кобальтовым морем – океан вдохновлял огромные, невыразимые чувства, которые сокращали мысли Джаспера до разбитых полупредложений.

Я люблю...

Как можем мы не верить, что...

Встретить кого-то, кто...

На что будет похоже...

Предложения, разломанные надвое до того, как они получили возможность стать клише, до того, как его мрачный разум мог отбросить их как вздор, как невозможный нонсенс.

– Джаспер, не витай в облаках, бога ради, – рявкал его отец.

На кухне его ждал сыр. И кекс. Яблочные клецки. Мятный зефир. Рахат-лукум. Покрытая желе корочка старого пирога со свиной.

Рождественская охота

Декабрь 1914

Шесть лет назад

Уиллоуби. Уиллоуби! Джаспер изо всех сил старался игнорировать брата. Это было первое и, бог даст, последнее Рождество войны, и младший Сигрейв был дома в увольнительной. В перерыве между солдатством Уиллоуби прогуливался по передней лужайке в белых галифе, алом мундире и цилиндре, опрокидывая бокал портвейна и ведя резвую лошадь для воздушной светловолосой наследницы. Джаспер слышал, как наследница восклицает:

– Какая отвага! Мы все думаем о вас, – и знал, что не британские полки она и другие женщины Англии держали в уме, стоя на коленях в деревенских церквях или вглядываясь за море в израненную боями Францию, а проклятого Уиллоуби.

Уиллоуби Сигрейв был любимцем общества, и, что больше всего раздражало, любимцем женщин. Джаспер видел, как даже самые неказистые старые девы кидают страстные взгляды на его длинноногого брата. Косоглазые перестарки, которых Джаспер сопровождал на балы графства, никогда не смотрели на него так. И ловя свое отражение в зеркалах в серебряных рамах, он знал почему. Он был скучноватым мужчиной за тридцать, с напоминающим хаггис⁶ лицом, и вечно смотрел по сторонам, будто пытаясь сообразить ответ на вопрос, который всем был известен.

Джаспер надеялся, что ситуация может измениться, когда он станет главой семьи. Что его начнут уважать. И действительно, когда его отец был так добр покинуть мир – свалившись как дерево после воскресного обеда, будто показав пример смерти англичанина, – дела пошли на лад.

Вся деревня выстроилась вдоль дороги к церкви снежным днем похорон, прямо перед Рождеством 1913 года, и Джаспер шел с несущими гроб мужчинами, чувствуя на себе взгляды жителей. Шагая следом за телом отца, он мысленно напевал гимн «Добрый князь Вячеслав». *Так, след в след слуга ступал при погоде скверной*⁷.

Нельзя сказать, что он был счастлив на похоронах; отсутствие отца он ощущал как огромную свистящую пустоту. Но когда траурное шествие покинуло церковный двор, сложив Роберта в крипте рядом с женой и всеми их детьми, Джаспер обнаружил, что еле заметно насвистывает – *Что ж, неси вино и снесь*, – а к тому времени, как вернулся в дом (дом, который теперь принадлежал ему) и налил себе бренди, он уже тихонько напевал: *Кровь твоя, ты верь и знай, не застынет в жиши-шилааа-ааах*.

Но вскоре стало ясно, что ничего не изменилось. Когда бы Джаспер ни встречался с местными жителями, они хотели говорить только о его отце и о том, что не будет ему равных. Роберт был благословлен даром рассеянности, за который, казалось, деревенские им восхищались. Когда бы Роберт ни проносился мимо на лошади, он махал им так неопределенно, что можно было подумать, будто он слеп и жестикулирует в направлении, в котором, как ему сказали, находятся люди. Если же он появлялся пешим шагом, то сквозь суматоху приподнятых шляп и поклонов проходил подобно исследователю, пробирающемуся сквозь заросли джунглей. В

⁶ Шотландское блюдо, бараний рубец, начиненный потрохами со специями.

⁷ Перевод К. Ковалева-Случевского.

редких случаях, когда Роберт замечал-таки среди масс кого-то – особенно милого ребенка, крайне уверенного конюха, – этому человеку казалось, будто на него пал взгляд Божий.

Джаспер не был и никогда не будет Богом.

– Все в порядке, сэр? – спросил Том Хардкасл, человек, держащий лошадь Джаспера.

– Хм, – ответил Джаспер, наблюдая, как восторженная наследница наклоняется в седле, чтобы отпить из бокала Уиллоуби. Их отец никогда не разрешал женщинам присоединяться к охоте, так как был уверен, что их хаотичные реакции испортят спорт, но Уиллоуби приветствовал их с распахнутыми объятьями.

Затянутая в сапог нога легла в сильные ладони Тома, и Джаспер устроился в седле, тут же направляя свою лошадь Гвиневру в сторону от других охотников.

* * *

К счастью, Уиллоуби долго не протянул. После часа в седле он объявил, что лиса, которую они загоняли, была непобедимым зверем, вскричал:

– Портвейн, портвейн, все царство за портвейн, – и повел своих последователей и запыхавшихся гончих обратно по полям к дому.

Джасперу понадобился еще час решительной скачки, прежде чем он смог найти успокоение в природе: в механическом треске крыльев фазана, вырвавшегося из кустов, в далеком море того же размытого белого цвета, что и небо.

Верная Гвиневра несла его, пока они не остались одни. Он почти начал приходить в равновесие, когда к нему галопом приблизилась женщина в черном жакете для верховой езды и шляпе с вуалью. Она была не в дамском седле, а сидела прямо, как мужчина.

– Пытаетесь сбежать? – спросила она, переходя на рысь.

Джаспер что-то нечленораздельно проворчал.

– Развит не по годам, не так ли? Ваш брат, – сказала она. – Меня предупреждали.

– Загонит свою чертову лошадь до чертовой смерти, – сказал Джаспер.

– Жаль, что предупредить лошадь было невозможно. Считаю, поле для галопа просто отличное – давайте.

Она рванула. Гвиневра радостно скакнула вперед, и Джаспер понял, что следует за ней. Словно жокеи, они с громом понеслись по твердой зимней земле.

На дальней оконечности поля женщина остановила лошадь. Джаспер заметил, что уздечку она держит в руках твердо, но нежно. Она не дергала за нее, как делал частенько Уиллоуби и его криворукие друзья.

– Там неподалеку есть приличный паб, – сказала она. – Мы можем дать этим прекрасным созданиям заслуженный отдых.

Она привела его на место, а там с мальчишеским задором спрыгнула с седла. Джаспер спешился, как всегда ощущая падение своего статуса, неизменно сопровождающее его сход на землю. Его слабая лодыжка подвернулась, едва ноги коснулись земли.

Счищавшая грязь с сапог женщина подняла на него глаза:

– Несчастный случай на лошади?

Джаспер перебрал свой обычный список мужественных объяснений хромоты, но ее раскрасневшееся лицо, дружелюбное как у лабрадора, неожиданно заставило его сказать:

– Каменистый пляж. Виски.

– Не повезло, – поморщилась она, привязывая их лошадей к забору. – Сильно мешает?

– Досаждают на оленьей охоте. Не держит порой.

– У меня есть хромой жеребец, – сказала она, распахивая дверь в паб, низко согбившийся под соломенной крышей. – Сбрасывал меня в самых невероятных местах, но потом

выучился смотреть, куда ставит ноги. Сами понимаете, как это может быть полезно охотнику. Думаю разводиться в следующем году.

– Вот как? Я подыскиваю пару Гвиневре.

Джаспер поспешил к бару, насколько позволила хромота. Пара стаканов бренди, и вскоре они уютно устроились у камина, галопом проносясь по всем его любимым темам: лошади, охота, родословные, разведение. Ее звали Аннабель Эгню. У нее были черные волосы, проволочными завитками выбивающиеся из-под сетки для волос, а одна из скул запачкана грязью. Ему следовало бы сказать ей об этом, но, возможно, не сейчас.

– Я не думал, что прекрасный пол увлекается лошадьми, – сказал Джаспер, надеясь, что выйдет шутиливо.

– Всегда их обожала. Теперь, когда я помогаю отцу управлять нашим поместьем, мне чаще доводится ездить верхом. Мой старший брат погиб во Франции, так что пока младший не научится всему, мне придется всем управлять. Он в Харроу. Надеюсь, там и останется до окончания войны.

– Ужасная история. Но немцам долго не продержаться. Англия всегда встает на ноги. Что привело вас в Чилкомб?

– У меня есть и младшая сестра. Упала с лошади, не успев на нее даже сесть. Отец дал строгий наказ держать ее подальше от вашего брата. Чем – если подумать – я сейчас не занята. Ее просто сшибают с ног мужчины в форме.

– Так вы дуэнья, а?

– От старых дев часто требуется удерживать младших сестричек от слишком усердной помощи фронту.

Джаспер расхохотался.

– Значит, надо вернуться в дом.

Аннабель нахмурилась и откинулась на спинку стула.

– И насколько он быстр, этот ваш роковой братец?

– Что ж. Полагаю, в доме не одна юная леди.

– И ему необходимо очаровать их всех.

– Совершенно верно.

– Что займет у него примерно столько же времени, сколько нам – пропустить еще один стаканчик.

– Вы, вероятно, правы.

– Итак, эта Гвиневра – расскажите, где нашли ее. Впечатляющее животное.

Потом, три стакана бренди спустя, когда они рысили обратно в Чилкомб, Джаспер заметил, что на лошади она не кажется такой высокой. В пабе, когда она стояли у камина, она возвышалась над ним, но в седле, благодаря Гвиневре, он был выше почти на половину ладони.

Джаспер и Аннабель спешили перед домом, оставив лошадей Тому. Джаспер быстро прохромал вперед, надеясь проводить ее внутрь, но когда он открыл дверь, то услышал раскаты смеха.

В Дубовом зале он увидел Уиллоуби в кресле у камина – кресле, которое он, вероятно, вытащил из гостиной, – и в окружении последователей, которые хлестали портвейн и бездумно бросали бревна в свирепый огонь. Рядом с Уиллоуби развалилась женщина, одетая в нижнюю часть доспеха и неуклюже дудящая в рог. Другие части доспеха были разбросаны по полу, как отрубленные части тела.

– Почти получилось, дорогая, – сказал Уиллоуби.

– Этот доспех не для того, чтобы в него наряжаться, – отрезал Джаспер. При звуке его голоса слуги, таящиеся на галерее, испарились в свои комнаты.

– Только вернулся, Джаспер? Верно, попалась очень пронырливая лисичка, – сказал Уиллоуби, не оборачиваясь.

Женщина, громко икнув, попыталась сесть прямо. Это была светловолосая наследница.

– Эту женщину необходимо отвести в ее комнату, – сказал Джаспер, чувствуя, как заливается краской лицо. – У нас есть гостевые комнаты для гостей. Ей следует прилечь в одной из них.

Копьем от доспехов Уиллоуби затолкал бревно в огонь.

– Мы так поступаем, брат? Просим гостей не выходить из своих комнат?

– Я не это сказал, Уиллоуби.

– Джаспер, мы вернулись ненадолго с кровавого мероприятия, с благородной битвы. Ты же не будешь нас корить за пару пропущенных стаканчиков?

Джаспер только собирался высказать им все, что думает, когда вдруг услышал удивительнейший звук. Аннабель от души хохотала. Надо было догадаться, что что-то с ней будет не так. Она, должно быть, одна из этих сумасшедших старых дев. Он уже начал думать, остановится ли она когда-нибудь, когда она хлопнула себя руками по бокам и сказала:

– Вы не поверите, но именно это Джаспер и сказал.

– Что я сказал? – сказал Джаспер.

– Я была непоколебимо уверена, что, если мы вернемся и застанем вас за валянием дурака, Джаспер должен будет всех вас, наглых бездельников, выгнать, – сказала Аннабель. – Но он сказал, что я не должна ругать за пару стаканчиков вернувшихся с фронта мальчишек.

Джаспер бросил взгляд на Уиллоуби, который обернулся к Аннабель.

– Он даже оставил денег на баре паба в деревне, чтобы вы, парни, могли пропустить pintу-другую перед ужином, – продолжила она. – Разве не так, Джаспер?

Джаспер открыл рот, а Аннабель вложила в него слова.

– Так что вы думаете о посещении местного питейного заведения, парни?

Те переглянулись, а затем один из них, по имени Перри, сказал:

– Отличная идея, Джаспер, старина.

И вскоре все они уже надевали шляпы и выдвигались, оставив наследницу в руках миссис Хардкасл.

Уиллоуби, замыкающий строй, замер перед Аннабель.

– Не думаю, что имел удовольствие, – пробормотал он, аккуратно застегивая мундир.

– Аннабель Эгню, – сказала она, протягивая руку. Со стороны Джаспер заметил, что у нее профиль римского императора.

– Я знавал девчонку с таким именем в Хэмпшире, – сказал Уиллоуби, беря ее ладонь в свою. – Она предпочитала, чтобы ее звали Белль.

– Аннабель, – сказала Аннабель.

– Подруга Джаспера, верно?

– Именно что, – ответила она резким как удар хлыста голосом. – Не думаю, что знаю ваше имя.

Уиллоуби улыбнулся.

– Уиллоуби Сигрейв к вашим услугам.

– Вот и прекрасно, – сказала она.

Джаспер заметил, как они обменялись взглядом строгого учителя и непослушного ученика, трезво оценив силу друг друга.

Когда Уиллоуби вышел, Аннабель обернулась к Джасперу.

– В деревне ведь есть паб?

– Да. Место под названием «Кораблекрушение».

– Слава небесам. Я рассчитывала на это. Лучше бы послать туда мальчишку с инструкциями для владельца, а то эта свора хулиганов зайвится туда и не найдет, чем промочить горло.

– Черт возьми. Да, обязательно.

– Торопиться нет нужды. Никто из них не показался мне способным на что-то большее, чем вяло перебирать ногами.

Джаспер вызвал младшего лакея и послал его в «Кораблекрушение» с приказом дать Уиллоуби и его друзьям все, что они захотят. Его неожиданно вдохновил этот щедрый жест. Он подумал, не стоит ли по особым случаям делать что-то подобное для прислуги. Он даже захотел вслух озвучить эту идею Аннабель Эгнью. Он решил, что сделает это, показывая ей дом.

Собравшись с духом, он повел ее через кабинет, столовую, сад и конюшни, но в итоге, когда они вернулись в гостиную, он сказал:

– Может, воспользуюсь этой вашей идеей. Напитки в «Кораблекрушении». Для прислуги, в смысле. Новый год. Возможно, фейерверк для деревенских детей.

– Великолепная идея, – сказала она.

– Спасибо, что вмешались, – пробормотал он. – У меня все пошло наперекосяк.

– К вашим услугам.

– От Уиллоуби у меня кровь вскипает.

– Тогда лучше держать его подальше от дома, – сказала она, и исходи это заявление от кого-то еще, а не от прямолинейной Аннабель, Джаспер бы принял его за флирт. С ней же оно показалось честной оценкой ситуации. Хотя он не мог быть уверен в том, что в ее глазах не было искорки. Затем он понял, что уже какое-то время рассматривает ее лицо, пожевывая собственные усы.

– Я жую их, когда размышляю, – сказал он, разглаживая усы.

Аннабель взяла выскользнувший из сетки для волос локон – кончики волос секлись.

– Черт.

Одной рукой Джаспер все еще поправлял усы, другая внезапно почувствовала возбуждение и пустоту. Слышно было только горящие в камине бревна – их треск и вздохи да его собственное дыхание.

Аннабель все еще держала свои волосы.

– Всегда завидовала собакам, что они могут жевать кости.

– Да, – ответил Джаспер. Он теперь слышал ее дыхание, как и собственное, и тишина казалась только гуще.

– Всегда хотела кучу собак, – сказала она, смотря на него с поражающей откровенностью.

– Очень люблю, – сказал он и почувствовал в это мгновение, что каким-то образом каждый его вздох притягивал ее ближе к нему, хоть и не мог вспомнить, чтобы кто-то из них двинулся.

Затем зашла горничная с ведерком для угля.

– Прошу прощения, мистер Сигрейв, – сказала она. – Я думала, все ушли.

– Не все, – сказал Джаспер, сглатывая. – Не могла бы ты принести нам чаю?

– И пирожных, – добавила Аннабель.

Джаспер осознал, что широко улыбается удивительной мисс Эгнью.

– Да. Да, да. Много пирожных.

Джаспер и Аннабель провели остаток дня у камина в гостиной. Это была тихая комната – сквозь выходящие на север окна падал холодный свет, на вересково-зеленых стенах висели картины с деревенскими пейзажами: скот в снегу, скот идет вброд через реку, скот у реки на закате. Они пили чай, ели пирожные и говорили о лошадях и собаках, собаках и лошадях. Он рассказал ей свои любимые исторические факты о регионе, и оказалось, что и у нее есть что рассказать интересного.

Время творило удивительные вещи. В один момент Джаспер мельком взглянул на каминные часы, и на них было четыре, а когда он посмотрел на них секундой позже, уже было шесть. Затем, когда он наблюдал, как Аннабель с раскрасневшимися от жара камина щеками успешно справляется с куском кекса, она подняла глаза и встретилась с ним взглядом, – и он чувствовал каждую проходящую секунду. Когда шумная компания Уиллоуби вернулась из паба и Аннабель встала, говоря, что должна перед ужином навестить сестру, Джаспер вдруг стал несчастен.

Покидая комнату, Аннабель обернулась.

– Прокатимся завтра?

Джаспер кивнул. Аннабель взмахнула локоном и исчезла.

Ужин тем вечером был не настолько ужасен, как он боялся, несмотря на то что рядом сидели двое безмозглых друзей Уиллоуби. Он мог выносить их, потому что каждый раз подняв глаза, он видел на другом конце стола Аннабель в вечернем платье из синего шелка. В свете свечей ее волосы сверкали черным, как нефть.

Мужчины вокруг говорили о войне. Они не могли дождаться, когда вернутся во Францию и покажут немцам. Домой они вернутся к весне. Уиллоуби хвалился светловолосой наследнице своим назначением в Египет и обещал привезти ей пирамиду.

Это мой дом, думал Джаспер. Завтра эти люди уедут, а это все еще будет мой дом. Аннабель Эгню живет в Уилтшире. Уилтшир не так далеко.

Среди несмолкаемого шума и гама столовой он отсалютовал ей бокалом.

Его

Февраль 1915

Пять лет назад

– Естественно, у моей сестры разбито сердце, – сказала Аннабель, усаживаясь в кресло в гостиной. – Едва она услышала, что печально известный Уиллоуби отправился в Египет, она взялась читать газеты, а теперь, когда началось оттоманское вторжение, не может найти себе места.

– Ей не о чем беспокоиться, – сказал Джаспер, разливая бренди по бокалам. – Мой брат обладает талантом ускользать от всего, что напоминает тяжелую работу. Последнее, что я слышал, так это то, что он учится ездить на верблюде.

Аннабель засмеялась.

– Слава богу, ты совершенно на него не похож.

Джаспер замер перед буфетом. Из окна ему была видна лужайка, по которой взад-вперед расхаживал петух, чья вдумчивая походка напоминала человека с заложенными за спину руками, который убивает время в ожидании новостей. Февраль был серым и мрачным, с моря накатывал густой туман. Только петух, лужайка, туман и комната, в которой стоял Джаспер.

Обернувшись к ней с бокалом, он собирался спросить: «Не хочешь выпить?» – но Джаспер Сигрейв никогда не умел складывать слова, и вырвались они совсем иначе.

– Ты выйдешь за меня?

Аннабель приняла из его руки бокал и сказала:

– Позволь мне сперва выпить.

Джаспер развернулся, чтобы уйти, чтобы пожалеть, чтобы раскаяться, чтобы пережить этот момент снова и снова, но Аннабель опрокинула в себя бренди единым глотком и уже ставила бокал на кофейный столик, говоря:

– Думаю, да, знаешь ли. Да, думаю, что с удовольствием.

* * *

Когда они поженились в деревенской церкви месяцем позже, это была скромная церемония, ведь многие были вдали от дома на войне. Медовый месяц они провели в Озерном крае, в прекрасном Камберленде. Впоследствии Джаспер вспоминал тот день, те первые недели яркими вспышками, будто картинки, замеченные из движущегося поезда. Казалось удивительным найти такое счастье, когда новости из-за границы приходили все более мрачные и тревожные, но Аннабель Эгню – Аннабель Сигрейв – все делала удивительным.

По возвращении в Дорсет он казался себе выше. Он был уверен, что слуги смотрят на него иначе. Аннабель была такой практичной, такой неунывающей: ее сильные руки перебирали счета за хозяйство, вязали шарфы для солдат, подтягивали стремяна Гвиневре или проверяли зубы одной из их новых собак. Она оказалась превосходно умелой.

Они не были уверены, сможет ли она когда-нибудь иметь детей. Несчастный случай во время верховой езды, из-за которого она сидела в седле прямо, по-мужски, а не боком, повредил кости ее таза. Были опасения. Аннабель было за тридцать, а Джасперу за сорок. Порой он думал, что умрет счастливым и без наследников просто потому, что каждое утро будет просыпаться рядом с ней. Рядом, хмурясь на записную книжку за стеклами очков для чтения, с

карандашом за ухом – а затем поворачиваясь к нему с улыбкой. Она была порой неусидчивой, но всегда собиралась, когда он говорил.

– Поняла, – говорила она и всегда понимала.

Они вместе занимались лошадьми, обсуждали, что выставят несколько на скачки. Они даже отправились в Аскот в тот год и думали, что в обморок после первого забега она упала из-за нового корсета под платьем. Она привыкла ходить в бриджах для верховой езды и по возвращении заявила, что больше не хочет выходить никуда, где нужно носить корсет. Месяцем позже, когда стало ясно, что миссис Сигрейв беременна, они смеялись и плакали, пока Аннабель не сказала перестать, потому что они взбудоражили собак.

Она мучилась всю беременность. Поврежденный таз доставлял ей немало боли.

– Лучше бы это быть мальчику, – сказал Джаспер, заноса одного из новых щенков, чтобы показать ей, – я не могу позволить тебе еще раз пройти через это.

Уиллоуби был на удивление восхищен. Из Каира он прислал телеграмму:

Великолепные новости тчк
Великолепная женщина тчк
Вне себя от радости за вас двоих
тчк У

Джаспер подозревал, что Уиллоуби переживал за тот случай, если Джаспер не обзаведется наследником, потому что тогда огромная тяжесть семейного имени сойдет с оси и скользнет в сторону Уиллоуби, и все верблюды Персии не смогут развить достаточной скорости, чтобы спасти его от погребения под ней.

Но какое это имело значение, когда Чилкомб действительно стал принадлежать Джасперу – так, как никогда не принадлежал прежде. Когда они с Аннабель, его женой (его женой!), прогуливались по лужайке под руку, он чувствовал, что вернулся на свое законное место. Он следовал за ней по дому, наблюдая, как она открывает двери, открывает окна, открывает комоды и находит невероятные вещи: арфу (на которой она – почти – могла играть), чучело слоненка (которого она поставила на колеса, чтобы катать на нем их ребенка) и старую копию «Илиады» Джаспера, которую они вместе читали ребенку в ее животе.

Аннабель. Она была бодрящей: она была ветром, что бил в лицо, когда ты пускал лошадь галопом; она заставляла кровь приливать к щекам; она была согревающим бренди, что ждал дома у огня. Весной у них должен был родиться ребенок. Сын, он был в этом уверен. Теперь все шло к нему.

Они не пускают его

Март 1916

Четыре года назад

Они не пускают Джаспера в комнату. Они не пускают его в комнату. Нужно трое, четверо, чтобы оттащить его. Он пытается выломать дверь, он хочет видеть ее, но они говорят не сейчас, сэр, не сейчас, сэр, вы не хотите, сэр, доктор говорит, там много крови, сэр, это к лучшему, сэр, но он только ее нашел, он только ее нашел, ему нужно к ней, ему нужно увидеть ее, ему нужно сказать ей, она должна была помочь ему, она должна была сделать его, она была его, она была его умная сверкающая Аннабель, чистопородная, вот кем она была, и она согласилась на него, она согласилась на него, она приняла его, она взяла его руку, она держала все в порядке, она вела счета, она была чудесным бухгалтером, а когда она от рабочего стола поднимала к нему голову спросить, не нужно ли ему что-либо, он говорил, что все было вполне удовлетворительно, что он сядет почитать газеты, но новости дня скользили сквозь пальцы на пол, и он мог только следить за концентрацией концентрации в основании ее шеи, где жесткие пряди волос лежали на воротнике, и он никогда не представлял, что будет восхищаться в женщине умом, но у нее был ум хорошего охотника, она знала, когда перепрыгнуть ограду и когда остановиться, где земля была болотистой, а где твердой, все, что она ни делала, казалось простым, этот длинноногий шаг женщины, которая могла не моргнув глазом свернуть шею фазану, потому что добрее было быть быстрой, а по вечерам он сидел перед камином и смотрел, как она смеется, пытаясь играть на арфе, выщипывая звук из струн, которые нашла спрятанными на чердаке, и она приходила к нему с откровенностью, с прямой и приятной легкостью, будто сбрасывала одежду на пляже, без всякой этой косой, боковой как седло ерунды, с которой носились некоторые женщины, хлопая веерами, перешептываясь с подружками, она приходила к нему честно, длинноногая как мальчик, прямолинейная как солдат, шевеля тонкими пальцами, пальцами, подвижными как у обезьянки, быстрыми как у бухгалтера, пальцами, что вспыхивали магией и вытягивали золото и музыку из воздуха, будто золото и музыка всегда были там, и кто теперь займется счетами? Кто займется им теперь? Он готов поклясться, что потерял опору и падает, они не пускают его в комнату, они не пускают его в комнату, и откуда-то он слышит растущий младенческий крик, ребенок, говорят они ему, девочка, сэр, девочка, удивительно похожая на мать, сэр, ее мать, ее мать, ее мать, она так хотела быть матерью, а они не пускают его в комнату сказать ей, они не пускают его в комнату.

После

Апрель 1916

Четыре года назад

Они упаковали Аннабель. Убрали ее в крипту. Были похороны. Он, кажется, был там. Но он также знал, что это было невозможно.

Джаспер знал, что за днем шел другой день, но это также было невозможно, потому что каждый день был тем же днем. В Европе шла война. В его доме была пустота. Вот и все.

Ее имя напечатали в газете рядом с именами мертвых пехотинцев. Он продал арфу. Раздал собак. Убрал чучело слоненка на чердак, кверху ногами, и маленькие колесики вертелись в воздухе.

Все это казалось фальшивым. Немыслимо, что события продолжались, а ее не было рядом, чтобы увидеть их. Иногда он просыпался среди ночи с мыслью рассказать ей, что случилось что-то страшное, разбудить ее и сказать: «Дорогая, ты просто не поверишь в это». Но рядом никого не было, только свистящие стены и пустая темнота.

Она скоро вернется. Не в этот длинный пустой день, но, возможно, в следующий. Жаль только, никто не брался успокоить этого шумного ребенка.

Она скоро вернется.

Овош

Сентябрь 1920

– Все в порядке? – говорит Уиллоуби, кивая на ее живот.

– Я не знаю, – говорит Розалинда. – Я что-то почувствовала.

Она осторожно опускает ладонь под одеяло и обнаруживает, что постель мокрая. Украдкой кинув взгляд на пальцы, она обнаруживает, что жидкость окрашена кровью в розовый, и чувствует отдаленный укол страха.

– Я позову Бетти. – Уиллоуби отодвигает стул, отходит от кровати.

Бетти на удивление быстро появляется в комнате.

– Что-нибудь случилось, мэм?

– Кажется, случился несчастный случай, Бетти. Кровать мокрая. Я не знаю почему, я...

– Боже правый, это значит, что роды начались, мэм. Я велю Моду позвать доктора.

Давайте я помогу вам выбраться из этой мокрой рубашки.

– Начались сейчас?

– Они начинаются, когда пожелают, мэм. Поднимите-ка руки, вот и славно.

Розалинда позволяет Бетти обходиться с ней как с куклой. Она ошеломлена, все еще потеряна в хмельном мире под веками – и Уиллоуби нет, хотя он был рядом, его рот был так близко к ее, что она чувствовала тепло его дыхания.

Бетти посылает горничных за чистыми полотенцами и горячей водой. Ботинки топают вверх и вниз по лестнице. Миссис Хардкасл появляется в дверях, перебирая пальцами, затем исчезает. Снаружи раздаются крики, грохот упавшего на землю велосипеда. В Солсбери, где Джаспер посещает конюшни, посылают сообщение.

– Когда это произойдет, Бетти? – спрашивает Розалинда.

– Я уверена, доктор сможет вам сказать.

– У меня изрядно болит спина. Это правда так больно, как говорят?

– Не может быть так уж плохо, мэм, иначе люди давно бы забросили это занятие.

Вскоре прибывает доктор Ратледж, навещавший пациента в деревне, и миссис Хардкасл провожает его в спальню. Он слушает сердце Розалинды стетоскопом и, хмурясь, оглаживает ее живот. Затем он просит ее поднять колени и держать их раскрытыми.

– Прошу прощения? – говорит она.

– Нужно быстренько посмотреть, – говорит он. – Понять, что как.

Бетти утешительно улыбается и начинает складывать одеяло у изножья кровати, чтобы доктору было удобнее.

– Быстренько посмотреть, мэм. Проверить, что все в порядке.

Бетти и миссис Хардкасл на пару подтягивают колени Розалинды к ее груди, а затем раздвигают их. Розалинде приходится отвернуться, ее руки взлетают к лицу, а доктор наклоняется ближе, вооруженный каким-то стальным инструментом.

– Понятно, – говорит доктор через некоторое время. Он возвращается к ощупыванию ее живота, бегло осматривая комнату, будто оценивая декор. – Понятно.

Женщины ждут.

Чуть позже доктор Ратледж поворачивается миссис Хардкасл.

– Сложно сказать, где ребенок.

– Да, доктор.

– Большущий ребенок, кстати. – Доктор Ратледж долго смотрит на миссис Хардкасл, поправляя жилет. Между ними будто проходит какая-то молчаливая оценка. Наконец он произносит: – если он лежит неправильно, дело будет непростым.

– Наследник Сигрейвов по традиции рождается в доме, – отвечает миссис Хардкасл.

– Лучше не полагаться на удачу. Особенно после.

– Да, доктор, – говорит миссис Хардкасл.

Бетти кладет ладонь на руку Розалинды.

– Джаспер скоро вернется, миссис Хардкасл? – спрашивает доктор Ратледж.

– Мы еще не получили ответа, доктор.

– Я ведь правильно понимаю, что у мистера Уиллоуби Сигрейва имеется автомобиль?

– Мы его сейчас же найдем, доктор.

* * *

Бетти и миссис Хардкасл помогают Розалинде спуститься по лестнице. Обе они говорят с ней, такой перекрестный поток поддержки и утешения. Другая прислуга топчется неподалеку, нервно сцепив перед собой руки. Розалинду переодели в чистую ночную рубашку, халат и тапочки, отчего у нее возникает забавное чувство, будто она ребенок, которому разрешили не ложиться подольше.

– Удачи, мэм, – говорит Блайз, открывая переднюю дверь.

Снаружи Уиллоуби – одна рука на руле его машины с открытым верхом, одна рука зажигает сигарету, – заводит мотор. Миссис Хардкасл открывает заднюю дверь и помогает Розалинде забраться внутрь, пока доктор Ратледж с довольной улыбкой шлепается на переднее пассажирское сиденье и говорит:

– Великолепная машина. «Уолсли», если не ошибаюсь.

– Четырехцилиндровый двигатель, коробка передач с четырьмя скоростями. Эта красавица может преодолеть много миль, – отвечает Уиллоуби, похлопывая деревянную панель. – Миссис Сигрейв в порядке?

Розалинда замечает, что день перешел в вечер. Длинные тени падают на лужайку, а деревья по ее краям стоят темными силуэтами на фоне неба цвета хурмы. Она слышит, как за деревьями мягко волнуется море. Идеальный вечер, чтобы посидеть на улице с коктейлем, смеясь над колкой остротой, откинув голову, с ниткой жемчуга на шее.

– У миссис Сигрейв все великолепно, – говорит доктор Ратледж. – Давайте доставим ее в больницу.

– В больницу? – спрашивает Розалинда, но ее голос теряется в реве мотора. Они уносятся прочь, и она оборачивается, чтобы кинуть взгляд на стоящих возле увитого плющом дома Бетти и миссис Хардкасл: Бетти с одной рукой в воздухе, миссис Хардкасл с обоими ладонями у рта.

Машина трясется по дорожке, мимо каменных столбов, что отмечают вход в поместье. На вершинах столбов застыли неопределенные геральдические животные, которых Джаспер как-то называл ей, но Розалинда не может припомнить, что он говорил. Кованые ворота, раньше висевшие между ними, давно сняты, остались только каменные создания, зеленые от возраста тотемы старой цивилизации.

* * *

Пока машина несется сквозь деревню и через Хребет, кашля бензинным выхлопом, боль в спине Розалинды усиливается. Она пытается сказать об этом доктору Ратледжу, но он занят кричащей беседой с Уиллоуби о расходе топлива, а когда он оглядывается на нее, ей

кажется должным вежливо улыбнуться. Она пытается наклониться вперед и похлопать Уиллоуби по плечу, но движение машины и неповоротливость ее живота не позволяют ей дотянуться до него. Проще просто перекинуть верхнюю часть тела через край автомобиля и заглывать вечерний воздух, пока мимо тянутся деревенские пейзажи. Она и не подозревала, что Дорсета так много. Он казался намного меньше на виденных ею трех картинках.

Машина неожиданно останавливается, взвизгнув тормозами. Дорога впереди полна овец, их черные лица издают какофонию *беее*. Среди них стоит пастух, с открытым ртом плясая на автомобиль. Уиллоуби заводит машину в кусты, разворачивается задом и едет по дороге в обратную сторону.

– Попробуй свернуть налево, – кричит доктор Ратледж, указывая на покрытую травой тропинку.

– Тут никаких знаков, – говорит Уиллоуби, – мне в чертовой Сахаре ориентироваться было проще.

– Ах! Вот ведь проклятье, да? – кричит доктор Ратледж, цепляясь за шляпу, когда они набирают скорость. Он поворачивается к Розалинде: – У вас там все в порядке?

Боль в нижней части тела Розалинды усилилась. Кажется, это уже не просто боль, а что-то более целенаправленное. Она накатывает волнами, что сжимают как железный корсет, пока на самом пике не возникает момент, когда она готова выброситься из автомобиля, но затем все затихает и мир возвращается. Она не уверена, длится этот цикл минуты или часы. Она слышит утешения доктора, что они вскоре найдут правильную дорогу, но ответить невозможно, потому что оно накатывает снова, это чувство. С каждым выдохом она выпускает стон, как корова. Пока она может наполнять голову этим стонущим звуком, она все еще может дышать. Пока она может цепляться за край машины, она может это вынести.

Затем они съезжают на обочину тропы неподалеку от фермы, и доктор Ратледж карабкается по кожаному сиденью к ней. Она какой-то частью себя осознает, что он тянется к ней между ног, но сейчас она уже не в силах об этом беспокоиться.

– Так и думал, – говорит он. – Началось. Ложитесь на спину, миссис Сигрейв, на спину.

Уиллоуби и доктор Ратледж вместе укладывают ее на заднем сиденье. Уиллоуби поддерживает ее под спину, а доктор Ратледж открыл заднюю дверь, чтобы дать себе пространство для маневра, и стоит наполовину на улице, балансируя ногами на подножке и расстегивая ее халат.

– Вы можете что-то ей дать? Укол морфина? – спрашивает Уиллоуби.

– Для этого слишком поздно.

– Совсем ничего?

– Так велела природа. Следуйте моим инструкциям, миссис Сигрейв. Давайте без суеты.

Доктор отработанным жестом разрывает ее ночную рубашку, и Розалинда видит, что ее ноги измазаны кровью. Она вдруг начинает плакать, яростно и навзрыд, как ребенок.

– Не пытайтесь встать, миссис Сигрейв, – говорит доктор Ратледж. – Когда я скажу тужиться, вы должны будете тужиться со всех сил.

– Но я не хочу, – говорит она.

Уиллоуби берет ее за руку.

– Вы уже завязли, дорогая. Боюсь, выход только один.

– Миссис Сигрейв, вы должны тужиться. Прямо сейчас, – говорит доктор Ратледж, закатывая рукава и сгибаясь меж ее колен.

Розалинда откидывает голову, чтобы посмотреть на небо, и оно кажется за много миль от нее, будто поверхность океана. Невозможно оставаться в собственном теле, когда все это происходит, кажется вероятным, что она умрет, если останется здесь, от боли и стыда, и потому она покидает его и плывет вверх к синей пленке неба, слыша, как ее собственное занятое мычание разносится эхом по полям внизу. Уиллоуби крепко сжимает ее ладонь, и какой-то

далекой частью себя она силится избавиться от тяжелого камня, застрявшего в структуре ее тела.

– Вот так! – восклицает доктор Ратледж.

Уиллоуби смахивает волосы с ее лица.

– Крепись, солдат.

Когда доктор Ратледж снова говорит ей тужиться, Розалинда ревет сквозь сжатые зубы, пытаясь вытолкнуть камень из своего тела. Она тяжело дышит и снова думает, что этого никогда не случится, но внезапно случается, и доктор поднимает младенца с фиолетовым лицом, говоря:

– Это девочка, девочка.

Ее кулачки сжаты, беззубый рот распахнут, как у просящего червяка птенчика, а желтоватые глаза расфокусированы тем же блуждающим образом, что и у слепых. Когда Розалинда смотрит на нее, мгновение наполняется тишиной и пустотой.

– Боже правый, ребенок просто одно лицо с Джаспером, – говорит Уиллоуби, и голос у него неожиданно дрожит.

– Не переживайте, миссис Сигрейв, следующий будет мальчиком, – говорит доктор Ратледж, уstraивая ребенка в изгибе локтя. – С этим вы справились великолепно. Мы тут все приберем и отвезем вас домой. Перебирайтесь на плед для пикника, вот умничка. Не хочу, чтобы вы испачкали сиденье.

Доктор Ратледж осторожно вытирает лицо лежащего у него на руках ребенка носовым платком, а потом улыбается Уиллоуби, который тянется, чтобы коснуться сжатого кулачка, будто они двое – гордые новоиспеченные родители.

– Привет, – говорит Уиллоуби. – Как дела?

Напрочь

Сентябрь 1920

Кристабель просыпается перед рассветом и не знает почему. Затем она слышит – младенческий крик. Она спешно выбирается из кровати, натягивает поверх ночной рубашки кардиган и уже готовится бежать вниз по чердачной лестнице, когда вдруг видит Моды, уже одетую в форму горничной и с выскальзывающимися из-под белой шапочки кудряшками, которая поднимается к ней с масляной лампой.

– Братик... – начинает Кристабель, но Моды обрывает ее покачиванием головы.

– Это девочка. Крупная.

Кристабель, нахмурившись, садится на деревянные ступени.

– Они уверены?

– Лицо как у твоего отца, но определенно девочка. Миссис Сигрейв она не нравится.

Говорит, похожа на овощ.

– Ты говорила, что они еще раз попробуют, если не получится мальчик.

– Попробуют. Она здесь для этого.

Кристабель вздыхает. Она не на это надеялась. Письма братику придется достать из-под его подушки. И камни с лицами. Это мучительный удар, но, несмотря на это, она чувствует долю сочувствия овощному ребенку, который не нравится новой матери. Наверное, и сестры чем-то могут быть полезны. Они умеют ткать и готовить простую согревающую пищу. Иногда они присматривают за пожилыми родителями, когда все остальные покинули их. Иногда их приковывают к камням и приносят в жертву. Возможно, на что-то такое она стодится.

Моды задумчиво смотрит на нее.

– Я знаю, ты хотела брата.

Кристабель кивает.

– Но у меня сестра.

– Сводная сестра, – отвечает Моды. – Она тебе не мать, эта. И лучше бы тебе об этом помнить.

Розалинда рада вернуться в Чилкомб, где может спрятаться в убежище спальни и оставить позади унижение происшествия в машине. За ней ухаживает верная Бетти, которая приносит ей укрепляющие блюда из печени и сердца. Бетти помогает ей принять ванну в ароматизированной воде, достаточно горячей, чтобы прийти в себя, а после обматывает живот Розалинды длинным отрезом льна, чтобы она могла восстановить фигуру.

Лежа в постели, Розалинда пробегает пальцами по тугим слоям ткани. Она чувствует себя раненой, разобранной на части, и бинты – это защитный корпус, утешение. Снаружи наступает осень, и ветер несется меж деревьев как слух. Времена года сменяются.

Иногда Бетти спрашивает, не хочет ли она увидеть ребенка, но Розалинда говорит нет, ребенку лучше там, где он есть. Бетти кивает с пониманием. Она видела, как ее сестры едва не сходят с ума, пытаясь присмотреть за орущими младенцами. Это не та работа, которой может заниматься хрупкая леди вроде Розалинды. Для этого дела нанимается няня. Мать Розалинды пишет ей, чтобы выразить свое удовлетворение тем, что Розалинда достигла успеха *в главной и самой счастливой обязанности жены*.

Одним поздним вечером Розалинда просыпается и видит Джаспера, стоящего у окна ее спальни и громко сморкающегося в смятый платок. Его изобилующий подбородками профиль

удивительно похож на ребенка, отправленного на чердак. Ребенок, рожденный в машине. Как неприлично. Она вдруг чувствует, как проясняются чувства, что она испытывает к мужу, будто все, происходившее до этого момента, собралось и отвердело.

Он говорит, не глядя на нее:

– Бетти говорит, что тебе нравится имя Флоренс. В честь знаменитой сестры милосердия, полагаю. Я доволен этим выбором.

– Думаю, буду звать ребенка Овощем, – говорит она. – Он похож на овощ.

Джаспер удивленно поворачивается к ней.

– О чем ты? Тебе она не нравится?

Розалинда не отвечает. Она смотрит на него. Он был этому причиной, и ему не пришлось брать на себя ничего из мерзких обязанностей. Она чувствует то же бессильное раздражение, как и в детстве.

Джаспер продолжает:

– Гарольд Ратледж сказал, что ты можешь быть расстроена тем, что это не мальчик. В следующий раз получится.

Розалинда ничего не говорит; тишина – ее маленькое оружие. Она аккуратно расправляет покрывало. Ей нужно начать составлять списки. Она хочет провести вечеринку в честь дня рождения Уиллоуби в ноябре.

Джаспер хмурится.

– Меня задержали. В тот день. Не хотел беспокоить тебя.

– Я не беспокоилась, – говорит она.

– Уиллоуби говорит, ты держалась молодцом.

– Вот как?

– Ты можешь попросить принести ребенка, когда пожелаешь. Я просто рад, что ты в порядке, – говорит он и пересекает комнату, чтобы подойти к ней, вытянув руки в странном, наполовину умоляющем жесте, будто несет что-то неудобное и тяжелое: свернутый коврик, чужое пальто, старую больную собаку.

– Я в полном порядке, – говорит Розалинда, пряча руки под покрывалом. Мысль о том, что он коснется ее, вызывает дрожь. – Ты не мог бы позвонить слугам?

– Я могу что-то для тебя сделать?

– Позови Бетти.

– Конечно. – Джаспер послушно нажимает кнопку на стене, чтобы вызвать горничную.

– Имя. Флоренс. Оно не в честь сестры милосердия, – говорит Розалинда после паузы. Под покрывалом она оглаживает бинты, поправляя в тех местах, где они кажутся ослабшими. – Какое мне дело до какой-то дряхлой занудной медсестры? Нет. Я видела фильм. Когда была в Лондоне. «Женщина в белом». Он о красивой женщине по имени Лора, которая влюбляется в учителя рисования, но злобный старик по имени сэр Персиваль обманом заставляет ее выйти за него. Но он не знает, что существует другая женщина, которая выглядит совсем как Лора. Затем – ну, это все сложно, но сэр Персиваль умирает при пожаре, а Лора и учитель женятся, как и должны были. А, Бетти, заходи. Я рассказывала Джасперу об одном фильме. Бетти любит слушать рассказы про кино. Она ужасно хочет попасть в кинотеатр, правда, Бетти?

Бетти кивает.

– Хочу, мэм.

– Актриса в кино, Джаспер. Ее звали Флоренс Ла Бади. Я никогда ее не забуду.

– Понятно, – говорит Джаспер.

– Пусть мой ребенок похож на овощ, но по крайней мере звать ее будут как кинозвезду, – говорит Розалинда. – Или ты считаешь, что так только хуже? Быть неказистой девчонкой с роскошным именем.

– Ваша дочь не может быть неказистой, мэм.

– Ты такая милая, Бетти. Я хочу сама сводить тебя в кино, – говорит Розалинда. – Ты еще чего-то хотел, Джаспер?

Джаспер снова сморкается.

– Только передать тебе мои наилучшие пожелания, – отвечает он с формальностью совершающего исход судьбы.

Розалинда следит, как ее муж пересекает комнату. Когда за ним закрывается дверь, она выдыхает. Затем она выбирается из постели и в ночной рубашке и босиком проходит к туалетному столику, где садится на стульчик, располагаясь перед тройным зеркалом так, чтобы увидеть себя и два своих приятных профиля: успокоительный триптих. Бетти становится позади, пробегая ладонью по длине волос, блестящих в сиянии мягко вздыхающих масляных ламп.

Розалинда говорит:

– Ты увидишь кино, Бетти. Я возьму тебя в Лондон и специально отпущу на полдня.

– Это был бы настоящий подарок, мэм.

Розалинда кивает, а затем открывает ящик своего туалетного столика и достает вырезанную из журнала фотографию, которую передает горничной.

– Пока ты будешь в кинотеатре, Бетти, я отрежу волосы, – говорит она. – В лондонском салоне.

Розалинда через зеркало встречается глазами с Бетти, а затем двумя руками поднимает волосы и прижимает к макушке, так что они кажутся короче, каре длиной до подбородка.

– Вот так, – говорит она. – Напрочь.

Штуки

Октябрь 1920

В четыре года Кристабель оценит все могущество логики и всю жизнь будет придавать ей очень большое значение.

Ей не позволено новых ботинок, потому что старые она испортила, бросив в море в качестве якоря. Она должна носить испорченные солью, пока не выучит урок. Это она может понять. Такой логике можно следовать. Но есть что-то, что кажется непостижимым, сколько об этом ни размышляй. Те штуки, которые есть у мальчишек.

Впервые она заметила штуку, когда на пляже встретила жену рыбака, которая играла с маленьким сынишкой, разрешив ему сидеть на мелководье у кромки воды. Голый мальчик, шлепающий пухлыми ручками по воде, был похож на младенца Иисуса в витражах деревенской церкви. Немного недовольный, с круглой головой. Но между его ног была странная штука: мясистая улитка, изогнувшаяся на кожаном морщинистом мешочке с камушками. Это, объяснила ей потом Моды, была та штука, которая делала его мальчиком, а мальчиков и должна была предоставлять новая мать.

У Кристабель не было штуки. Она проверила. Поэтому она не была мальчиком. Она не была желанной. У овощного ребенка тоже не было штуки. Моды это подтвердила. Таким образом, овощной ребенок тоже не был желанным.

Узнав о существовании этих предметов, Кристабель внимательно следила за всеми, что попадались ей на глаза, чтобы узнать, делали ли они что-то интересное. Никогда. Штуки, которые она видела на деревенских мальчишках, когда они плавали в море, были всего лишь более длинными версиями той, что она видела у ребенка на пляже.

Как штуки назывались, было загадкой. Бетти на этот вопрос ответила строго:

– Не твое дело, мадам, – и забрала завтрак Кристабель, не дав ей доесть. Жена рыбака просто рассмеялась. Моды, обычно такая прямолинейная в своих ответах, скорчила рожу и сказала:

– Я знаю только слова, которые твоей мачехе не понравятся.

Штуки казались категорически неважными, но были под защитой этой странной анонимности и несли своим владельцам значительные преимущества. Мальчишкам со штуками разрешалось носить брюки и ходить в школу. Люди трепали их по волосам, бросали им яблоки, давали забавные прозвища, хвалили их находчивость. Им не нужно было обзаводиться нижними юбками или мужьями. Они могли оставить свою фамилию и водить автомобиль.

У братика тоже будет штука, братик будет наследником, а все хотели именно наследника. Кристабель думала, что «наследник» – странное слово. В нем будто была ошибка, и произносили его шипяще и тягуче, тянули звук, не зная, что сказать, а потом спотыкались.

Значение его тоже было непонятным. Можно было родиться наследником или быть им назначенным, если в дело вступал меч.

– Объявляю тебя Наследником, – говорит Кристабель стойке для зонтов в форме индийского мальчика, похлопав его по плечам своим деревянным мечом. Она точно узнает больше, когда прибудет братик. Он, наверное, поделится тем, что наследник, с ней. Они всем будут делиться, кроме тарталеток с джемом и вещей, что принадлежат Кристабель.

До того как узнать о штуках, она считала, что может быть мальчиком. У нее были черты и амбиции, подходящие мальчишеству. Интерес к улиткам, картам и военному делу. Бродяжный нрав. Никто ее не разубеждал. Если ее заставляли за сооружением колесницы из тачки и двух

молотков для крокета, это было весьма типично для Кристабель. Брови поднимались. Наказания обсуждались вяло, а потом забывались.

Только когда новая мать начала выращивать в животе ребенка, люди вспомнили, что Кристабель на самом деле не мальчик, и стали насаждаться более строгие стандарты поведения. Окружающие начали говорить, что она должна «вести себя пристойно, как большая девочка». В этих новых правилах наблюдалось четкое отсутствие логики, но, когда она отмечала это, ей велели перестать вести себя как надменная маленькая мадам.

Когда овощного ребенка крестили (Флоренс Луиза Роза Сигрейв – предложение Кристабель назвать ее «Кристабель-младшая» было проигнорировано), дядя Уиллоуби купил Кристабель платье и скрипучие туфли, чтобы надеть на церемонию в церковь. Платье состояло из кучи бантов и рюш, и ей пришлось стоять перед зеркалом в спальне новой матери, пока ее наряжали. Его долго утягивали и застегивали, и ей это казалось своего рода ограничением, помехой.

Ее тело более не было чем-то послушным, что могло быстро переносить ее с места на место, будто отличный рикша, оно было чем-то, принужденным к неподвижности, к тому, чтобы на него смотрели.

– Вот, – сказала Бетти, поправляя банты на платье, переводя взгляд с настоящей Кристабель на ее отражение и обратно. – Вот и ты.

Будто прежде ее там не было.

Однажды вечером на чердаке с Моды, которая читает ей «Илиаду» в обмен на один из карандашей, Кристабель вдруг осознает, что все интересные люди в «Илиаде» – мальчики. Все они обладатели штук. Единственные девочки в книге – грустные жены, грустные слуги или грустные прекрасные девы, которые вызывают войны.

Темная, дождливая ночь. Ветер вздыхает в трубе. Накатывает звук моря. Моды, в своем черно-белом наряде горничной, сидит, скрестив ноги, на лоскутном коврик перед камином и медленно читает вслух, водя пальцем по словам:

– «Нечего мне к Ахиллесу идти! Мольбы не почтит он, не пожалеет меня и совсем, как женщину, тут же голого смерти предаст, едва лишь доспехи сниму я»⁸.

– Что значит «как женщину»? – спрашивает Кристабель, укутанная в постели. Покатая комната освещена несколькими трепещущими на каминной полке свечами.

Моды задумывается на мгновение, затем отвечает:

– Это значит, что мистер Гомер никогда не встречал меня. Или Бетти Бемроуз, если на то пошло. Ее просто так с ног не свалишь. – Она продолжает чтение, пока Кристабель обдумывает ее слова.

– Моды...

– «Останемся плакать в чертоге,
Здесь, от сына вдали!»

– Почему в этих историях нет интересных девчонок?

– «Такую ему уже долю мощная выпряла, видно, Судьба, как его я рождала: псов резво-ногих насытить вдали от родителей милых».

– Моды, почему все самые лучшие персонажи – мужчины?

Моды с грохотом захлопывает книгу.

– Мы еще не все книжки прочитали, мисс Кристабель. Не верю, что все истории одинаковые. А вам пора спать.

⁸ Перевод Н. И. Гнедича.

Охотничья луна

Ноябрь 1920

Поздний обед Джаспер съедает в одиночестве. Заливает в себя целую бутылку бордо. Начинает вторую. Он несколько месяцев не видел Розалинду за столом, и Уиллоуби нечасто показывается даже ради десерта. Джаспер ложка за ложкой угрюмо проводит лимонный силлабаб сквозь бороду, рассеянно размышляя – без какой-либо реальной надежды или ожидания – смогут ли они с Уиллоуби когда-либо достичь приятельских отношений. Он сожалеет, что они по-прежнему соскальзывают в наезженную колею древних ссор и препирательств. Уиллоуби – пустоголовый павлин, у которого волос больше, чем мозгов, но он храбрец. Бесстрашный. Он слышал, как другие офицеры с восхищением говорят об Уиллоуби. Джаспер хотел бы иметь возможность называть брата другом. Это было бы достижение.

К тому времени как он поднимается из-за стола после молчаливого обеда с четырьмя переменами блюд, накрытого на троих, уже настал вечер и снаружи опустилась тьма. Джаспер проходит по первому этажу своего дома меж слуг, спешащих подготовить все к прибытию гостей на празднование дня рождения Уиллоуби. Когда Джаспер открывает дверь в кабинет, он замечает, что лунный свет приглашающе льется сквозь окно.

Теперь его больше тянет задернуть шторы и разделить одинокий свет настольной лампы с графином бренди, но в юности он никогда не мог сопротивляться лунной ночи. Он сбегал на пляж, с книгой в одном кармане и пирогом со свининой в другом, одинокий свидетель мира, залитого потусторонней белизной.

Даже в ту ужасную ночь, когда он сломал лодыжку и лежал на спине и плакал, он по-прежнему продолжал смотреть на разлитый по морю лунный свет. И, конечно, то время с Аннабель – когда они вдвоем плавали в сверкающем океане, такие легкие в воде, что он мог поднять ее как невесту – какое это было чудо, какой подарок. Как он скучает по ней. По возлюбленной. По жене.

Откуда-то сверху он слышит грохот. Наверняка Уиллоуби разбил очередную бутылку вина, за которую не платил. Джаспер открывает ящик стола, достает фляжку, прячет ее в карман пиджака и выходит через Дубовый зал на ночной воздух. Он проходит по краю лужайки, поднимая голову, чтобы взглянуть на луну.

Последние несколько ночей, когда бы он ни вышел поговорить с лошадьми, его завораживал вид огромной луны, поднимающейся над деревьями, что окружают дом. Гигантский диск, желтый, как ногти на ногах, медленно и тяжело взбирающийся в ночное небо. Такое бесстыдство на обнаженном пустом лице. Охотничья луна, вот как зовут ее деревенские. После сбора осеннего урожая, когда на полях остается только жниво, в ноябре восходит полная луна, чтобы осветить всех мягких снующих существ, которым негде больше прятаться. Ночь для хищников. Последнее убийство года.

Слишком много было убийств. Когда бы Джаспер ни взглянул на переднюю лужайку, он вспоминает лето 1914 года, когда объявили войну. Мужчины из Чилкомб-Мелл, вступившие в армию, перед отправкой во Францию собрались перед домом. Был обед. Имбирное пиво. Гирлянды. Очень весело.

Отец знал бы, как говорить с ними, этими полугордыми, полусмущенными людьми, неловко бродящими по траве в жесткой новой форме. Но когда бы Джаспер ни взглянул на них, он цеплялся взглядом за знакомые лица и отвлекался: малыш Альберт, который всегда приносил почту, Том Хардкасл, старший конюх и верный муж домоправительницы Ады, Фрэнк

и Клайв из конюшен, а рядом их отец Сидни, прыщавый сын кузнеца Рэг и Питер, младший лакей, по-прежнему в очках в тонкой оправе. На следующий день все они сядут на лондонский поезд из Дорчестера и отправятся воевать.

Джаспер, слишком старый и хромой, чтобы записаться на Большую Драку, откровенно завидовал. Быть вне происходящего, быть гражданским во время войны казалось тошнотворным. Его терзала эта статичная бесполезность. Если бы он мог сделать что-то полезное, доказать, что он не был из тех, кого отец называл «сопливыми трусами».

Он хотел вдохновить этих людей на храбрость, поэтому прошелся по зачитанному томику «Илиады» в поисках способа распалить чувства, которые он испытывал, читая о храбром Гекторе, уходящем от стен Трои навстречу воину Ахиллу, несмотря на мольбы семьи. Джаспер искал в этом эпизоде подходящую речь, но нашел только изобилие «погибели», что казалось едва ли подходящим. Но там были и другие чудесные главы, которые он тихонько отрепетировал в туалете.

И вот Джаспер: стоит в дверях Чилкомба со слугами по бокам, лицом к лицу с солдатами. (Внезапно поток осознания: разве он не представлял себе это мгновение? Разве не шел всегда к этой точке?) Он начал:

– «Знаменье лучшее всех – лишь одно: за отчизну сражаться!» Так считал Гомер, так считаю и я.

Он услышал в деревьях карканье, увидел, как лакей Питер аккуратно снял очки, чтобы протереть их, проследил, как Рэг повернулся к Клайву и спросил:

– О чем это он?

– Черт меня подери, если я в курсе, – пробормотал Клайв.

Джаспер прочистил горло.

– Любому, конечно, хотелось бы присоединиться к вам. – (Разочаровывающий звук собственного голоса; мужчины наклоняются вперед, сияясь расслышать.) Он попробовал снова. – Конечно, любой хотел бы присоединиться к вам.

Но они не хотели слушать о нем, это был их день. Он знал это, черт подери, он думал об этом в туалете. И тут из-за спины раздался чистый голос, будто вилка коснулась фужера.

– Мой брат Джаспер, естественно, жаждет внести свой вклад, но нам не нужна будет помощь. Единственные, кто будет в ней нуждаться, – те несчастные, что будут биться с нами!

Смех, одобрительные возгласы!

– Богом клянусь, я уверен, что каждый из вас встанет рядом со мной, Уиллоуби Сигрейвом, и выполнит свой долг, за короля и отечество, и за Дорсет, этот прекрасный край, и его прекрасных женщин.

Знающий смех, одобрительные возгласы!

– Вы знаете меня, парни, и пока мы будем там сражаться за славное дело, моя семья удостоверится, что ваши семьи окружены заботой, как мы делали всегда.

Согласное бормотание, шмыганье носами со стороны служанок.

– Когда мы вернемся домой с победой, мы встретимся снова на этом самом месте, и Джаспер будет приветствовать нас.

Одобрительные возгласы, согласные крики!

– Не очень и долго это займет, парни, потому что перед нами капусташки не стоят ни единого шанса.

Красные и белые гирлянды полоскались на ветру меж деревьев, солнце пестрыми пятнами расцветило лужайку, радостные лица кричали «ура», Уиллоуби в офицерской форме распахивал им всем объятья, а Джаспер стоял у стен Трои, зная, что вызвался на гиблое дело, потому что слишком боялся прослыть трусом.

– Что скажете, парни, пропустим по кружке, прежде чем пуститься в дорогу? – вскричал Уиллоуби, бросаясь через лужайку к мужчинам.

Джаспер отступил в дом. Он надеялся найти в кухне яблочный кекс. Он жалел, что надел церемониальный меч. Тот ужасно бренчал.

Альберт. Фрэнк. Клайв. Том. Синди. Рэг. Питер. Уиллоуби. Только Фрэнк, Рэг и Уиллоуби вернулись.

Джаспер продолжает бродить по лужайке, прикладываясь к фляге. Он слышит шепот моря, робкое оханье неясности – кроме этого, вокруг тишина. Он оглядывается на Чилкомб, видит тени слуг, порхающих мимо окон, без сомнения следуя приказам Розалинды.

На первом этаже горят лампы, но остальной дом погружен во тьму. Высоко на чердаке слышен рев ребенка. Детский плач доставляет ему физическую боль. Он жалеет, что ему в жизни хоть раз довелось его слышать. За домом возвышается Хребет, суровый и темный. За ним другие холмы и другая тьма, города и соборы, Англия и весь остальной мир, все теснится позади.

Он устал. Посечен под коленями. Пробит под ватерлинией. Газеты пишут, что «военная усталость» иссушила коллективную нервную силу нации, позволяя распространиться смертоносной «испанке». Ужасно, конечно, что столь многие умирают от нее, но мысль о лихорадочном падении довольно привлекательна – внезапный вирусный конец, захвативший тело так же быстро и необратимо, как любовь. Он находит себя тяжелой ношей. Песок с мешком. Он прихлебывает из фляжки, шатаясь, заворачивает за угол дома в сторону конюшни, чуть спотыкаясь о кромку лужайки.

Густой дух конюшен успокаивает. Фырканье и ржание лошадей. Он проходит к стойлу верной Гвинеvры, гладит ее бархатный нос. Каждый выезд на охоту был на ней. На ее широкой спине он сидел, когда его взгляд впервые упал на Аннабель Эгню. Когда он в последний раз выезжал с гончими? Почему в нем больше не было такого желания? Еще одна вещь, оставленная где-то и позабытая.

Он распахивает дверь в стойло, выводит лошадь. Находит седло и уздечку, неуклюже надевает их, бормоча пропахшие виски извинения в дрожащие уши Гвинеvры. Он подтаскивает стульчик, опасно балансирует на нем мгновение, прежде чем забросить себя в седло, засунуть ноги в закрутившиеся стремяна. Здоровая нога вперед. Еще раз. Вперед.

Человек и животное громогласно выбирают из конюшни, направляясь вокруг дома, сквозь деревья и вниз по дорожке, что ведет к побережью. Ночь морозна и тиха. Луна низко нависает над морем широкой, изрытой оспинами сферой. Джаспер закрывает один глаз и щурится на нее. Потускневший свет древнего металла, упавших щитов и разбитых мечей. Она пронзает его взглядом.

Движение костей Гвинеvры под седлом бросает его слева направо, слева направо – старая лошадь осторожно пробирается по жесткой земле. Гвинеvра хорошо знает эту дорогу, поэтому Джаспер отпускает поводья, позволяет своему телу неуклюже мотаться из стороны в сторону. Он закрывает глаза, дает подбородку опуститься, пока тело все еще трясется, будто атакуемое с обеих сторон невидимыми врагами. Каким утешением был бы сон. Он хлопывает себя в поисках фляги, и именно во время этого жеста, этого детского *хлоп-хлоп-хлопанья* по собственному животу, копыто Гвинеvры попадает в кроличью нору, и она дергается вперед, выкидывая Джаспера из седла.

Было бы не страшно, держи он поводья. Было бы не страшно, не запутайся его хромая нога в стремях, отчего его тело швырнуло к земле перпендикулярной аркой, и лоб первым встретился с землей, с силой ударяясь о валун. А так его мозг потрянуло в черепе, и срочные сигналы, спешившие по синапсам с предупреждением об увечье так и не достигли места назначения, и раздавленные клетки мозга принялись умирать в огромных количествах, затухая как исчезающие с ночного неба звезды, отчего его последняя мысль была и не мыслью толком, а

скорее ощущением чего-то бросившегося мимо, и обликом, который он представлял в мгновенья перед падением, – женщины в море, очерченной серебристой луной.

Верная Гвинева выравнивает шаг. Фыркает. Ждет указаний. Не дождавшись, продолжает привычный путь по давно знакомой тропинке, волоча за собой тело Джаспера.

Дневник Моды Киткат

3 ноября 1920

сегодня вечеринка. разные придут.

Мистер джаспер укатился на лошади. серьезно нализался. Мистер уиллоуби говорит нельзя на вечеринке нализаться больше всех, если только вечеринка не швах. затем подмигнул. Бетти говорит следить за ним а то он повеса. а в другие разы говорит Моды слишком ты на него смотришь много. ей бы уж на чем-то одном успокоиться.

подмигивание это секреты. маленькие крючки. на корсетах Миссис Розалинды есть застежки которые называют крючками и петельками. это и есть подмигивание. маленькие застежки которые видно не всем.

дедушка говорил мне что слуги на этом чердаке раньше мигали лампами контрабандистам. большинство не замечает что прямо у них под носом. я могу встать у окна в одной только рубашке а внизу никто не узнает.

Мистер уиллоуби подмигивает чтобы я краснела но мне плевать. я так тоже делаю. подмигнула парню в деревне и поцеловала его в лесу. завтра мне 15. добыла себе подарков а то мне ведь не подарят так.

*один из платков Мистера уиллоуби из корзины с бельем пахнет им
коробок спичек
стеклянный шарик с пузырьками внутри*

на день рожденья поцелую кого-нибудь еще. неважно кого.

Акт второй 1928–1938

Падение кита

Март 1928

Она тянется к небу, пытаясь нащупать, за что ухватиться. Поверхность под пальцами гладкая и скользкая. Цепляться не за что. Примерно на высоте головы деревянный колышек, который она старательно заколотила на место камнем. К нему привязана скакалка, которую она с силой, всем весом тянет. Колышек дергается, но держится. Придется лезть по скакалке, а потом встать на колышек, чтобы добраться до верха.

Прежде чем приступить к попытке забраться на вершину, она оглядывает залив: кипучее сине-зеленое море под безоблачным небом и остров Портленд у горизонта. После ночного шторма воздух свеж, как чистое белье. Прохладный туман, что неделями лежал на округе, унесло ветром, будто на сцене поднялся занавес, чтобы показать береговую линию в весенних цветах – утесы покрыты желтым дроком, занятые птицы скачут с куста на куст. Нетронутое утро: ее царство.

Солнце поднялось уже с полчаса назад, и заинтересованные чайки появляются над головой, кружа и взывая. Времени у нее осталось немного. Она поправляет вещи, закрепленные на спине, хватается за скакалку и начинает подъем на большой холм. Ведущую ногу вперед. Дальше и выше. У вершины склон выравнивается, и она продолжает путь ползком на животе, помогая себе дедушкиным охотничьим ножом с рукояткой из слоновой кости.

Наконец она достигает вершины. Она поднимается на ноги, достает сделанный вручную флагшток из перевязи на спине и становится на цыпочки, прибавляя себе роста и силы, чтобы вонзить заостренный конец древка в тушу мертвого кита, левиафана, что растянулся на пляже больше чем на шестьдесят футов, смердя темно-зелеными глубинами океана, по которым путешествовал, прежде чем штормом его прибило на ее пляж, где она сможет заявить о своем, Кристабель Сигрейв, праве на него. Она издает могучий воинственный клич и слышит, как он разносится вокруг по заливу, заливу, заливу.

Кристабель на мгновение замирает, держась за флагшток – заостренную рукоять метлы, – когда досадно неглубокая рана, проделанная ею в резиновой шкуре кита, начинает сочиться прозрачной жидкостью и немного беконистым запахом. Она оглядывает позвоночник животного, изгибающийся к плоскому хвосту. Прошлой ночью, когда она сбежала из дома, чтобы посмотреть на шторм, и обнаружила, что на камушки выбросило мертвого кита, его темная кожа была блестящей, как влажный лак. Теперь, за пределами своей стихии, она начала высыхать: морщиться, бледнеть. Она видит белые заплатки наростов на его спине.

Несколько деревянных лодочек выходят в море из ближней бухты, где-то в миле к западу. Она слышит слабый скрип и плеск, когда рыбаки отходят от берега. Их звуки разносятся вплотную к воде, как прыгающие по поверхности камушки. Они слышали ее клич. Они будут знать, что она ждет их.

Сзади слышно, как кто-то несется по крутой тропинке к пляжу. Это ее сводная сестра Флоренс, почти всем известная как Овощ. Она запыхалась, ее круглое лицо покраснелось, на ней халат и единственная расстегнутая туфля, а на лице выражение крайней тревоги.

– Я пришла, как только получила твою записку, – говорит она. – Боже, я и не думала, что он окажется таким большим!

У создания вытянутая цилиндрическая форма, оканчивающаяся огромным русалочьим хвостом. Оно завалилось набок, и один плавник, размером с обеденный стол, без толку раскинулся по камням. В высшей точке, где стоит Кристабель, кит достигает семи футов в высоту, темно-серый цвет на странном складчатом брюхе переходит в бледно-кремовый. Огромная голова почти целиком состоит из нижней челюсти; верхняя челюсть кажется только плоской крышкой для нее. Тонкая линия китового рта опущена вниз, а маленький глаз, все еще открытый, прячется в уголке этого рта, будто его едва не забыли добавить. Оно похоже, думает Овощ, на огромную наручную куклу с глазками-пуговками, вроде тех, которыми они с Кристабель играют в картонном театре, и из-за огромного размера его мрачное выражение трогает до слез.

– Как грустно, – шепчет Овощ, чувствуя, как глаза наполняются слезами.

– Соберись, Ов, – говорит Кристабель. – Он был мертв, когда я нашла его прошлой ночью, и оставался мертвым, когда я пришла со снаряжением этим утром.

– Он?

– Не знаю. Сложно определить. Где Дигби?

– Я здесь, я здесь, – и худой темноволосый мальчик в рубашке, шортах и парусиновых туфлях кубарем несется по тропинке. Вокруг его шеи повязано клетчатое кухонное полотенце, развевающееся за спиной, когда он топчет мимо Ов. Он останавливается, только добравшись до подножия кита, прямо под Кристабель, и восхищенно присвистывает.

– Какой красавец.

– Не правда ли? – широко улыбается Кристабель.

– Я будто сплю, только наяву. Кит на нашем пляже. Ты заявила о своих правах, Криста? О, я вижу! Ты взяла флаг!

– Вспомнила в последний момент, Дигс. Скажи мне, что творится в доме? Твои родители проснулись?

– Ситуация остается неопределенной, – говорит Дигби, которому исполнилось шесть лет. Он долгожданный брат Кристабель, хоть на самом деле ей не брат.

– Я разбудила Дигби, едва нашла твою записку. Мы пришли так быстро, как только могли, – добавляет Ов, которой семь с половиной. – Ты так высоко забралась, Криста.

– Там рыбаки, – восклицает Дигби, показывая пальцем на море.

Девочки оборачиваются, ладонями прикрывая глаза от солнца. Утреннее солнце разливается резким белым светом по океану, а приближающиеся на деревянных лодках рыбаки кажутся на ярком фоне силуэтами. Приблизившись, они опускают весла и сдвигают назад кепки, шурясь на детей и кита.

– Что у вас там? – кричит один.

– Могучий левиафан, – кричит Кристабель в ответ. – Я заявила на него права.

– Вот как? – Смех доносится с лодок, которые мягко покачиваются на шлепающих их по бокам волнах. – Ты, случайно, не мисс Кристабель Сигрейв?

Кристабель пристально смотрит на них, крепко держась за флаг.

– Скоро начнет пахнуть, – кричит другой рыбак.

– Это моя проблема, – говорит она.

– Посмотрим, что на это скажет береговая охрана, – доносится ответ.

Овощ кричит своим высоким голосом:

– Кристабель нашла его.

– Так и думал, что это ты, мисс Кристабель, – говорит первый рыбак. – Осторожнее там наверху.

Кристабель выпрямляется и кивает: молчаливое принятие.

– Славный народ рыбаки, – говорит она младшим детям. Ей только исполнилось двенадцать, нет почти ничего, что она не знала бы. Она прочитала почти все книги в доме и кучу всего узнала от людей вроде этих.

Ей нравятся рыбаки, лесники, кузнецы, мясники. Их компания и их полезные умения нравятся ей, потому что она восхищается умело сделанными вещами в той же мере, в какой страстно желает инструментов, которые можно со шелчком закрыть и убрать в карман. Когда местные мужчины учат ее полезным умениям вроде завязывания узлов или насаживания приманки на крючок, а она потом может выполнить их самостоятельно, у нее возникает такое же чувство, как будто она сказала: «Ну-ка все вы все, слушайте меня». Чувство, будто она написала какие-то правила и раздала их по округе. Чувство, будто она одна оказалась впереди, как сейчас на вершине кита, глядя вниз на Дигби и Ов.

Но кто-то еще приближается. Мистер Билл Брюэр, земельный агент Чилкомба, бывший сборщик долгов из Лондона, замеченный в армейской службе снабжения другом Уиллоуби Перри, у которого глаз был наметан на полезных людей, неторопливо спускается по тропинке в компании своего спаниеля, который с возбужденным сопением начинает обходить кита.

– Так-так, – говорит мистер Брюэр. – Кто хочет объяснить мне происходящее?

– Мистер Брюэр, я хочу, чтобы вы уведомили власти, – говорит Кристабель. – Я заявила о правах семьи Сигрейв на кита.

– Я вижу, мисс Кристабель. У вас есть на него какие-то планы?

Кристабель и Дигби обмениваются взглядом.

– Мы сохраним его для анналов истории, – говорит Кристабель.

– Мы оведем славой имя Сигрейвов, – добавляет Дигби, со значением похлопывая кита.

– Мы изучим его внутренности для науки.

– Мы выставим его на обозрение, чтобы все могли прийти им восхититься.

– Мы повесим его кости у потолка в Дубовом зале.

– Да! У нас в доме будет огромный скелет!

– Экспонат национального значения.

– Бедный кит, – тихонько говорит Овощ.

Мистер Брюэр вглядывается в кита.

– Я сомневаюсь, что миссис Брюэр разрешит вам принести это на ее чистые полы.

Кристабель осторожно отпускает флаг, с облегчением отмечая, что он остается стоять, и опускается на корточки, чтобы прошипеть Дигби:

– Он не хочет с нами сотрудничать. Нам придется самим уведомить власти. Можешь добежать до дома? Нужно будет послать телеграмму.

– Кому?

– Властям. Я останусь тут. Сторожить.

– Ладненько. – Дигби убегает, утаскивая с собой Ов.

Они взбегают по крутой тропинке, что ведет от пляжа к их дому. Это, как часто отмечает Ов, одна из тех тропинок, по которым волнующе ходить, если не знаешь, куда она ведет. У нее, говорит Ов, какая-то запретная атмосфера. Она изгибается и вертится вверх по утесу – дрок и терновник теснят ее с обеих сторон, сплетаясь шипастыми ветвями так, что невозможно рассмотреть, куда она ведет.

Наверху в неопрятной живой изгороди старая деревянная калитка с предупреждающим знаком: ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. Дигби и Ов с грохотом влетают в калитку и продолжают бежать по тропинке сквозь густую рощу. Под ногами трещат ветки, вяхири взлетают из папоротника, панически хлопая крыльями, лезвия солнечных лучей наискось взрезают кроны. Роща редет по мере того, как ширится и становится более очевидной тропинка, обрываясь у кромки большой лужайки. Дети несутся по ней к главному входу в Чилкомб. Они открывают

тяжелую дверь и, обернувшись шикнуть друг на друга, осторожно проходят в Дубовый зал, где свет из нового стеклянного купола, встроенного в крышу, падает с высоты всего здания на осколки разбитой бутылки виски, которые замечает стоящая на коленях горничная.

– Оставь, оставь, – говорит Уиллоуби, босиком спускаясь по изгибу главной лестницы, заправляя залитую рубашку в помятые брюки. – Разбитых бутылок будет больше, уверен. Можно начать привыкать ходить по ним. Главное – завтрак. Я отчаянно хочу завтракать.

– Да, мистер Уиллоуби, сэр, – говорит горничная. – А ваша жена, сэр? Требуется ли принести что-то в ее комнату?

– На время Великого поста Розалинда отказалась от всей твердой пищи. Она наслаждается исключительно жидкой диетой.

Дети смотрят, как на галерее открывается дверь и появляется обернутая в персиковый шелковый пеньюар Розалинда со следами макияжа на глазах.

– Я тебя слышу, Уиллоуби. Ты просто грохочешь. Я хочу чая и тостов. Ты же знаешь, что я хочу чая и тостов. Мой портсигар пропал.

Уиллоуби, дойдя до горничной, театральным голосом шепчет:

– К черту чай и тосты. Я хочу позавтракать снаружи на лужайке. Организуешь мне?

– Мой серебряный портсигар, – продолжает Розалинда. – Тот, что ты мне подарил.

– Проверь карманы брюк у Перри. Он точно был у тебя, когда ты сидела у него на коленях.

– Ты меня заставил там сидеть, Уиллоуби. Ты всегда так говоришь, будто ни при чем.

– Я нуждаюсь в яйцах, – говорит Уиллоуби, по-прежнему обращаясь к горничной. – Как тебя зовут – ты Люси или Элси? Вечно путаю.

Розалинда быстро спускается, шлепая атласными тапочками по ступенькам и затягивая пояс халата.

– Люси уже несколько месяцев как уволилась, а Элси у нас никогда и не было. Оставь девушку в покое. Как бы ее ни звали, она должна принести мне чай.

– И почему твой чай, а не мой завтрак? Чего ты хочешь, Розалинда?

Теперь она рядом с ним, и ее руки заняты его талией – вытягивают рубашку из брюк, укладывают тонкие пальцы на плоть его живота.

– Я не слышала, как ты встал. Проснулась, а тебя нет. Ты оставил меня там одну.

– Я практически уверен, что выполнил свой мужеский долг. Я был голоден, женщина. И все еще не ел.

– Дигби! – восклицает Розалинда, вдруг замечая детей. – Что ты делаешь? Ты был на улице? Что это у тебя на шее?

– Прекрасный плащ из козлиной шкуры, мама.

– Похоже на кухонное полотенце. Надень курточку. Помнишь, как ты в тот раз весной ужасно простудился? Ты не так здоров, как отец.

– Его отец голоден и собирается позавтракать яйцами, если только кто-то их ему принесет. – Уиллоуби проходит мимо детей, ероша мышинные волосы Ов мимоходом.

Горничная быстро шмыгает в сторону кухни.

– Наши гости тоже рассчитывают на завтрак, Уиллоуби, – говорит Розалинда. – Сколько у нас вчера было народу?

– Семь человек? Десять? Эта ужасная женщина в тюрбане определенно осталась, – его голос разносится по каменной прихожей.

– Она американская поэтесса. Любимая публикой.

– Какая жалость, – доносится голос Уиллоуби с солнечной лужайки.

Розалинда вздыхает.

– Ты мог бы с ней хотя бы поговорить.

Ов ободрительно кивает Дигби, выталкивает его вперед.

– Мама? – говорит он.

– Да, милый.

– Могу я послать телеграмму властям?

– Это один из глупых прожектов Кристабель?

– Это не глупый прожект. Это дело национальной важности.

– Ты не должен позволять ей третировать тебя, милый, – говорит Розалинда. – Я знаю, что она старше, но она не твоя старшая сестра – всего лишь кузина. Принимая все во внимание, она должна быть благодарна, что живет здесь.

– Криста никогда бы не стала меня третировать, мама.

На галерее открываются двери спален, появляется все больше одетых в халаты людей с осоловелыми красными глазами. У одного из них, худого мужчины с рыжими усами, на голове сдвинутый набок лазурный тюрбан.

– Перри! – восклицает Розалинда, поднимая руки так, что падающий из купола свет превращает ее рукава в крылья бабочки. – Дерзкий мальчишка. Сними скорее, пока никто не увидит.

– Военный не должен появляться на людях без должного головного убора, – отвечает он. – Боже правый, я чувствую себя отвратительно. Надеюсь, мне положена хоть крошка.

– Милый, конечно. Идем, идем. Будем завтракать на лужайке.

– Мама?

– Спроси мистера Брюэра, Дигби. У меня нет времени на это все. – Розалинда пускается в путь к лестнице, чтобы встретить спускающихся гостей, затем поворачивается к Ов. – Что на тебе надето?

– Мой халат, мама. И одна из моих туфель. Я оставила вторую в...

– Ты умудряешься быть еще менее привлекательной, чем обычно. Пусть Моды расчешет тебе волосы, как бы мало их ни было.

– Да, мама, – говорит Овоц.

Дигби берет Ов за руку, сжимает ее и утаскивает за собой. Они проходят по залу и вниз, в лишенный окон мир слуг, где пробегают по коридору, украшенному рядом подписанных колокольчиков – СТОЛОВАЯ, ГОСТИНАЯ, КАБИНЕТ, ХОЗЯЙСКАЯ СПАЛЬНЯ, ГАРДЕРОБНАЯ, ВТОРАЯ СПАЛЬНЯ, ГОСТЕВАЯ 1, ГОСТЕВАЯ 2 – два из которых невротично, упорно звенят.

По обе стороны коридора чуланы, холодильные комнаты, кладовые, винные подвалы. Эти подземные пещеры от пола до потолка забиты продуктами: консервами, тушенкой, джемами, ветчиной, маслом, банками с печеньем, копченой рыбой, мясом, кексами и бутылками шампанского, набитыми в стеллаж как стеклянные соты. В дальнем конце коридора главная кухня – плиточные стены увешаны медными кастрюлями, огромная черная плита с печами по обе стороны, толпа занятых слуг и шипящий и шкворчащий завтрак: копченая селедка, яйца, черный пудинг. Прощмыгнув сквозь кухню, дети могут покинуть дом через заднюю дверь, которая ведет на окруженный кирпичными постройками двор. Квартира мистера Брюэра, где он живет с женой и маленьким сыном, находится здесь, над прачечной.

– У мистера Брюэра есть телефон в кабинете. Думаю, мы можем воспользоваться им, чтобы послать телеграмму, – говорит Дигби, когда они добираются до двери, которая ведет в дом мистера Брюэра. – Ты знаешь, как пользоваться телефоном?

– Нет, – говорит Овоц, – и мы не можем без спросу зайти в его кабинет. Это будет проникновение со взломом.

– Это не проникновение, если нам надо уведомить власти.

– Уведомить их о чем? – спрашивает Бетти Брюэр, урожденная Бемроуз, открывая дверь. – Что вы двое задумали? И где эта бедовая Кристабель?

Дигби и Ов обмениваются взглядом – они не уверены в благонадежности Бетти. Пусть даже теперь она домоправительница в Чилкомбе и замужем за уравновешенным мистером Брюэром, они подозревают, что в первую очередь она отчитывается перед Розалиндой.

– Доброе утро, миссис Брюэр, – вежливо говорит Дигби. – Мы ничего не задумали.

Бетти хмурится, вешает большую связку ключей на петельку у пояса.

– Сегодня нет времени на глупости. Мне нужно покормить восемь голодных гостей и их прислугу.

– Кристабель нашла мертвого кита, и нам нужно уведомить власти, – вырывается у Ов.

Бетти поправляет платье, выпячивает широкую, властную грудь, крепко захлопывает за собой дверь, так что она со щелчком запирается, и деловитым шагом направляется в сторону кухни.

– Мисс Флоренс, кажется, я сказала, что сегодня нет времени на глупости.

Дигби и Ов переглядываются.

– Нам придется вернуться на пляж и сказать Кристе, что мы столкнулись с непредвиденными сложностями, – говорит Овощ.

Дигби корчит рожу.

– Давай, – говорит Овощ. – Она что-нибудь придумает.

Дети пускаются в обход дома, снова направляясь в лес, но их останавливает величественная женщина с осветленными волосами и в узорном халате, прогуливающаяся по лужайке с мундштуком и бокалом шампанского.

– О, привет, – говорит она, забавно растягивая слова. – А вы, шустрые белочки, – наследники поместья? Можете сказать мне, где море? Я нахожу крайне живительным общение с океаном до завтрака. Я чувствую, что он рядом – в воздухе слышно дыхание соли.

Овощ показывает на тропинку через лес.

– Туда.

– Благодарю вас. Но расскажите, отчего вы несетесь сломя голову?

– Там мертвый кит, и... – говорит Ов, замолкая после тычка Дигби.

– Вы шутите. – У женщины продолговатое выразительное лицо, одновременно мрачное и шутовское, и, кажется, нарисованные брови. Она оборачивается и кричит группе людей, что собираются у стола возле дома. – Эти дети рассказывают про мертвого кита. Такое часто случается?

Дигби кричит:

– Доброе утро! Криста заявила о правах Сигрейвов на кита. Нет нужды волноваться.

– Слишком поздно, старик Дигби. Если на пляже кит, у него уже есть владелец, – кричит мужчина в тюрбане – армейский друг Уиллоуби Перри, настолько частый гость в доме, что дети зовут его дядей Перри.

– Владелец? Кто?

– Король, милый мальчик. Все, что выбрасывает на пляжи Англии, по праву принадлежит монарху. Киты, дельфины, черепахи. Если их выбрасывает на берег, они становятся «королевскими рыбами». Закон, принятый еще в саксонские времена, если мне не изменяет память.

– Правда-правда, дядя Перри?

– Клянусь честью.

Блондинка хлопает в ладоши.

– Никогда не перестану удивляться эксцентричным английским законам. Зачем вам вообще закон о китах? Право слово. Прекрасно в своей абсурдности.

Розалинда кричит, стоя у стола:

– Миртл, дорогая, не трать свое время на детей, иди лучше завтракать. Я хочу больше узнать об этом русском, которого ты встретила во Франции.

Женщина скользит по траве, кружась и почти танцуя, вызывая у гостей смех.

Ов кладет руку на локоть Дигби.

– Тебе придется рассказать Кристе о короле.

Дигби обращает широко открытые карие глаза на сводную сестру.

– Ох, проклятье, Флосси, – говорит он. – Ей это не понравится. Ни капельки.

На пляже Кристабель сидит на ките, скрестив ноги и придерживая флагшток, пока ее флаг, старый носовой платок с чернильной версией герба Сигрейвов – вздыбленного льва в короне, – полощется на ветру. Ее лицо под ровной линией челки твердое и решительное. Кит окружен любопытствующими зеваками, местными рыбаками и деревенскими жителями, которые тыкают в него пальцами и громко восклицают, пока дети забираются на его хвост, притворяясь, что едут на нем. Мистер Брюэр и его собака по-прежнему тут, как и несколько других слуг из Чилкомба. Ходят разговоры о появлении кого-то из Береговой охраны и, возможно, фотографа из газеты.

Дигби и Овощ пробираются сквозь толпу.

Кристабель встречается взглядом с Дигби.

– Как дела, Дигс?

Он качает головой.

– Боюсь, у меня дурные новости. Дядя Перри говорит, ты не можешь заявить о правах на него. Говорит, он принадлежит королю.

– Кому?

– Королю. Перри говорит, королю Георгу принадлежат все мертвые киты.

– Но он мой. Я нашла его. Король Георг даже не знает, что он здесь.

– Перри говорит, что есть закон. Прости, Криста.

– Как вообще может быть закон о мертвых китах?

– Полагаю, если ты король, можешь принять законы о чем пожелаешь, – говорит Овощ.

– Это самая чертовски несправедливая вещь из всех, что я когда-либо слышала! – говорит Кристабель, выдирая свой флагшток из тела и швыряя его вниз на камни, где на него с радостью набрасывается спаниель мистера Брюэра.

Мистер Брюэр, спокойно доставая палку из собачьей пасти, говорит:

– Немного в жизни справедливо, мисс Кристабель. Сейчас вы спуститесь? Уже наверняка настало время вашего завтрака.

Дигби добавляет:

– Позавтракаем тогда, Криста? Ты разве не страшно голодна? Мы можем вернуться позже. – Он дружелюбно опирается на кита и смотрит на нее снизу вверх.

Кристабель закрывает глаза и кладет руки на создание под ней. Она чувствует весенний ветерок на лице, слышит, как волны ударяются о камни. Она устала до головокруженья после всенощного бодрствования. Она возносит разум над болтовней окружающих людей и вызывает воспоминание о раннем утре, когда впервые забралась на кита, и он принадлежал ей: что-то, что она нашла и объявила своим. Этот огромный зверь, ее заслуженное сокровище, теперь отнятое дурацкими старыми правилами.

Она слышит, как Овощ говорит далеко внизу:

– Мы можем выкопать вокруг кита ров, Криста.

Глаза Кристабель распахиваются, и она соскальзывает с кита, ловко приземляясь на ноги. Она быстро проходит мимо мистера Брюэра и плящейся с открытыми ртами толпы. Овощ и Дигби догоняют ее, когда она поднимается по тропинке со сжатыми кулаками.

Она говорит, не глядя на них:

– Он может быть его, но не должен быть. Правила должны быть честными. Так в Англии положено. Я иду домой, потому что проголодалась, но это все равно мой кит. Тем самым я

хочу сказать: этот кит будет моим. Мне только надо придумать как, и если придется лично поговорить с королем, пусть будет так.

Прибытие бога Посейдона

Март 1928

Наклонная крыша чердака создает у Кристабель ощущение, что она превратилась в Алису в Стране чудес, будто она переросла комнату. Лежа на узкой кровати, она представляет, как растут ее ноги, пока ступни не вылезут из окна. Снаружи солнечно, на деревьях клекочут грачи. Ей хотелось бы быть на пляже с китом. Она гадает, какой именно глупый король придумал китовые правила. Она думает о человеке, который написал книжку об Алисе в Стране чудес. Он тоже не мог быть особо разумным.

– Бога ради, мисс Кристабель, не дергайтесь, – говорит Моды, которая сидит на корточках у кровати, пытаясь завязать шнурки на ее ботинках.

С головой на подушке Кристабель может поднять руки и дотянуться до места на потолке, где он наклоняется, чтобы коснуться пола. И стены, и потолок недавно оклеили яркими обоями в белую и красную, будто у циркового шатра, полоску. По словам Розалинды, это последний писк моды.

Вокруг теперь много последних писков моды. Кристабель ничто из этого не волнует. Хромированная ванна. Застекленный коктейльный буфет. Покрытый синей бязью бильярдный стол. Пуфик, обитый шкурой жирафа. Последние писк моды прибывают в Чилкомб в ящиках на руках потеющих курьеров, принося с собой всеобщее волнение, будто этот писк все изменит, но каждый из них, поставленный на место и обращенный в будничность, быстро теряет свое очарование. Последние писк моды ненадолго остаются последними. Слишком современные, чтобы соответствовать старинному дому, или недостаточно современные, чтобы избежать замены, они вскоре перестают удовлетворять, сливаются с фоном или отправляются на выход.

– Встаем, – говорит Моды, теперь молодая женщина двадцати двух лет, с сильными руками, густыми бровями и копной мелких каштановых кудряшек, едва удерживаемых шапочкой горничной.

Кристабель ставят на ноги, отряхивают и оправляют. Ее черные волосы увлажняются водой и быстро расчесываются в привычное резкое каре: ряд жестких границ вокруг неулыбчивого лица. Ее заставляют съесть миску студенистой овсянки, прежде чем их с Ов отправляют по чердачному коридору в школьную комнату на урок французского с их новой гувернанткой, мадемуазель Обер.

Мадемуазель Обер – уже шестая французская гувернантка. Розалинда настаивает, что им необходима именно французская гувернантка, несмотря на исправность, с какой они расправляются с каждой. Хотя Кристабель с готовностью признает, что ускоряет их исход, она считает, что большей частью в быстрой смене прислуги в Чилкомбе виновато сумасбродное поведение Розалинды. Кристабель слышала разговоры о пьяных выходках, возмутительных требованиях. Слуги говорят, что Розалинда тратит все до последнего пенни из страховки Джаспера на мебель и развлечения, но редко вспоминает о выплате им зарплаты. Кристабель так и сказала дяде Уиллоуби.

– Розалинда не вызывает у прислуги достаточно уважения.

– Кристабель, солнышко, ты прекрасно знаешь – она предпочла бы, чтобы ты не звала ее Розалиндой.

– Ты не можешь на полном серьезе ожидать, что я буду звать ее матерью.

– Полагаю, нет. Тетушка? Не хмурься так.

За партой в чердачной школьной комнате Кристабель слышен мерный рев нового автомобиля дяди Уиллоуби, спортивного «Даймлера», спешащего по подъездной дорожке. Весь

световой день он проведет вне дома, носясь по дорогам, и мир будет катиться под колесами как раскрученный глобус.

– Внимание, мисс Кристабель, *s'il vous plaît*⁹, – говорит мадемуазель Обер, суровая молодая женщина с лицом, отмеченным темными родинками. – Оставьте глобус в покое. Он нужен для изучения мастером Дигби географии.

Кристабель в последний раз раскручивает глобус, следя, как страны сливаются в разноцветную массу, в которой господствует раскинувшаяся розовым Британская империя, с индейцами, чайными плантациями и древними цивилизациями, где дедушка Роберт подавлял восстания, вскрывал гробницы и стрелял львов. Никто никогда не пытался помешать ему заявить права на его сокровища. Она гадает, приходилось ли ему когда-либо объясняться с королем. А еще: можно ли сделать чучело из кита? Кристабель делает мысленную заметку спросить об этом последнего учителя Дигби, того еще неженки, но довольно полезного в плане предоставления научной информации.

В душевной классной комнате раздается только визг мела мадемуазель Обер по доске, когда она выводит глагол *être*, жужжание бьющей об окно мухи и регулярное *тык, тык, тык* ботинка Ов о ножку стула. Далеко внизу Кристабель слышит, как открываются и закрываются двери по мере того, как горничные занимаются делами. Еще где-то в доме Дигби и его учитель пытаются залатать неровное образование Дигби прежде, чем он отправится в школу-интернат в сентябре.

На чердаке затхлый воздух. Всегда слишком жарко или слишком холодно. В спальне девочек только один маленький камин с экраном из деревянной вешалки, на которой парит влажная одежда, и кресло-качалка, в котором няньки успокаивали поколения капризных младенцев Сигрейвов, скрипя полозьями по паркету.

– Как думаешь, нам стоит спасти эту муху? – спрашивает Овощ.

– *Non*, – говорит мадемуазель Обер. – Мы будем заниматься глаголами, пока вы не сможете правильно их произнести.

– Глаголами? *Alors!*¹⁰ – восклицает Кристабель, всплескивая руками в галлическом жесте. – *Pourquoi?* Бедная *moi!*¹¹.

Овощ хихикает.

– Очень умно, мадемуазель Кристабель, – говорит мадемуазель Обер, изучая свою кутикулу. – Очень умно смеяться над уроками. – Флегматичная мадемуазель Обер представляет собой крепкого оппонента. Она уже продержалась дольше, чем все ее предшественницы, в основном потому, что не имеет желания полюбить кого-либо. Она рассматривает любой признак дружелюбия как слабость в тех, кому хватает глупости приблизиться к ней с приязнью. Уиллоуби отметил, что Розалинда наняла единственную неприятную француженку из встреченных им.

Кристабель говорит:

– Вы, должно быть, тоже ненавидите глаголы.

Мадемуазель Обер складывает руки на груди.

– Французские глаголы просты. Английские глаголы трудны. Если бы вам пришлось учить английские глаголы, у вас могли бы быть причины для жалоб.

– И зачем вы так утруждали себя?

– Потому что я не ленивая тупица. Вы, мадемуазель Кристабель, будете как те английские леди, что приезжают в Париж за модными шляпками, и кричат на продавщиц по-английски, и не слышат, когда те говорят им, что возьмут с них за модные шляпки двойную цену. Они не понимают, потому что были слишком ленивы для заучивания глаголов.

⁹ Пожалуйста (*фр.*).

¹⁰ Что ж! (*фр.*)

¹¹ Почему? Бедная я (*фр.*).

– Я ненавижу модные шляпки.

– Но если кто-то скажет, что у вас ослиное лицо, вам, возможно, захочется знать. – Мадемуазель Обер стучит костяшками пальцев по доске. – *Être*¹².

– Как будет осел по-французски? *Baudet*? Как сказать, что у кого-то ослиное лицо?

– *Être*.

– *Vous visage de baudet*?¹³

– Без нужных глаголов ваши оскорбления навсегда останутся слабыми.

Кристабель на мгновение опускает голову на парту. Затем говорит приглушенным голосом:

– Так и быть. Я выучу глаголы. Но только чтобы правильно оскорблять людей.

Непроницаемая мадемуазель Обер смотрит в окно, медленно сворачивая в трубочку тетрадь с упражнениями.

– *Être*, – говорит она и избавляется от жужжащей мухи метким ударом.

После многих бесконечных часов наступает время обеда. За еле теплым тушеным мясом и вареной картошкой, а после – молочным пудингом Кристабель пытается затянуть Ов в обсуждение путешествий во времени. Смог бы изобретатель создать машину, используя рычаги и часы, чтобы вернуть их во вчерашний день?

– Мне не понравилось вчера, – говорит Овощ. – Вчера был чернослив. – Ее круглое лицо серьезно нахмурено.

– Мне тоже не понравилось, но это будет в интересах продвижения знаний, – говорит Кристабель. – Представь, если отправиться во вчера, можно встретиться с собой.

– Встретиться с собой? – Ов выглядит взбудораженной.

Кристабель продолжает.

– Или можно было бы отправиться во времена саксов и потребовать переписать китовые правила, потому что они нечестные.

– Хватит глупых историй, – говорит мадемуазель Обер, которая считает почти все истории глупыми.

– Как по-французски будет кит? – спрашивает Кристабель.

– *Baleine*.

– Как по-французски будет несправедливость?

– Ешьте свой пудинг.

После обеда девочки отправляются на прогулку. Следом за мадемуазель Обер они спускаются по лестнице и проходят через Дубовый зал, который под руководством Розалинды наполнился дорогими меховыми коврами, изогнутыми креслами, обитыми кремовой тканью и инкрустированными ярким деревом, и круглыми столиками с декоративными лампами, журналами и пепельницами. Старинные латунные канделябры сняты со стен и заменены стеклянными сферами с электрическим светом. Где раньше были гобелены с битвами, теперь искусные зеркала. Рояль подвинут в центр комнаты, и теперь уставлен рамками с фото людей в теннисных костюмах рядом с вытянутой стеклянной вазой, полной плотоядных цветов.

Но хотя внизу он не напоминает более средневековый зал, далеко вверху деревянные панели из темного дерева все еще сохраняют строгость. Дневному свету, льющемуся через новый стеклянный купол, кажется, требуется целая вечность, чтобы упасть на современную мебель, точно так же, как замедляется столп света, проходя сквозь глубины океана, или как изменения в законе тормозят, проходя через Палату лордов.

¹² Быть (фр.).

¹³ Ваше лицо осла (фр.).

Снаружи прекрасная погода. Мадемуазель Обер поправляет шляпу Ов, чтобы спасти ее лицо от солнца, и они идут по лужайке: Кристабель боевито ведет их с ведром в руке, Овощ плетется следом, напевая себе под нос, мадемуазель Обер замыкает строй. Они выбрали круглой путь, поскольку мадемуазель Обер не желает идти по тропинке, что ведет на пляж к гниющему киту, потому что от его вида ей *ду'но*.

* * *

Пребывание кита в Дорсете было непростым. Через несколько дней после того, как его выбросило на берег, одетый в форму клерк из Береговой охраны Его Величества прибыл из Портленда, чтобы встать возле головы кита и объявить об аннексии его королем. Но вскоре, после обмена краткими телеграммами с персоналом дворца, стало ясно – король не собирается забирать свое новое приобретение.

Клерк в форме затем объявил, что продаст кита с аукциона от лица короля. За этим последовали громогласные протесты от Кристабель, которую увела домой мадемуазель Обер, после чего она начала писать письма королю, сравнивая себя с величайшим английским исследователем, капитаном Скоттом, который героически пробил путь на Южный полюс, только чтобы обнаружить, что вероломные норвежцы уже воздвигли там свой флаг. Ответа она не получила.

Кристабель с отвращением узнала от мистера Брюэра, что ставки на аукционе были не блестящими, и в итоге кит был продан ушедшему на пенсию директору школы из Аффпаддла за тридцать фунтов. Директор сообщил местной газете, что выставит скелет в своем саду и будет давать лекции о самом могучем из божьих созданий. Приехали столяры с большими ножницами и пилами, и дети Сигрейв присоединились к собравшейся на пляже толпе посмотреть на зверское зрелище.

Это был тревожный спектакль. Мужчины в резиновых сапогах ползали по киту, врезаясь в его гладкое тело, будто это был огромный кусок ветчины, а кровь потоками лилась вниз, окрашивая камни. Однако, вскоре оказалось, что ушедший на пенсию директор школы не обсудил свои амбициозные планы с женой, и новый дом в Аффпаддле кита не ждет. Посмертное вскрытие было приостановлено, и мужчины в резиновых сапогах с ворчанием удалились в паб. Местным мальчишкам заплатили, чтобы они на тачках отвезли отрезанные куски кита в деревню, откуда подкожный жир отправился на рынок в Дорчестере для продажи на мыло, а органы – местным охотникам на корм гончим.

Несмотря на все усиливающийся сомнительный запах, остатки расчлененного кита оставались популярной местной достопримечательностью. Прибывшие студенты факультета биологии определили его как *Balaenoptera physalus*, финвала. Взрослая мужская особь, вдали от своих привычных охотничьих угодий. Они удивились, но предположили, что он столкнулся с кораблем. От продолжающегося гниения голова кита сдулась, а челюсть открылась, обнажив щетинистую бахрому на месте зубов. Студенты сказали, что этот материал, похожий на плотно уложенные перья, называется «китовый ус» и нужен для фильтрации морской воды так же, как служат в качестве ситечка для супа усы джентльмена.

Студенты сказали им, что полоски китового уса использовались для костей в викторианских корсетах, и дети восхитились этой идеей – использовать ситечко для супа из китового рта для утяжки женских талий. Старые фотографии бабушек Сигрейв заиграли теперь новым светом – под платьями с высокими воротниками на телах у них были подвязаны куски рта, будто у каннибалов.

Пока студенты продолжали рассказы о побочных продуктах китового тела и как они были неотъемлемой частью развития человечества сквозь века, Кристабель тихонько положила ладонь на бок ее сломленного создания. С маленьким глазом, без толку установленным сбоку

массивной головы, ей невозможно было представить, как он видел, куда плывет. Его глаз был будто иллюминатором для пассажира на океанском лайнере, местом, откуда можно глядеть на проплывающие мимо вещи.

Кит снился ей почти каждую ночь. Во сне она снова становилась триумфальным первооткрывателем, а кит, целый и прекрасный, упокоенно лежал у ее ног. Иногда ей снилось, что кит был жив, и тогда она покоряла океан на его спине – владелец морей, по праву воскресший.

Кристабель думает об этом всем, о китах и снах, когда они с Ов и мадемуазель Обер наконец достигают берега. Остатки создания можно разглядеть за низким мысом где-то в полумиле.

Вечернее солнце расчерчивает лицо мадемуазель Обер темными линиями, когда она садится на землю, прислоняясь к большому валуну и закрывая глаза.

– Найдите что-нибудь, что можно сложить в ведро, девочки. Наберите мадам Розалинде ракушек.

Вот их шанс. Они по опыту знают, что мадам Обер уснет, едва смежив глаза, поэтому, если поспешить, они могут добраться до кита прежде, чем она проснется.

– Побежали, – шипит Кристабель, отбрасывая ведро и хватая Ов за руку. Они срываются с места – камушки скрипят и опасно выскользывают из-под их ботинок.

Но завернув за мыс, Ов останавливает Кристабель, потому что по их киту лазают дети. Четверо или пятеро ползают по его телу как крабы – голые, как дикари, и их обнаженная плоть сияет на солнце. Кристабель прожигает их свирепым взглядом. Видеть, как ее кита захватывают, так же больно, словно видеть пиратов на борту британского судна. Один из них садится на корточки, балансируя на ребрах кита, и пялится в ответ. Все они мокрые, темные волосы прядями лежат на плечах, и лазают они с ловкостью гибралтарских обезьян.

Ов, покрасневшая и ошеломленная, шепчет:

– Что они делают?

Но ошеломление на этом не заканчивается. Потому что в этот момент они слышат, как с моря доносится грохочущий голос. Бородатый мужчина стоит в прибое, и он тоже не одет. Он кричит:

– Вода божественная!

На мгновение Кристабель уверена, что это бог Посейдон, поднявшийся из соленых глубин, чтобы забрать их в своей колеснице, но она слышит ответные голоса и, обернувшись, видит, как две женщины в шортах и рубашках скачут по пляжу. Они несут полотенца, а у одной в руках корзинка для пикника, которую она с грохотом роняет, крича в ответ:

– Не такая божественная, как шампанское, готова поспорить!

– Ха! – восклицает Посейдон, и его голос отскакивает от моря. – Отлично! – Раскинув руки, он падает на спину и лежит на прозрачной воде.

Одна из женщин идет в сторону Кристабель и Ов, помахивая рукой.

– Привет, – зовет она. – Не уверена, что мы имели удовольствие познакомиться.

Овощ может только пискнуть мышкой, поэтому Кристабель приходится объявить, что они дети Сигрейв.

– Вы здесь живете? – спрашивает женщина, запуская ладонь в волосы, стриженные по-мальчишески коротко.

– Мы живем в своем доме, Чилкомбе, – говорит Кристабель.

Вторая женщина кричит издали:

– Эта девочка упомянула Чилкомб? Разве не там осела Розалинда Эллиот? Мне матушка говорила, уверена.

– Розалинда Эллиот? В такой дали от Лондона? – говорит первая женщина. – Немыслимо.

– Дорогая, именно так я и подумала.

– И что, черт возьми, она здесь делает? Открывает ярмарки?

При упоминании матери Ов обретает новую смелость и заявляет:

– Розалинда моя мать.

– Какой книжный сюжетный ход, – говорит первая женщина. – Мы должны нанести Роз визит. Узнать, зачем она одичала. Можно представить только, что у нее не осталось выбора.

– Какая ты мерзкая, Хилли, – говорит другая. – Как и вонь от этого гниющего кита, боже мой.

– Не стой с подветренной стороны, дорогая. Иди сюда.

Теперь, когда женщины рядом, Кристабель видит, что они почти одинаковы. Обе худые, плоскогрудые – сплошные углы и впадины, с короткими светлыми волосами, откинутыми от угловатых лиц. Женщины, состоящие из прямых линий, как иллюстрации в журналах Розалинды.

Раздается грохот – это Посейдон выходит из океана, спотыкаясь на гальке. Большая часть его широкого тела покрыта кудрявыми волосами, полоска темного меха сбегает вниз по животу.

– Привет! – кричит он, размахивая руками в сторону Сигрейвов. – Что у нас тут?

Кристабель в ступоре – ей незнаком протокол приветствия обнаженных волосатых мужчин. Ов решает эту дилемму, закрыв лицо руками и сказав:

– Мы Флоренс и Кристабель. Приятно познакомиться.

Кристабель, уколота тем, что Ов ответила до нее, решает смотреть только на бороду и ни на что больше. Когда она поднимает глаза, чтобы найти ее, то обнаруживает, что та движется навстречу.

– У этого ребенка такое лицо, – говорит мужчина, – что мне показалось на мгновение, будто за мной сюда последовала Анна Ахматова. – Он протягивает влажную от океана руку, и она охватывает челюсть Кристабель как повязка от зубной боли. – Я должен нарисовать тебя, – говорит он, и на мгновение она думает, что он хочет ее раскрасить, покрыть ее студенистой краской, будто она безглазая статуя. Издали слышен жалобный, комариный призыв мадемуазель Обер.

– Нам надо идти, – говорит Ов из-под ладоней, медленно отступая. – Это наша гувернантка. Она заметила наше отсутствие, поэтому вы не должны пытаться захватить нас.

Голый мужчина доброжелательно улыбается и широким жестом поднимает руки.

– Так всегда и происходит, нет? Едва мы встречаемся, как должны расстаться. – Его редующие черные волосы зализаны назад, обнажая выступающий лоб и глубоко посаженные в черепе темные глаза. У него по-боксерски квадратные скулы и бычья шея.

– Прошу прощения, но это наш пляж, – говорит Кристабель. – Это наш пляж, а эти дети стоят на моем ките.

– Это твой кит? – говорит одна из женщин. – Не можешь ничего сделать с вонью?

Другая женщина говорит:

– Не волнуйтесь, девочки, мы знаем вашу мать. Заглянем навестить. Роз будет вне себя.

– Вот уж точно, – говорит первая женщина, обвивая талию подруги и примыкая к ней. Позади них дикие дети скачут по киту. Один из них высовывает язык.

– Розалинда мне не мать, – говорит Кристабель, игнорируя то, что Флосси тянет ее за рукав.

К этому времени мадемуазель Обер обогнула мыс и быстро приближается – крепкие ноги несут ее по камням.

– *Alors!* Криииистабель! Флооооренс! Отойдите от этого вонючего кита!

Мужчина взял полотенце и оборачивает вокруг талии – призыв заставляет его с интересом поднять взгляд.

– *Bonjour*, – восклицает он и добавляет по-французски с сильным акцентом, – и какие же гроши они платят, чтобы вы бегали вместо них за детьми?

Мадемуазель Обер отрезает на родном языке:

– Простите, но это не ваше дело, месье.

– И всего-то, а? – говорит мужчина, все еще по-французски. – Но это же привилегия для служанки, не так ли? Гонять детей богачей в такой прекрасный день.

Мадемуазель Обер приближается, тяжело дыша.

– Я не служанка, месье. У меня хорошее происхождение.

– Я в этом не сомневаюсь, мадемуазель. У меня тоже хорошее происхождение и красивый дом в лучшем городе России, но в прошлом году мой брат водил по Парижу такси, пока я рисовал портреты жен богачей на берегах Сены, и никто из нас не мог сказать, живы наши родители или нет. Таково нынешнее время, нет? И мы обнаруживаем себя здесь, выброшенными на пляжи Англии.

Мадемуазель Обер хмурится на этого странного незнакомца, который говорит на ее языке, и переходит на медленный английский.

– Вы знаете Париж?

– Как знаю тела своих любовниц, – отвечает он, тоже по-английски.

Мадемуазель Обер хмурится сильнее.

– Это был мой дом.

– Тогда мы должны поговорить о Париже. Это единственный город, не так ли?

Мадемуазель Обер складывает руки на груди.

– Для вас, возможно. Для меня больше нет.

– Но почему?

Мадемуазель Обер кидает на него сердитый взгляд.

Мужчина внимательно смотрит на нее.

– Позвольте, угадаю. Ваша семья не та, что прежде. Настали тяжелые времена.

Она кивает.

Он продолжает:

– А до того была жизнь, полная удовольствий. Прекрасный дом.

Мадемуазель Обер горько смеется.

– В Фобур Сен-Жермен. Каждый день года – свежие цветы.

– Фобур Сен-Жермен? А теперь бегать за детьми. Ах. Что за ужасный рок пал на дом цветов?

– Это, месье, вас не касается.

– Не касается, – дружелюбно соглашается он.

Мадемуазель Обер двигает челюстью из стороны в сторону.

– Не надо держать меня за дуру.

– Как можно.

– Дом был потерян не из-за глупости.

– Кто бы так подумал?

– Мой отец погиб героем при Марне. Он никогда не верил, что умрет.

– Герои никогда не верят.

– Теперь моя мать живет над магазином на Рю-де-Розье. Шьет на дому. Она надеется, что богатый человек возьмет ее в жены и наша семья вернет былую славу. Но она стара и некрасива.

Кристабель и Ов не отводят глаз от мадемуазель Обер. Они ни разу не слышали, чтобы она так много говорила. Прежде они видели в ней только твердую преграду в не льстящем ей черном платье, а не человека, и уж точно не человека с историей. Как любопытно узнать о людях, живущих в красивых парижских домах, и старых матерях, шьющих на дому, ведь о Франции они знают только, что там солдаты Империи храбро отдали свои жизни в Великой войне и куда Розалинда и Уиллоуби направляются, чтобы сбежать от детей, – а ничто из этого

даже не намекает на существование коренных жителей, которые занимаются чем-то интересным.

– Время идет медленно для тех, кто ждет возвращения прошлого, – говорит мужчина и протягивает руку. – Я Тарас Григорьевич Ковальский. Для меня честь познакомиться с вами.

Мадемуазель Обер, чьи зрачки сузились до оценивающих точек, задумчиво оглаживает родинку над верхней губой, после чего протягивает руку Тарасу Григорьевичу Ковальскому – и не кажется удивленной, когда он склоняется, чтобы поцеловать ее.

– Я мадемуазель Обер, – объявляет она над его склоненной головой, – Эрнестина Обер.

Одна из блондинок, заметив широко распахнутые глаза Ов, громко сообщает в сторону:

– Все в итоге рассказывают Тарасу историю своей жизни, милочка. Обычно перед тем, как согласиться снять для него одежду. Он ловкий зверь, вот увидишь.

Мадемуазель Обер прожигает женщину взглядом, а затем хватая Ов за руку и пускается в обратный путь по пляжу, бросая за спину:

– *Au revoir, Monsieur Kovalsky*¹⁴.

Месье Ковальски, бог Посейдон, рисовальщик портретов, ловкий зверь, машет вслед мадемуазель Обер и Ов, поворачивается, чтобы ласково улыбнуться Кристабель, и эта улыбка кажется абсолютно естественной, будто продолжением череды предыдущих улыбок. Он наклоняется к ней и кивает на кита:

– Я пришел за этим созданием. Я хочу нарисовать его. Ты говоришь, что он твой. – Глаза у него черные и сияющие.

– Я его нашла, месье, – говорит Кристабель.

– И заявила о своих правах.

– Именно.

– Могу я просить разрешения нарисовать его портрет?

Она задумывается на мгновение, затем говорит:

– Ну ладно. *Oui*. Я даю свое разрешение. Но заставьте этих детей слезть с него. Они должны относиться к нему с уважением.

– Будет сделано. – Он складывает ладони вместе. – *Merci*¹⁵.

– *De rien*¹⁶, – говорит Кристабель. – Надеюсь, портрет выйдет великолепным.

Месье Ковальски отворачивается, говоря:

– Надеюсь, наши пути пересекутся вновь, хранительница кита.

Кристабель бежит за Ов и мадемуазель Обер. Она оборачивается только однажды, чтобы мельком увидеть, как месье Ковальски, запрокинув голову, пьет из бутылки шампанского, а две женщины стаскивают друг с друга рубашки. Затем месье Ковальски ревет на диких детей, и они исчезают с кита, будто сметенные мощью его голоса.

На протяжении послеобеденных занятий у Кристабель перед глазами стоит месье Ковальски; его образ она хранит, как подобранную ракушку. Мадемуазель Обер – Эрнестина! – схожим образом витает где-то мыслями. Кристабель и Ов замечают, как она смотрит в окно, мурлыкая под нос незнакомую мелодию. Она просит ответить на вопросы: «*Как далеко станция метро?*» и «*Сколько стоят красивые тюльпаны?*»

Блондинка говорила о Розалинде и возможном посещении Чилкомба. Но Кристабель не поделится этим знанием, этой возможной встречей с сорокой Розалиндой, потому что Розалинда захочет, чтобы месье Ковальски и его странные компаньонки стали ее последними писками. Розалинда со своей склоненной набок головой, со своими когтями. Нет, Кристабель

¹⁴ До свидания, месье Ковальски (*фр.*).

¹⁵ Благодарю (*фр.*).

¹⁶ Не за что (*фр.*).

будет держаться за это сокровище, за это блестящее открытие так долго, как сможет. Это ракушка, тщательно спрятанная в ладонях; ее прижатые вместе ладони будто готовятся заплодировать.

Добро пожаловать в Чилкомб

Апрель 1928

В доме оставаться слишком жарко. У мадемуазель Обер после обеда выходной, и она пишет письма – предположительно с жалобами, – поэтому Кристabelle и Ов вышагивают по меловому мысу, который отмечает восточную границу известного им мира: Сил-Хэд. Это обнаженная порода высотой в 500 футов, что тянется в океан на дальнем конце их пляжа, напоминающая длинноносый профиль спящего дракона. Крутые бока дракона покрыты зелено-коричневой растительностью; заплатки белого мела просвечивают сквозь нее будто старые кости.

Иногда Сил-Хэд посещают группы школьников – они стучат по камням молоточками в поисках научных знаний. Пласты горных пород здесь представляют интерес для увлеченных горными породами и учителя Дигби. Сейчас он – учитель – шарится по подножью утеса в поисках окаменелостей: силуэт согнутой спички под меловым лицом истории. Дигби безразлично стоит позади него с ведром.

Девочки Сигрейв следуют по изогнутой тропе вверх по Сил-Хэд, держась ближе к краю, поглядывая вниз на террасу, спутанную полоску дикого леса, что бежит вдоль подножия мыса, откуда слышны настойчивые *ку-ку-ку* переговоров вяхирей и деловитое *сшип-сшип-шип!* *сшип-сшип-шип!* каменок. Иногда они замечают, как коноплянки, певчие птицы, рискованно устроившиеся на самых верхних ветвях дроковых кустов, разражаются переливчатой песней.

По мере того как Кристabelle и Ов взбираются все выше, деревьев у тропы остается все меньше, а оставшиеся жилисты и согнуты ветром. Деревьям на открытой местности лучше убирать пояса, думает Кристabelle. Она одобряет вещи, что соответствуют своей цели. Оглянувшись, она видит группу взрослых, разложивших пикник на их пляже, на безопасном расстоянии от кита. Их пляж известен в округе как пляж Чилкомб-Мелл, но дети Сигрейв не знают других пляжей, поэтому не называют его никак. Кристabelle может распознать Уиллоуби и Перри. Остальных разглядывать она не пытается. Она хочет идти, пока они не уменьшатся до ничего.

– Марш-бросок, Ов, – говорит она. – В твоём возрасте я в одиночку взбегала на этот холм.

– А этот учитель не профан, – говорит американская поэтесса Миртл, крутя свой бокал и вглядываясь в даль, в бродящего по пляжу учителя. – Для меня все камни одинаковы.

Пикник съеден, большей частью мужчинами, как и выпиты несколько бутылок шампанского. Еще несколько бутылок полузакопаны в гальку у кромки воды. День влажный, и поверхность у океана ровная как стекло. Небо и море – прозрачно-серые, сливаются друг с другом у горизонта в единую плоскую стену; деваться некуда.

Уиллоуби, лежащий на спине в полосатом плавательном костюме, говорит:

– Скажи-ка, Миртл, ты что, одета в мужскую пижаму? Ты совершила набег на гардероб Перри?

– Она намного выше меня, – говорит Перри, отмахиваясь от moskitov. У него худощавое аскетичное тело, вспыльчивый характер, бледная кожа с утиным пушком и еле заметный присвист в речи.

Миртл смеется.

– Уиллоуби, не дразни. Это шелковая пляжная пижама. Я приобрела ее в Ницце.

– Когда ты была в Ницце? – тихим голосом из-под зонта от солнца спрашивает Розалинда.

– У меня вилла на побережье, и я езжу туда каждый раз, когда хочу погрузиться в тот роскошный свет, – говорит Миртл, бесцельно вскидывая длинные руки. – Но сейчас там становится многолюдно. Я подумываю об Италии. Что-нибудь менее *en vogue*¹⁷.

Розалинда кивает.

– В прошлом году едва не половина Кауса была заполнена иностранцами. Куда именно в Италии ты бы поехала?

– Венеция, Рим, Верона. Меня ведет сердце, а я следую за ним как собака.

– Ты должна еще почитать нам свои стихи, Миртл. Возможно, вечером.

– Ты слишком добра, Розалинда. Для меня честью будет поделиться с тобой своими словами.

Уиллоуби перекачивается на живот, пряча лицо.

Достигнув вершины Сил-Хэд, Кристabelle и Ов всматриваются в море. Оно спокойно, как мельничный пруд. Если выглянуть с обрыва, можно увидеть пустельгу, неподвижно висящую рядом с обрывом.

Что-то есть в том, чтобы подняться над ястребами. Вид открывается на мили вокруг. На востоке линия берега склоняется и взмывает вдаль; там уединенные бухты и меловые столбы, и Кристabelle поклялась все их покорить, едва ей только разрешат уходить от дома дальше Сил-Хэд. На западе вид не настолько впечатляющий, но более знакомый. Можно разглядеть трубы Чилкомба и Дигби, сбжавшего от учителя и теперь несущегося вприпрыжку по прибрежной тропе в их сторону. За Чилкомбом лежат неизведанные земли. У горизонта вдали прибрежный город Веймут и остров Портленд, держащийся за большую землю галечным перешейком и сделанный (так ошибочно верят девочки, подслушавшие однажды разговор о знаменитых каменоломнях острова) целиком из камня: безжизненное, луноподобное место.

Из-за отсутствия какого-либо систематического образования знания детей Сигрейв о мире были сложены из разрозненных источников в иногда рабочего информационного монстра Франкенштейна. Они знают названия большинства бабочек (Перри); как снять шкуру с кролика (Моди); что нельзя есть ежевику в октябре, когда на нее плюет дьявол (Бетти); и как быстрее всего добраться до деревенского паба (Уиллоуби). Но они не знают никого в деревне (Розалинда считает это неподобающим), и как в деревне живет (они только проходят по ней, когда забирают Уиллоуби из паба), и что лежит за Хребтом кроме Лондона, короля и чайной в Дорчестере, куда Уиллоуби водит их есть липкие булочки на их дни рождения.

Что до прочих частей планеты, они могли бы сказать, что Франция лежит по другую сторону Ла-Манша вместе с ледяными водами Атлантики, Диким Западом и Висячими садами Вавилона, но имеют слабое представление о том, что там происходит. Время от времени Дигби пересказывает усеченные версии своих уроков, но эти изолированные острова образования быстро забываются – туманные залежи латыни или алгебры, необитаемые, оставленные птицам.

Кроме того, их разреженное фактическое образование покрыто толстым художественным слоем. Самое драгоценное их имущество – книги, большая часть которых была высвобождена Кристabelle из кабинета после смерти отца, когда все были заняты и весь дом был в ее власти.

Кроме любимых греческих мифов и приключений, у них есть томик «Алисы в Стране чудес», оставленный отъезжающей гувернанткой, а кроме того, девочки были названы совладелицами «Историй Шекспира» и иллюстрированного издания «Бури», которые Дигби получил от матери на Рождество. Они используют их в постановках картонного театра с труппой наручных кукол, а также разыгрывают сцены на чердаке, где перекинута через веревку для

¹⁷ В моде (*фр.*).

сушки белья простыня служит театральным занавесом. В «Буре» Дигби всегда играет роль духа Ариэля, Ов – романтической героини Миранды, а Кристабель впечатляюще перевоплощается в Калибана. Она дополняет изображение гротескного рабского создания, бугристо округлив лицо засунутыми за щеки грецкими орехами, чтобы капала слюна.

– Придержите коней, свиноподобные лорды, – кричит Дигби, с пыхтением взбега по холму.

– Тебе на пользу пошло бы держаться учтивого тона, нахальный бандит, – отвечает Кристабель, выдергивая из земли длинный стебель ворсянки и угрожающе взмахивая им.

Дигби останавливается поправить завязанное вокруг шеи кухонное полотенце.

– Как смеешь ты обращаться к отважному Робин Гуду в такой манере? – Он подбегает к Ов и хватает ее за руку. – Прекрасная Марион! Скорее идем разбойничьей тропой! Там лежит путь к свободе!

Самые любимые книги были перечитаны столько раз, что достаточно посмотреть на обложку, чтобы погрузиться в их миры. Но миры эти не остаются только в пределах обложек. Они просачиваются наружу и накладываются на географию их жизни. Дети уверены, что тропинка у обрыва на Сил-Хэд – та, по которой ходили контрабандисты в «Лунном флоте». (*Она начинается там, где терраса сливается с меловым обрывом, и покатиисто вихляет к вершине. Пастухи зовут ее Зигзагом, и...*)

– «Даже овцы спотыкаются на ней, а что до людей – я слышал только об одном прошедшем по ней храбреце», – говорит Дигби горячечным шепотом, утаскивая Ов за собой.

– Я не хочу, Дигби, – говорит Ов. – Там скользко.

– Тогда стой на вершине стражем и не опускай мушкет, дорогуша, – говорит Дигби.

«Лунный флот», полный рассказов о разбушевавшихся морях и в шепки разбитых о каменистые берега кораблях, также виновен в представлении Кристабель о том, что только галечная дамба, тянущаяся от Веймута к Портленду, удерживает штормовой океан по ту сторону. Ей нравится представлять, что случится, если ее прорвет, как волны с ревом понесутся по заливу многотысячной армией.

В неистовые ночи она подходит к чердачному окну и говорит Ов и Дигби звенящим от дурного предчувствия голосом:

– Сегодня я слышу волны. Мы можем только надеяться, что дамба выдержит.

И когда говорит, она верит в свои слова, и по ней пробегает ужасный трепет, сильнейшее возбуждение, усиленное видом того, как Ов жмурится и складывает ладони для молитвы.

– Вы должны попытаться уснуть, – говорит Кристабель. – Я останусь на страже.

Дигби серьезно кивает, застегивая пуговицы пижамы.

– Потом я сменю тебя, Капитан.

Контрабандистская тропа на Сил-Хэд лежит неподалеку от построенных высоко над уровнем моря из красного кирпича коттеджей береговой охраны, решительно встречающих любые атмосферные фронты, что приходят с Ла-Манша. Ушедший в отставку офицер береговой охраны, что живет в одном из коттеджей, сидит в своем саду с биноклем в руке. Они с Кристабель обмениваются кивками.

– Заметил кое-что, что может быть вам интересно, мисс Кристабель, – говорит он, когда Дигби с Ов подбегают к ним. Плащ Дигби теперь повязан вокруг его головы.

– Что случилось, Джим? – спрашивает Кристабель.

– Мужчина с иностранной бородой идет к вашему дому. Не похож на бродячего торговца, но я его прежде в округе не видел. С ним женщины. В брюках. Доброго дня, мастер Дигби, мисс Флоренс.

– Добрый день, Джим, – говорит Дигби. – Как здоровье жены?

– Идет на поправку, мастер Дигби, чему я очень рад. Что это у вас на голове? Снова играете в крестоносцев?

– Это мастерская маскировка, – шепчет Дигби.

– Когда ты видел этого мужчину, Джим? – спрашивает Кристабель.

– Не более пяти минут назад, полагаю.

Кристабель кидает взгляд вниз на пляж. Взрослые по-прежнему там.

– Премного благодарна, Джим.

– Никаких проблем, мисс. Я хотел показать вам морские узлы, но раз вы спешите, не буду беспокоить.

– Приношу свои извинения, Джим, но, похоже, это дело не терпит отлагательств, – говорит Кристабель. – Давай, Ов, взбодрись.

– И зачем нам все время бегать? – говорит Ов. – Почему никогда нельзя присесть на минутку? Вон там отличное место для посиделок.

– Нет времени на слабость, – говорит Кристабель. – Это месье Ковальски. Он идет в Чилкомб.

– Веди же нас! – восклицает Дигби, пускаясь бегом, и каждый третий его шаг – скачок или дикий прыжок через куст.

Внизу на пляже Перри спрашивает:

– Там наверху твои дети?

Розалинда кидает взгляд на утес из-под зонтика.

– Сложно сказать.

– Они довольно быстро спускаются по этой тропинке. Кажется, их трое.

Уиллоуби, все еще прячущий лицо в гальке, говорит:

– Ну же, Перри, – ты знаешь, что у Розалинды только один ребенок. Мальчик по имени Дигби. Эти девочки к ней отношения не имеют.

– Признаюсь, я путаюсь, какой ребенок чей, – говорит Миртл. – Младшая девочка твоя, Уиллоуби? Улыбчивая? Такая булочка.

Уиллоуби поднимается и идет к морю.

– Не хочешь искупнуться, Перри?

– С удовольствием, старик, – говорит Перри. – Сегодня невыносимо душно.

Розалинда сообщает:

– Мы с Миртл вернемся в дом переодеться к ужину.

– Думаю, это все же были дети, – говорит Перри, поднимаясь и отряхивая мелкие камешки с ног. – Я их больше не вижу.

Уиллоуби исчезает под водой.

На полпути вниз Кристабель, Дигби и Ов резко сворачивают вправо, чтобы срезать дорогу. Они перелезают через каменную стенку и несутся через окружающий Чилкомб лес, когда до них доносится узнаваемый смех.

– Передняя лужайка, – говорит Кристабель, несясь во всю голову. – Месье Ковальски на передней лужайке.

И он на лужайке, целиком: развалился на спине. Две коротковолосые женщины сидят за столом с напитками и сигаретами в одинаковых мужских нарядах: полосатых кофтах и широких брюках. Блайз, с сифоном для содовой в руках, стоит неподалеку вместе с Моды. На их лицах одновременно и легкая озабоченность, и крайний интерес.

– Ура, а вот и дети. Они за нас поручатся, – говорит одна из женщин.

– Мастер Дигби, мисс Кристабель, мисс Флоренс, эти посетители желают увидеть миссис Сигрейв. Они уверяют, что уже знакомы с вами, – говорит Блайз.

– Прекрасно, – говорит Кристабель. – Так и есть. Благодарю, Блайз.

Услышав голос Кристабель, месье Ковальски садится. На нем распахнутая рубашка и свободные вельветовые брюки. Босые ноги покрыты пятнами краски.

– Дитя здесь, – говорит он. – Хранительница кита с лицом Ахматовой.

Кристабель вздергивает подбородок и идет через лужайку ему навстречу. Она протягивает руку и, когда он вкладывает свою широкую ладонь в ее, твердо пожимает.

– Кристабель Сигрейв, – говорит она. – Добро пожаловать в Чилкомб.

Она много раз репетировала этот момент в своей голове, и он проходит идеально – в точности как и должно. Его едва ли портит прибытие Розалинды и Миртл, поскольку в момент их появления месье Ковальски жмет руку Кристабель, и это значит, что она – отныне и впредь, всю вечность – будет знать его первой.

– Розалинда, – говорит она, – это месье Ковальски. Художник из России, что жил в Париже, в стране Франции.

Розалинда, вопреки обыкновению раскрасневшаяся от прогулки с пляжа, на мгновение лишается дара речи. Затем одна из светловолосых женщин кричит:

– Роз! Ю-ху, дорогуша! Сюрприз!

– Филли? Филли Фенвик? Это ты?

– Она самая, – говорит Филли, салютуя бокалом. – Почему бы тебе не присоединиться к нам? Кажется, ты здесь живешь.

Розалинда подходит к столу, передавая зонтик Моды.

– Филли, боже правый, сколько времени прошло?

Филли привстает, чтобы обнять ее.

– Тысячелетия, не меньше. Чем ты надушена? «Мицуко»? Боже, сразу навевает воспоминания. Ты ведь знаешь Хилли? Хиллари Вон. Мы познакомились в «Слейд». Неразлучны с тех самых пор. Филли и Хилли. Что ж, это просто судьба.

– Мы неразделимы. Очень приятно, – говорит Хилли.

– Что привело вас в Чилкомб? – спрашивает Розалинда.

Филли указывает в сторону лужайки двумя пальцами с зажатой в них сигаретой, будто размахивает дымящим пистолетом.

– Мы с этим сомнительной репутации негодяем. Спутались в Париже. Хилли работала моделью, я изучала рисование. Мы обе сердечно заскучали от жизни дебютанток.

– До тошноты, – говорит Хилли. – Бесконечные обеды, за которыми только и говоришь, что об обедах. Все наши любовники и братья мертвы. Что нам за дело до обедов?

– Он нашел нас в ночном клубе Монмартра, где мы танцевали ки-ки-кари, и захотел изобразить нас близняшками. Мы выпили бесчисленное количество абсента и переехали в его студию в ту же апокалиптическую ночь. Целое приключение.

– Мы последовали за Дионисом, – говорит Хилли, не отрывая взгляда от Тараса.

– Мы последовали за великим художником, – говорит Филли. – Он правда гений, Роз. Картин, подобных его, ты никогда не видела. Мы едем в Корнуолл. Решили заглянуть в гости.

– Тарас захотел нарисовать знаменитого кита, – добавляет Хилли.

– Как забавно и чудно, что у тебя по-прежнему есть дворецкий. Старинный прислужник, – говорит Филли. – А грот у тебя есть?

– Тарас? Тарас Ковальски? – восклицает Миртл. – Боже правый! Это тот русский художник, о котором я рассказывала тебе, Розалинда. Месье Ковальски, нас снова свело провидение. Миртл ван дер Верфф. Мы встречались в Антибе.

Тарас Ковальски, сидящий на лужайке и улыбающийся Кристабель, переводит взгляд на Миртл.

– Мы не встречались.

– Это было на вечеринке у бассейна, устроенной парой из Флориды. Вы были окружены толпой поклонников, но мы сосредоточенно обсуждали скульптуру. Ее пластичность.

Тарас легонько хмыкает.

– Нет, – повторяет он. – Но теперь мы встретились – на этой зеленой лужайке.

– Я читала стихи, – говорит Миртл. – О рыбацкой сети.

– Миртл поэтесса, – говорит Розалинда. – Очень известная. Мы встретились, когда катались на лыжах в Швейцарии. Она будет читать нам стихи этим вечером. Возможно, вы к нам присоединитесь, мистер Ковальски? Ужин и поэзия. И вы тоже, Филли, Хиллари. Ничего выдающегося. Салат из лобстеров. Гребешки. Легкий *mousse au café*¹⁸.

Тарас поднимается и подходит к Розалинде, берет ее ладонь в свои забрызганные краской лапы.

– Зовите меня Тарасом. Я благодарен за вашу доброту. Я очень устал сегодня. Я рисую, рисую, но ничего не выходит.

– Добрый ужин может оживить ваш художественный пыл, мистер Тарас, – говорит Розалинда. – Вам нравится лобстер?

– Чем бы вы ни желали поделиться.

– Моды, пожалуйста, передай Бетти, что у нас будут гости на ужин. Где вы все остановились?

Филли смеется.

– Мы богема, дорогая. Цыгане. Мы торчим в грязных деревенских хижинах.

– Стучимся в двери и умоляем пустить нас на ночь, – говорит Хилли.

– И твоя мать не против? – спрашивает Розалинда. – Оставайтесь здесь – я настаиваю. Хотя бы на несколько дней.

– На самом деле это здорово, Роз, – говорит Филли. – Стоит только научиться ценить жизнь без забот о деньгах, и ты откроешь себя судьбе.

– Даже в самых маленьких деревнях мы можем найти жилье и местную женщину, что будет готовить. Нужд у нас немного, – говорит Хилли.

– Всегда найдутся те, кто верит в искусство, – говорит Тарас, поднося ладонь Розалинды к губам. – Вы очень щедры. Я приведу с собой других. Есть дети.

– У нас полно места, – говорит Розалинда.

В это мгновение в саду появляются Уиллоуби и Дигби с перекинутыми через шею полотенцами, а следом – учитель Дигби с ведром камней.

Розалинда машет мужу.

– Хорошо поплавал, дорогой? У нас гости.

– Я вижу, – говорит Уиллоуби.

Розалинда снова поворачивается к гостям.

– Как насчет ужина в восемь? А следом стихи. Какой очаровательно внезапный салон. Скажите мне, мистер Тарас, вы рисуете портреты?

– Меня выбирают модели, – говорит он.

– У нас в Чилкомбе много удивительных картин. Возможно, я могла бы провести для вас осмотр? – Розалинда указывает на дом, и Тарас проходит внутрь. Она торопливо догоняет его, говоря, – если вы повернете налево, то найдете...

Но Тарас уже пересек холл и босиком поднимается по лестнице, едва достаивая взглядом картины, что вывешены вдоль нее.

– Лошади, лошади, собаки. Это что, кабан? Англичане со своими животными. Это неестественно.

¹⁸ Кофейный мусс (фр.).

– Более современные картины я держу на первом этаже, мистер Тарас, – говорит спешащая за ним Розалинда, – хотя с галереи открывается прекрасный вид на купол. Его установили по моему заказу. У него зодиакальные мотивы.

Тарас замирает, чтобы перегнуться через перила и посмотреть на холл внизу, где собрались дети, учитель Дигби, Миртл и Перри. Уиллоуби улизнул в гостиную выпить, следом направились и Хилли с Филли. Тарас показывает на Кристабель, и его указующий перст столь же знаменателен, сколь у Бога Микеланджело.

– Где они держат тебя, дитя? Где вы спите со своей французской служанкой?

– На чердаке, – отвечает Кристабель.

– Традиционная семейная детская, – говорит Розалинда. – Скажите, мистер Тарас, откуда вы знаете, что у нас служанка-француженка?

– Дети и слуги всегда на крыше. Как много открывается в том, что спрятано на вершинах домов, – говорит Тарас. – Кристабелла, покажи мне дорогу на твой чердак.

Кристабель взбегает по лестнице и ведет Тараса по галерее, мимо спален взрослых и комнаты Дигби, туда, где деревянная дверь скрывает коридор без окон, что ведет к узкой лестнице наверх. За ними следуют Перри, Миртл, Дигби в головном уборе из полотенца, учитель Дигби, Ов и Розалинда с застывшей улыбкой – цепочкой, будто связанные страховкой альпинисты.

На тесном чердаке Тарас вынужден пригнуться. С его широкими плечами и босыми ногами он кажется великаном на вершине бобового стебля, уменьшающим каждую комнату, в которую заходит. Спальня девочек с полосатыми обоями и картонным театром кажется не более чем кукольным домиком, тогда как комната Моды под самой кровлей, с разбитым чайником у кровати, чтобы ловить капли с протекающего потолка, всего лишь каморкой.

Дети привыкли к тому, что посетители обходят интерьеры дома медленно и уважительно – как подводные ныряльщики, и потому им кружит голову, когда Тарас заходит в места, куда гости никогда не заходят, без спросу распахивая двери.

Ведущая в комнату мадемуазель Обер дверь в дальнем конце чердака заперта, а пространство за ней напряженно от тишины, как будто кто-то стоит без движения и внимательно слушает. Тарас шумно дергает за ручку, затем переходит к соседней двери поменьше, за которой кладовка с низким потолком, в которой хранятся ящики, чемоданы и модель индийского дворца из слоновой кости.

Один из ящиков лежит на боку, выплеснув трости для ходьбы, ятаганы и копья. Картины и гобелены беспорядочно сложены у стен вместе с треснутыми стеклянными кейсами с чучелами тетеревов и перепелов, тогда как рамы с головами антилоп лежат на полу, бездумно пялясь вверх. Позади чучело слоненка на колесиках шатко прислонено к викторианской детской люльке, а в затянута паутиной углу за люлькой башня из книг, украшенная яблочным огрызком, записной книжкой и чем-то похожим на нарисованную от руки карту, придавленную каменной бирюзовой фигуркой.

– Что все это такое? – спрашивает Тарас.

– Я не часто сюда заглядываю, – говорит Розалинда, поднося к лицу носовой платок. – Кажется, эти вещи собирал отец моего мужа, Роберт Сигрейв – великий путешественник.

– Собирал? – говорит Тарас. – Будто они как багаж ждали, когда он заберет их домой. Полагаю, они никому не принадлежали, пока дедушка их не нашел.

– Не уверена, что понимаю вас, – говорит Розалинда. – Многие из этих предметов – антиквариат. Они не просто валялись где-то.

Тарас забирается в каморку, опрокидывая голову антилопы по пути к бирюзовой статуэтке за колыбелькой. Места, чтобы развернуться, ему не хватает, и с фигуркой в руках он выходит спиной вперед, как огромный автобус, дающий задний ход.

– Это – это творение – египетская богиня, нуждающаяся в поклонении. Кто поклоняется ей здесь?

– Это богиня? – говорит Кристабель.

– Нам нужно ее вернуть? – говорит Дигби.

– Она ценная? – спрашивает Розалинда. – Мы могли бы более ценные предметы переместить вниз.

– Теперь, когда у нее есть цена, вы ее желаете, – говорит Тарас.

– Я ничего не знаю о ее цене, – Розалинда смеется – сухой, натуженный звук.

– Если она вам так нравится, мистер Ковальски, почему бы не сделать предложение? – говорит Перри. – Вы же продаете свои картины.

– Деньги – величайший разрушитель искусства, – говорит Тарас.

– Разве? – говорит Розалинда. – Многие известные мне художники считают деньги большим подарком.

– Подарок, что становится лишь тяжелее и тяжелее, – говорит Тарас, нежно стирая пыль с бирюзовой скульптуры – сидячей фигуры с головой льва.

– Уверена, у каждой семьи на чердаке есть коробки. Семейные сокровища, спрятанные на черный день, – дрожащим от волнения голосом говорит Розалинда.

– Разве в Англии большую часть года небо не черное? – отвечает Тарас.

– Все это очень интересно, – говорит Розалинда, – но мне необходимо переговорить с Бетти насчет гребешков. Если позволите, дети будут очень рады показать вам дом, уверена. – Ее аккуратные шаги удаляются по деревянному полу. Толпа на чердаке расступается, чтобы дать ей дорогу, затем собирается снова.

– Прошу прощения, мистер Тарас, – говорит учитель Дигби, – вы, кажется, сказали, что этот предмет – богиня?

– Египтяне называли ее Сехмет, – говорит Тарас. – Богиня огня и войны. Она защищала фараонов в битве и по пути в загробный мир.

Миртл вглядывается в Сехмет.

– У меня есть похожий *objet*¹⁹ из Нидерландской Новой Гвинеи. Примитивное искусство увлекательно.

– Я не знала, что это богиня, – говорит Кристабель.

Тарас поворачивается к ней.

– Но тебя к ней тянуло, нет? Ты хранила ее рядом. Там ведь твое хранилище, не так ли?

– Что ты там делала, Криста? – говорит Ов.

– Ничего. Я захожу туда, когда захочется, – говорит Кристабель.

Тарас кивает.

– Подсознание ведет нас к мистическим символам, и мы должны переводить их. У детей сильная связь с этим инстинктом. Что еще ты делаешь здесь, Кристабелла?

– Ничего. Я рисую карты. Пишу пьесы. Истории.

– И как давно ты занята этой работой? – спрашивает Тарас.

Кристабель хмурится.

– Это не уроки.

– Ты начала работу художника. Так это и происходит. Чердаки. Тайные уголки, – говорит Тарас. – Это работа твоей души.

– Я не художник, – говорит Кристабель.

– Ты в себе сомневаешься? – говорит Тарас.

– Нет, – отвечает она.

¹⁹ Предмет (*фр.*).

– Хорошо. – Тарас стряхивает пыль с богини, затем передает ее Кристабель. – Храни ее. Она тебя призвала. – Затем он поднимается в полный рост и объявляет, будто о принесенных из дальнего королевства вестях: – Я голоден.

Набившиеся на чердак люди топчутся, а потом начинают тянуться к лестнице – кроме Ов, втискивающейся в кладовку, – когда Тарас оборачивается к Кристабель.

– Чей ты ребенок, хранительница кита? Не Розалинды. В это я не поверю. И определенно не этого рыжеволосого мужчины с женственным ртом.

– Мистер Уиллоуби Сигрейв, – вставляет Перри. – Хозяин этого дома.

– Мои родители мертвы, – отвечает Кристабель.

– Я не видел никого похожего на тебя на портретах, – говорит Тарас. – Кроме разве что того, с носорогом.

– Дедушка Роберт, – говорит Кристабель. – У меня его охотничий нож.

– Но в нем нет твоей свирепости. Возможно, только у женщины может быть такая свирепость. Где портреты твоей матери?

– Их нет, – говорит Кристабель.

Перри ловко встревает:

– Возможно, я могу помочь. Полагаю, портреты Аннабель, покойной матери Кристабель, были возвращены в ее родовое имение после смерти.

– Где ее родовое имение? – спрашивает Тарас.

– Его больше не существует, – говорит Перри. – У матери Кристабель было два брата – оба убиты на войне, и очаровательная младшая сестра, последовавшая за мужем в Индию, поэтому имение Эгню досталось дальнему родственнику из Суффолка, если мне не изменяет память. Я слышал, он продал дом и его содержимое, чтобы покрыть налоги на наследство. Печальная история, но не уникальная.

– И ничего не осталось дочери мертвой дочери, – говорит Тарас.

Кристабель кидает на Перри пронзительный взгляд.

– Это мое родовое имя, – говорит она. – Чилкомб.

– Конечно, – говорит Перри, а затем хлопает в ладоши: одинокий ровный звук англичанина, восстанавливающего порядок. – Не знаю насчет остальных, но я бы пропустил стаканчик. Позволите? – Он предлагает руку Миртл.

– Здесь наверху жара как в аду, – говорит поэтесса, и компания удаляется, оставив детей на чердаке.

Ов, вспотевшая и покрытая паутиной, снова возникает из кладовки с плюшевым слоненком. Дигби помогает ей вытащить его на свободу, а затем поворачивается к Кристабель:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.